

de visu

7'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 7(8)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

4 От редакции

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ 5 Беседа о пролетарской культуре
в Вольфиле
Е.В.Иванова

28 А.А.Богданов.
Пять недель в ГПУ
М.П.Одесский, Д.М.Фельдман

СТАТЬИ 44 *Б.Янгфельдт*
«Крикогубый Заратустра»

БИБЛИОГРАФИЯ 53 *А.В.Валюженич*
О.М.Брик:
Материалы к библиографии

ЗАМЕТКИ 63

ОБЗОРЫ 67 Книги. Журналы. Газеты
«Вестник гуманитарной науки»

ХРОНИКА 80

POST SCRIPTUM 89

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Елена Дворецкая,
Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

С №4(5) журнал издается при поддержке
Союза учредителей фондов немецкой науки (Эссен)
Stifterverband der deutschen Wissenschaft (Essen)

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Tatiana Tchernova:
P.O. Box 1641
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60×84 1/8 Печать офсетная
Заказ 4547 Тираж 1000 Печ. л. 12,5
Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- Книжные обзоры и рецензии*
- Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- Хроника научной жизни.*

От редакции

Первоначально редакция планировала посвятить этот номер 100-летию со дня рождения Маяковского. К сожалению, этого сделать не удалось: из трех планировавшихся в этом номере статей поступила к настоящему времени лишь одна; не были подготовлены вовремя и публикации.

Нас не утешает то, что в этой ситуации мы не одиноки (см., в частности, редакционное предисловие к 2-му выпуску историко-литературного альманаха «Лица». Ср. редакционное предисловие к №4 журнала «Логос»).

Редакция искренне сожалеет о случившемся и надеется, что к следующему юбилею великого поэта ей удастся выполнить задуманное.

Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле

История Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы), существовавшей в Петрограде в 1919-1924 гг., составляет особую страницу в духовной жизни послеоктябрьского периода. Это была первая попытка дореволюционной интеллигенции, которую тогда еще не успели окрестить «бывшей», объединиться в новых исторических условиях. Инициатива создания Вольфилы исходила от писателей и литераторов, образовавших в 1916 г. литературную группировку «Скифы» и издавших в Петрограде в 1917 и 1918 гг. два сборника под тем же названием. На страницах этих сборников были опубликованы произведения А.Белого, В.Я.Брюсова, С.А.Есенина, Н.А.Клюева, А.М.Ремизова, О.Д.Форш (под псевдонимом «А.Терек»), П.В.Орешина, Е.И.Замятина, А.А.Ганина, Л.Шестова, А.М.Аврамова, Р.В.Иванова-Разумника и С.Д.Мстиславского. Как отмечал в воспоминаниях Иванов-Разумник, только из-за отсутствия в Петрограде к «Скифам» не примкнул А.А.Блок¹. За немногими исключениями имена почти всех этих деятелей культуры мы находим в протоколах и отчетах Вольфилы.

Среди дореволюционной интеллигенции «скифы» оказались в числе немногих, принявших Октябрьскую революцию и настроенных на первых порах лояльно по отношению к взятому большевиками курсу. Это вызвало острые нападки на «скифов»: их обвиняли в продажности, называли «прихвостнями правительства» и т.п. Политически «скифы» тяготели к левым эсерам; на страницах левозсервской газеты «Знамя труда» и журнала «Наш путь» произойдет новая консолидация этой группировки после Октябрьской революции. Осенью 1918 г. часть бывших «скифов» соберется в Театральном отделе (ТЕО) Наркомпроса, к работе в котором Р.И.Иванов-Разумник, К.Эрберг, А.З.Штейнберг, А.М.Аврамов, А.Белый и А.А.Блок в разной степени будут причастны. На заседаниях ТЕО и родилась идея создания Вольфилы. В ноябре 1918 г. во «Временнике» ТЕО был опубликован ее первый манифест под заглавием «Объяснительная записка к проекту положения о "Вольной Философской Академии"» (первоначально объединение предполагалось создать по образцу платоновской академии, но разрешение было получено на создание ассоциации). В манифесте, под которым стояли подписи Блока, Иванова-Разумника, Штейнберга и Эрберга, было сказано, что Вольфила возникла из потребности времени «в особом учреждении, ставя-

щем себе целью исследования и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, а также распространения в народных массах философски-углубленного отношения к этим вопросам». Авторы манифеста считали свою деятельность ответом на возникшую в среде творческих деятелей «жажду от всякого ученого, общественного деятеля или художника услышать слово "последней правды" и оправдания того, что они творят и делают». Эту потребность времени вольфильцы формулировали также как стремление к «единому смыслу», т.е. к восстановлению целостного, органического характера как человеческого знания, так и человеческой деятельности в целом. Этот круг идей, лишь намеченный в указанной декларации Вольфилы, Блок затем разовьет в статье «Крушение гуманизма», на которую эти программные установки оказали несомненное влияние. Целое знание, по Блоку, есть противовес специализации и дробности, которые он считал главными свойствами послевозрожденческой культуры. Свои программные установки на этом первом этапе вольфильцы сформулировали следующим образом: «Русская революция открывает перед Россией и перед всем миром новые широкие и всеобъемлющие перспективы культурного творчества. Впервые из идеи Единого Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может, наконец, осуществиться и должна принять характер конкретной организационной попытки. Этому делу хочет посвятить себя Вольная Философская Академия. Она связывает со словом "Академия" память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусства и общественность еще были связаны цельностью и законченностью античного мироздания; Академия, видящая в свободе общения и преподавания ту естественную атмосферу всякого творчества, в которой только и могут зарождаться и развиваться существенные культурные начинания; Академия, относящаяся к философии как к той хранительнице заветов единства, без которого нет ни Единого Человечества, ни единого Общечеловеческого Идеала. Именно в этом смысле вся работа Академии должна протекать в духе философии и социализма»². Конкретные разговоры о создании Академии начинаются в январе 1919 г. Первое учредительное собрание состоялось 25 января в Царском Селе на квартире Иванова-Разумника; на нем присутствовали следующие лица, ставшие затем членами-учредителями: А.А.Блок, А.Белый, Р.И.Иванов-Разумник, Б.А.Кушнер, В.Э.Мейерхольд, К.С.Петров-Водкин, А.З.Штей-

нберг, К.Эрберг. Кроме них в члены-учредители записаны были также Е.Г.Лундберг, Л.Шестов и А.Авраамов, но отсутствие их в Петрограде сделало их причастность к Вольфиле чисто номинальной. Во время этого первого заседания была получена телефонограмма из Москвы, что создание Академии запрещено, взамен было разрешено образовать Вольное философское объединение, которое будет получать от государства некоторые субсидии. Объединение на том же заседании было решено назвать Вольной Философской Ассоциацией, под этим именем она и существовала в дальнейшем.

После первого учредительного собрания последовала полоса долгого «проталкивания» Вольфилы в инстанциях. В результате ее заседания открылись только 16 ноября 1919 г. — чтением работы Блока «Крушение гуманизма», ставшей своего рода программой для последующей работы Вольфилы.

По своему составу Вольфила была крайне неоднородна. В ее руководстве тон задавали, несомненно, символисты, и потому ее можно назвать постсимволистским объединением. «Вольфилу создавали А.Белый и А.Блок, — вспоминала одна из участниц Вольфилы Н.И.Гаген-Торн, — в ней было многое от символистов»³. Участие Блока в создании Вольфилы было, однако, недолгим и к началу работы Ассоциации он утратил интерес к ней; Белый участвовал в работе Вольфилы крайне интенсивно, но наездами (за время ее существования он дважды уезжал в Берлин). Настоящим лидером Вольфилы был Иванов-Разумник, как на это справедливо указывал К.Эрберг: «Председателем состоял Андрей Белый (Б.Н.Бугаев), который тогда в Петрограде не жил. Основным же деятельным бродильным началом Вольфилы был Р.В.Иванов»⁴.

Помимо перечисленных вольфильцев, к Ассоциации скоро примкнули бывшие участники петроградских религиозно-философских объединений: среди лиц, выступавших на ее заседаниях, мы находим Н.О.Лосского, С.А.Аскольдова, А.А.Мейера, Л.П.Карсавина, Э.Л.Радлова (последний был, вероятно, одним из самых старших по возрасту).

Слушателями Вольфилы и участниками семинаров была петроградская молодежь. В анкетах членосопроводителей, поступавших в Вольфилу в 1919-1920 гг., мы встречаем имена некоторых будущих «серапионов»: М.М.Зощенко, Л.Н.Лунца, И.А.Груздева, Н.Н.Никитина, в протоколах заседаний — опозовцев В.Б.Шкловского, Ю.Н.Тынянова, Б.М.Эйхенбаума. Посещал заседания Вольфилы юный тогда Д.Е.Максимов.

Публикуемая ниже стенограмма «Беседа о пролетарской культуре» относится к раннему периоду существования Вольфилы и является первой попыткой вольфильцев, в подавляющем большинстве состоявших из представителей дореволюционной интеллигенции, определить свое отношение к новой культуре, которая не просто выходила на литературную арену, но и заявляла претензии стать единственной выразительницей нового времени. В 1917-1920 гг. деятельность объединений пролетарских писателей (в первую очередь — Пролеткульта) получила необыкновенное распространение. В целом по стране

выходило около 20 журналов, так или иначе связанных с ними; издавались преимущественно книги пролетарских писателей. В октябре 1920 г. прошел I Всероссийский съезд Пролеткульта. Наряду с футуристами, пролеткультовцы настойчиво выражали убеждение, что создаваемое ими искусство призвано упразднить старую буржуазную культуру.

Тем не менее многие дореволюционные литераторы в те годы активно сотрудничали в Пролеткульте. О своей работе в Пролеткульте вспоминали позднее В.Ф.Ходасевич⁵, М.В.Сабашникова⁶, проявлял интерес к Пролеткульту и Блок⁷, о стихах поэтов-пролеткультовцев писал Брюсов⁸. Большое участие в деятельности Пролеткульта принимал и Белый, председательствовавший на заседании Вольфилы о «пролетарской культуре» и упомянувший о своей работе в Пролеткульте в своем выступлении.

Статьи Белого печатались в органе московского Пролеткульта «Горн» (см. ниже), он принимал участие и в выработке программы этого издания. В «Ракурсе к дневнику» в 1918 г. он записывает: «С октября — служба в Пролеткульте, отнимающая все время: приемы, заседания, подготовка к лекциям, беседы со студийцами, воскресники, обязательное участие в которых необходимо, как необходим и формальный разбор всего читаемого материала. <...> За этот месяц кроме «своих» и антропософов постоянно по делу выдаюсь в Пролеткульте с Шварцем, Плетневым, Вешневым, Герасимовым, Клычковым, Есениным, Орешиним, Полетаевым, Розовым, Санниковым, Александровским, Кривцовым, Кролиным и рядом других лиц». Здесь же Белый упоминает о «курсе ритмики в Пролеткульте», а в ноябре — о курсе «Ритмика» и публичной лекции «Стихование». В начале 1919 г. работа в Пролеткульте возобновилась: с февраля по апрель Белый читал здесь курс лекций «Теория художественного слова» и вел литературную студию. В марте он отмечал, что «Литературная студия постановляет: читать не по субботам без ограничений времени, весь март читаю по 4-5 часов»⁹. Тогда же, в марте, Белый упоминает и о своем присутствии на организационных заседаниях журнала «Горн»¹⁰. В результате работы в Пролеткульте Белый написал специальный курс лекций, текст которого был утрачен¹¹. Деятельность Белого в Пролеткульте заканчивается в августе 1919 г., когда он записывает: «Заседание в Пролеткульте, после которого бросаю Пролеткульт»¹².

Переехав в 1920 г. в Петроград Белый некоторое время сотрудничал и в местном Пролеткульте. 20 мая он записывает: «Моя первая лекция в петроградском Пролеткульте (приглашен лектором)»¹³. Вторая лекция упомянута 24 июня — это последнее упоминание о работе Белого в Пролеткульте.

Таким образом, интерес к проблемам пролетарской культуры у вольфильцев возник не случайно: он был связан и с необычайной активностью Пролеткульта в литературной жизни того времени, и с практикой общения с пролетарскими писателями членов Вольфилы.

Публикуемый ниже стенографический отчет сохранился не полностью (ИРЛИ, ф.79, оп.5, ед.хр.2): отсутствуют отдельные страницы выступлений

А.А.Мейера и Н.Н.Пунина, не полностью дошло до нас выступление А.И.Маширова-Самобытника. Мы не располагаем сведениями о том, кто еще выступал на этом заседании Вольфила. В планы Ассоциации входило издание сборника «О пролетарской культуре», подготовленного на основе стенограммы 21 марта 1920 г. В сборник предполагалось включить выступления А.Белого, П.П.Гайдебурова, Р.В.Иванова-Разумника, А.С.Лурье, А.А.Мейера, К.С.Петрова-Водкина, Н.Н.Пунина, А.З.Штейнберга, К.Эрберга¹⁴. Как и многие издательские планы Вольфила, этот план не осуществился; напечатаны были только выступления Иванова-Разумника (под заглавием «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация») и Белого (под заглавием «Прыжок в царство свободы») в левоэсеровском журнале «Знамя»¹⁵. Поскольку в стенограмме выступления Иванова-Разумника отсутствует одна машинописная страница, мы восстанавливаем ее по тексту журнальной публикации. Восстановленный текст дан курсивом. Текст стенограммы напечатан без разбивки на абзацы. При публикации абзацы в тексте выделены нами.

1. Иванов-Разумник Р. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С.224.
2. Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. 1918. Вып. I. С.12.
3. Гаген-Торн Н.И. Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде в 1920-1922 гг. // Вопросы философии. 1990. №4. С.99.

4. ИРЛИ, ф.474, ед.хр.53, л.12
5. См. публикацию Н.А.Богомолова: Литературная газета. 1989. 23 августа.
6. См. главу «Химера» из воспоминаний М.В.Сабашниковой «Зеленая змея» (М., 1993).
7. См., напр., воспоминания Н.А.Павлович и Вс.И.Иванова: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т.2. С.396, 403-404.
8. Брюсов В.Я. Среди стихов. М., 1990. С.563-565, 649-653.
9. Белый А. Ракурс к дневнику // РГАЛИ, ф.53, ед.хр.100, л.95 об.-99.
10. Там же, л.98 об.-99. Белый опубликовал в «Горне» статью «О стихах Александровского» (1918. №1), рецензию на сборник «Завод огнекрылый» (Там же), статьи «О художественной прозе» (1919. №2/3) и «О ритме» (1920. №5).
11. Вероятно, это тот курс лекций, который под названием «Этюды о русском стихосложении» упоминает Н.А.Павлович в заметке о планах Литературно-издательского отдела Пролеткульта (Горн. 1918. №1. С.46).
12. Белый А. Ракурс к дневнику. Л.100.
13. Там же, л.104.
14. ИРЛИ, ф.79, оп.5, ед.хр.8, л.68.
15. Знамя. 1920. №5(7). С.36-42.

Беседа о пролетарской культуре 21 марта 1920 года

Председатель (Андрей Белый): Объявляю заседание открытым. В начале заседания я хотел бы сказать несколько вводительных слов и соединить эти вводительные слова с темой, которую я взял на себя.

Наша сегодняшняя беседа является продолжением целого ряда бесед, где проблема культуры играла значительную роль. Тема сегодняшней беседы, «пролетариат и культура», является насущной. Со стороны одной части общества мы слышим: пролетарская культура есть именно та культура грядущего, которая раскроет нам то, что в условиях современной действительности, пока в мире существует буржуазный строй, не вскрываемо, а со стороны другой части общества мы имеем целый ряд категорических утверждений, отрицающих самую постановку вопроса о пролетарской культуре, потому что пролетариат есть класс и как класс среди классов развивает свое отношение к действительности; между тем культура мыслится многими как нечто общечеловеческое, как нечто, выходящее из рамок класса.

Думается мне, что в зависимости от того, как будем мы брать тему «пролетарская культура», как будем ставить самый вопрос о пролетариате и культуре, мы придем к многообразной серии ответов. Мои слова не будут касаться утверждения или отрицания пролетарской культуры; они будут касаться скорее целого ряда недоразумений, которые в нашей предстоящей беседе и следовало бы вырешить.

Все мы знаем утверждения, которые делаются многими теоретиками пролетариата и которые сводятся к тому, что пролетариат несет нам царство свободы и что переход к будущему социалистическому строю есть переход от необходимости к свободе, что весь наш строй обусловлен необходимостью, так что мы не можем представить себе свободного развития того строя, который должен сменить существующий строй.

Таким образом все то, что встает перед нами как картина будущего социалистического человечества, все это, встающее перед нами, является нам как бы скрытым

флером представлений о необходимости, вписанных нашей собственной кровью и плотью; и таким образом, это царство свободы, скачок к которому рисует нам, например, Энгельс, является никак не вскрываемым, никак не определяемым.

Уже при такой постановке проблемы встает ряд вопросов, которые мы имеем право себе поставить.

Если царство свободы неопределяемо в условиях нашей действительности, то оно звучит нам не как нечто реально раскрывающееся, а как нечто, при помощи чего мы отрицательно определяем свое отношение к современной действительности; и первый вопрос тут встающий — таков: есть ли царство свободы нечто реальное, конкретное, что имеет свое действительное содержание, или это, как говорят в философии, постулат, то есть последнее завершение наших представлений и притом совершенно абстрактное.

Царство свободы противопоставляется необходимости; вся старая культура, породившая уродства буржуазной культуры, признается царством необходимости, царством несвободы, и упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы.

И вот спрашивается, откуда разовьется эта свобода? Есть ли культура свободы действительно нечто конкретное, а не теоретический ход мысли, показывающий, что здесь обрываются наши представления? — Из ничего ничто и разовьется. Стало быть, если мы полагаем царство свободы, в которое нас ведет пролетариат, мы должны положить, что некоторые начатки этого конкретного царства в нас заложены.

Это один вопрос, который возникает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на свободе. Другой вопрос встает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости: если в современном строе господствует необходимость, то ведь и пролетариат является следствием этой необходимости; он есть показатель распада и разложений, внесенных буржуазной культурой, — стало быть, пролетариат не является вовсе тем классом, который нас вводит в раскрывающуюся свободу; или пролетариат, упраздняя необходимость, но сам являясь порождением необходимости, упраздняет сам себя: необходимость ликвидирует в пролетариате сама себя.

Так ли это? Думается мне, оба решения при всей их ясности страдают абстрактностью.

Прежде всего представление о необходимости и свободе, рождаемой из ничего, не может нас удовлетворить.

Если действительно пролетариат проводит нас через Фермопильское ущелье периода диктатуры пролетариата, то он все же выводит нас в долину, где человечество встречается уже по-иному: для позитивной работы и для культурного творчества; стало быть, в пролетариате есть зиждательная сила, какие-то особые, благоприятные условия совершить мучительный переход к раскрытию человеческой свободы; свобода и в нашем строе как-то загадана, но связана условиями механической жизни, то есть ненормальным ростом промышленности.

Таким образом следует полагать: пролетариат в силу классовых условий приближается к всечеловечеству; он является носителем всечеловеческого идеала, оставаясь классом.

При такой постановке вопроса следует представить себе двойственность пролетариата: с одной стороны, в пролетариате есть нечто противоположное классам; с другой — пролетариат есть класс среди классов; взятие пролетариата как класса не является ли порождением царства необходимости, которое упраздняется? Следует остановиться на черте, характеризующей теоретиков социализма: они говорят про организующие способности пролетариата (история есть процесс организации)¹. С этой точки зрения, разные исторические периоды суть периоды организаторские, и все человечество в конце исторического процесса явится организованным коллективом; такой коллектив и кладется в основу представления о социалистическом строе. Организация, связь индивидуумов полагается теоретиками пролетариата в основу будущего строя: но тут же в основу истории кладется представление о механической необходимости. Механика есть нечто, диаметрально противоположное организму. В организме мы имеем индивидуумов, коллектив индивидуумов, где каждый индивидуум, оставаясь на своем месте, тем не менее в человеческом коллективе играет свою роль. Только такая мыслима организация; иначе организация была бы механизацией. Таким образом, если пролетариат несет в себе идеал свободы, которая мыслима как органическое развитие человеческих способностей к свободному соединению человеческих индивидуальностей в общеклассовом деле труда и творчества, тогда как раз представление о человечестве, как механизме, будет представлением, внесенным из царства необходимости, из

буржуазной культуры, создавшей картину истории как какой-то индивидуальность пожирающего механизма. Мы должны сказать: у многих идеологов, рисующих пролетариат как символ будущего, ярко выражен взгляд на развитие человечества как механизма, законы исторической необходимости, будучи определяемы чисто материальными потребностями человека, механически подвигают к свободе нас. В идеологии марксизма, кладущей механический метод в основу своих представлений, многое заимствовано у буржуазной культуры, которую опрокинет пролетариат; идея необходимости, рока, связанности в различных мировоззрениях современности вынашивает культуру, обреченную на гибель; возникает недоумение (его и было бы желательно выдвинуть) — в какой мере взгляд на историю как на процесс постепенной организации соединим с детерминистическими представлениями некоторых идеологов пролетариата.

Если мы положим необходимость в основу наших представлений, то мы должны заявить: в необходимости не может быть революции; эволюция есть основа самой революции.

Революция — эпизод эволюционной истории; если капиталистическое производство, развиваясь с необходимостью, порождает свою ликвидацию, то смысл социальной революции, то есть обобществление орудий производства, является лишь эволюционным завершением некоторого огромного периода, последним этапом эволюции; тогда почему же мы называем социальную революцию революцией, когда мыслим ее эволюционно.

При таком взгляде социальная революция не может нам вскрыть положительную культуру свободы; и, таким образом, пролетариат как последнее звено в эволюции человечества есть лишь разъедающий все гнилое и — не созидующий нового. Но идеологи социализма не так говорят; они говорят, что история начинается после этого акта исторической драмы. Кто начинает ее?

Итак, если мы положим механический взгляд на человека и на историю человечества, то мы должны будем сказать, что пролетарская культура не есть культура открывающая, а последний этап культуры кончающей. Я не разделяю этого взгляда; я только подчеркиваю: такая точка зрения выявляется из намеченных идеологических предположений; у идеологов пролетариата встречает нас расхождение. Одни подчеркивают ликвидирующий смысл его, как класса, который путем организационной борьбы ликвидирует наши представления о культуре.

Такой взгляд влагает в пролетарскую культуру чисто милитантный* смысл, — пролетарская культура есть та, которая заканчивает борьбу; она — ликвидирует, кончает, оттачивает орудия борьбы; в таком случае пролетарская культура противоречит общим представлениям о культуре, как о начале организующем и соединяющем; тогда пролетарский милитаризм, ограничивающий и суживающий представления о пролетарской культуре как культуре класса, ныне существующего, не может связать себя с представлением о культуре будущего: о той культуре, которая развивается только тогда, когда человечество будет высвобождено из классовых предрассудков. Некоторые из пролетарских критиков выдвигают другой взгляд, противопологающий себя взгляду, только что высказанному. Они указывают на то, что задачей пролетарской культуры не является ликвидация продуктов нашей культуры; если всю культуру, организованную буржуазией, необходимо сдать в архив, то мы должны сдать в архив и все наши собственные представления о пролетарской культуре вместе с произведениями искусства, должны ликвидировать и Бетховена, и Шекспира; и — придти к парадоксальному утверждению: дважды два четыре есть аксиома математики; математика является порождением науки буржуазной; в будущей культуре дважды два будет не четыре, а может быть пять. Вот, к какому абсурду мы приходим. Характеризуемое течение указывает: задача пролетариата не в том, чтобы быть культурой милитантной, ликвидирующей нашу культуру; пролетариат должен остановиться перед этой культурой и высвободить ее из буржуазных оков.

С точки зрения этих представлений, буржуй — это тот, у которого верхняя одежда и нижняя, пролетарий — тот, у которого нижняя одежда, но и под ней и одеждой есть человеческое тело без одежды. Так вот, может быть там, где начинается человеческое, по существу человеческое, там и начинаются представления о подлинной, не извращенной необходимостью, свободной культуре; пролетариат и ставит задачей себе выявить эту свободу; она в нас загадана и, может быть, не имеет еще своих выражений, поднимаясь, как музыка в душе. Я полагаю, что многое в устремлениях

* Вероятно, от слова *militaris* — воинственный (лат.)

пролетарского сознания следует отнести к свободе, высвобождающей в человеке — человека по существу: пролетариат, имея свой смысл, как класс боевой, имеет, может быть, другой, второй смысл, воистину человеческий смысл. Царство свободы, прыжок в которую из необходимости изображает Энгельс, это-то царство в нас с нашими предвзятыми догматами задавлено. Пролетариат в устремлении к всечеловеческой культуре является дверью, вскрывающей как раз сторону культуры, которая до сих пор остается не буржуазной, не дворянской и не пролетарской, а человеческой. В пролетарском мировоззрении нас встречает нечто динамическое; трудовое царство, противопоставляемое царству капитала, есть царство динамики, энергии, действия, а не царство золотых вещей. Произведения культуры динамичны: картина имеет не три измерения; четвертое измерение ее есть все то, что она взрывает в душе: она — динамический круговорот переживаний; трудовая идеология как динамическая противопоставляется идеологии статической, но в трудовой идеологии еще не выяснено понятие действия; человек есть человек трудящийся, активный, не почитающий на вещах; нужно вскрыть теперь трудовое действие: в чем оно проявляется? Есть ли труд — бремя, связывающее человека, или, наоборот, будущее раскрытие труда преобразует его в творчество?

Мировоззрение трудовое должно еще вырешить, углубить понятие трудовых действий; на них ведь оно строит царство свое. Есть ли трудовое действие общеобязательный государственный труд, который всех одинаково приневоливает, или же наоборот, оно есть свободное излучение человеческого творчества? А если — последнее, то будущее царство культуры нами и мыслимо как царство творчества, где индивидуумы соединяются в коллектив для всеобщего творения бесконечных ценностей.

Представление о таком творчестве, о такой культуре противопоставляется другим взглядам на культуру так, как в искусствах музыка противопоставляется другим искусствам: в музыке мы имеем нечто, возбуждающее нашу душу, нечто, говорящее нам; в других искусствах мы имеем те или иные образы, то или иное, связанное с материей.

Когда мы слушаем музыкальное произведение, мы должны сказать, что музыка не связана ни с какими образными, конкретными представлениями; пролетарская культура, если она несет в себе свободу, еще не имеет своих творческих ценностей, образов, но, как музыка, она есть импульс к какому-то новому творению.

Выявить эту музыку, разбить скорлупу на творчестве, высвободить творчество из обязательного труда — это и значит превратить человека в свободного гиганта, которого вся жизнь претворится в музыку; поскольку пролетариат есть носитель чего-то динамического, вечно ищущего и не останавливающегося, постольку культура его есть динамическая, творческая культура; лишь начатки ее мы носим в себе; эти начатки еще не раскрыты, они нам загаданы, как невнятная музыка, движущая вперед и вперед. Но тогда мы не можем сказать, что будущее пролетарской культуры связано именно со скачком из царства необходимости, как чего-то конкретного, в царство свободы, как чего-то абстрактного, — а это есть высвобождение из смутно загаданных человечеству устремлений к творчеству, освобождение этих зачатков творчества, уже в нас во всяком строе существующих, выявление их и организация жизни по закону этого творчества.

Вот, собственно, какие, товарищи, разные представления возникают в нас, когда мы сосредоточиваем наше внимание на вопросе о пролетарской культуре. Я не пытался, как непролетарий, разрешить эти вопросы в каком-либо догматическом смысле; я только выявляю вопросы, и было бы хорошо, если бы наша дальнейшая беседа была посвящена всестороннему обмену мнений и выявлению как объема, так и содержания понятия «пролетарий» и понятия «культура».

Иванов-Разумник: Я ограничусь очень немногим, более постановкой вопросов, чем каким бы то ни было решением их. Тема, которую я хотел бы затронуть, сосредоточивается на двух словах, на двух понятиях, на возможности их соединения: на словах «пролетарская» и «культура». Позвольте подойти мне к этому вопросу, казалось бы, несколько формально, — но этот формальный подход введет нас в самое существо вопроса. Мы говорим: «буржуазная культура», «пролетарская культура», — никогда не задумываясь, не есть ли это то, что в логике называется *contradictio in adjecto*^{*}, противоречие двух соединенных понятий, как, например, «круглый квадрат».

* Противоречие в объекте (лат.)

На этот вопрос я хотел бы ответить в отрицательном смысле. Я думаю, что соединение этих двух слов есть именно «круглый квадрат», что ни «буржуазной культуры» нет, ни «пролетарской культуры» нет и не будет, а есть нечто другое.

Казалось бы, здесь спор о словах, но за «словами» иногда бывает скрыто глубокое содержание.

Те из присутствующих, которые знакомы с первыми заседаниями Вольфилы и знают направление наших работ с самого начала докладов, — с доклада Александра Блока о «Кризисе гуманизма», — вероятно вспомнят, что мы с самого начала останавливались на проблеме двух понятий, давно разграниченных и в социологии, и в философии культуры: именно — на «культуре» и «цивилизации».

Этому вопросу был посвящен доклад Александра Блока²; этому вопросу уже давно посвящены были статьи Петра Львовича Лаврова³.

Цивилизация — внешние формы, культура — внутреннее содержание: это очень грубое, очень лубочное определение, но можно условно на этом определении временно остановиться. Подходя теперь к вопросу о «пролетарской культуре», я хотел бы сразу сказать: я понимаю, когда говорят «буржуазная цивилизация», «пролетарская цивилизация», но я совершенно не в состоянии понять сочетания понятий, когда речь идет о «буржуазной культуре» или «пролетарской культуре».

В чем же, собственно, разница между этими двумя, казалось бы, такими однозначными понятиями и почему невозможно соединить эти два слова «буржуазия» и «пролетариат», с одной стороны, и «культура», с другой, в одну общую фразу?

Да просто потому, что «буржуазия» и «пролетариат» суть понятия «классовые», а «классовой» может быть только «цивилизация».

Определенный класс создает определенную цивилизацию, и цивилизация эта становится «интернациональной», потому что общий уровень европейской цивилизации приблизительно один и тот же, как вода в сообщающихся сосудах.

Но когда мы говорили, что определенный класс создает культуру, то тут уже появляются всяческие сомнения.

Когда мы говорим о «дворянской культуре» эпохи, например, Пушкина или Льва Толстого, то я позволяю себе очень в этом усомниться, потому что я знаю: дворянский класс создал в России определенную цивилизацию; но, когда мне говорят о творчестве Пушкина или Льва Толстого, то я чувствую, думаю и знаю, что творчество Пушкина и Льва Толстого идет из глубоких народных корней, что здесь идет речь о культуре не классовой, не дворянской, не буржуазной, а народной.

Итак, понятие «цивилизация» является классовым и в то же самое время интернациональным, понятие же «культура» — внеклассовым и в то же самое время народным.

Долгое время считалось признаком дурного научного тона в социологии говорить о «народном», потому что «народа» нет, народ есть суммарная масса, понятие без содержания.

Научная социология в корне отрицала это понятие: говорить о «душе народа» — это-де такое произвольное словосочетание, с каким настоящая, подлинная «наука» оперировать не может.

Однако это, столько раз отрицавшееся, понятие в настоящее время все больше и больше начинает получать права гражданства. Мы чувствуем, что «народная душа» не есть пустое слово; когда мы говорим о различиях революции в Германии и революции в России, о возможной революции в Англии и Франции, — мы знаем, что не только социальные условия будут тут действовать, но какие-то тончайшие нити протянуты от социальных условий к тому, что мы называем «душой народа».

И когда мы говорим о культуре, мы говорим именно о душе народа; класс только случайный выразитель этой культуры (как класс среднего дворянства был выразителем русской культуры и русской литературы XIX-го века).

В то время, как цивилизация растекается приблизительно ровным слоем по лицу всей земли, всей страны, всего мира, культура глубоко народна, глубоко индивидуальна, глубоко национальна.

В этом заключается и постановка вопроса о «пролетарской культуре» и определенный ответ на него.

Однако здесь надо сразу устранить возможность ряда недоразумений. Прежде всего, когда мы говорим о «пролетарской культуре», мы говорим только о возможности, но не о реальном осуществлении.

Самые жаркие и горячие сторонники пролетариата, ломающие копья за «пролетарскую культуру», все-таки прекрасно знают, что она — дело грядущих дней, грядущих возможностей, что сегодня ни о какой «пролетарской культуре» и речи быть не может, потому что прошло всего три дня мировой истории с тех пор, как пролетариат начал себя проявлять, и было бы смешно требовать, чтобы это проявление стало реальным в течение такой трехдневной истории. Когда в первые века христианства какому-нибудь уточненному римлянину сказали бы, что будет существовать христианское искусство, христианская культура, он, вероятно, пожал бы плечами.

Но ведь христианская культура слагалась, строилась в течение веков и какой-нибудь готический собор XIII и XIV столетия был отражением того, что произошло в первый век по Рождестве Христовом.

Каковы дальнейшие перспективы того, что мы можем назвать народной культурой, никто из нас не знает.

Мы только знаем, что случилось «что-то» в мире, и это «что-то» вылилось в формы социальной революции и потрясло старый фундамент, старые устои. Пошатнулось — что? — цивилизация или культура? Трамвай не ходит, телеграф не действует, печи не топятся — «цивилизация» нарушена. Но с другой стороны, рухнула и культура определенного европейского уклада, — опять сошлюсь на те же самые наши беседы о «кризисе культуры», которые уже несколько месяцев ведутся на заседаниях Вольной Философской Ассоциации⁴.

Но так или иначе, каково бы ни было дальнейшее развитие и цивилизации и культуры, — ясно, что пролетариату как классу доступно будет только то, что было доступно как классу буржуазии.

Буржуазия как класс не строила культуры, но строила определенные формы цивилизации, и эта цивилизация была классовая и интернациональная.

Пролетариату в будущем может предстоять только та же самая роль: сокрушив старые формы, он будет иметь возможность, он будет принужден построить новые формы цивилизации, и эти новые формы цивилизации тоже будут интернациональны и классовы. Но в них должно быть влито некоторое творческое содержание. Кто его вольет? Определенный класс, который идет за пролетариатом? Нет. Содержание это вливается не классом, а народом, и пролетариат как часть этого народа, как часть громадного целого, вливает и выявляет в новых формах культуру, которая для нас еще не ясна и которую представить себе мы можем только очень приблизительно.

Очень часто, когда с высоты определенной теории и с высоты исторических перспектив, переходишь к вопросу сегодняшнего дня, приходится слышать самые шипящие речи о будущей цивилизации, о будущей культуре.

Я не думаю, что преувеличу, если скажу, что из ста человек девяносто шипят. И невольно напрашивается деление массы на людей, по Гейне, на «шипящих» и «пыхтящих». Шипящие — это змеи, которые ненавидят все окружающее, ненавидят все, что совершилось; они шипят, как шипит один большой русский писатель <Максим Горький>: «пус-с-тое мес-с-сто», все провалилось, все рухнуло, место пусто, мрак и ночь.

Этих шипящих очень много среди нас, мы ими окружены, и новое творчество, новый строй форм культуры идет под этот шип непрерывный. Но, относясь совершенно определенно к этому шипу и свисту, нужно столь же определенно отнестись и к тем, которых можно назвать «пыхтящими».

Пыхтящие — это те «идеологи пролетариата», те лягушки из басни Крылова, которые хотят раздуться до буржуазного вола. «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» — «Нет, кумушка, далеко» — и вот — «пыхтела да пыхтела»... — конец басни Крылова не будет ли концом современных «идеологов пролетариата», которые думают, что творчество культурных ценностей уже в настоящее время чуть ли не достигло апогея? Все это попытки сравняться с буржуазным волем, который, по мнению таких представителей пролетарской цивилизации, уже подыхает, если уже совсем не сдох во всей Европе.

Но зачем же надуваться, пыхтеть и сравниваться с тем, что, может быть, является уже мертвым телом? Это пыхтение и желание раздуться до размеров буржуазного вола есть другая сторона змеиного шипения и тоже подлежит самому решительному осуждению, ибо мы должны признать, что раздуться в настоящее время до вола этим людям нет никакой возможности и никаких надежд на ближайшее будущее.

Ибо посмотрите, в какие формы вливается все то, что считается в настоящее время «пролетарским искусством»?

Это — самый последний сорт всего того, что когда-то ютилось на задворках самых захудалых буржуазных журналов и газет.

Есть отрадные исключения, есть несколько подлинно даровитых поэтов, есть несколько талантливых даровитых людей, но они не «раздуваются», раздуваются всегда только те, которые по величине своей не могут сравниться с волом. Вот та сторона вопроса, которую мне хотелось бы поставить для дальнейших бесед.

Резюмируя вкратце, скажу следующее: в «пролетарскую культуру» я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и «культуры буржуазной»; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смывом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить себе не можем.

Но в культуру, не буржуазную и не пролетарскую, я глубоко верю, верю в то творчество, которое пойдет не по классовым рубрикам, а которое вольно, ибо дух дышит, где хочет; и творчество это будет не пролетарским, и не буржуазным, оно будет народным. А дальнейший этап, который мы еще и предвидеть не можем, который так далек, что мы теряемся в исторических перспективах, — творчество, уже не народное, а творчество всенародное, в буквальном смысле интернациональное, творчество не русское, не немецкое, не французское, творчество объединенного человечества. К этому история мира идет, к этому может быть когда-нибудь она и придет. Вот такая постановка вопроса мне представляется интересной для наших последующих бесед. Вместе с тем, когда мы будем говорить о пролетарской культуре или цивилизации (это слова, а за слова стоять не нужно), — желательно все-таки помнить одно: о чем идет речь? Если речь идет о внешних формах строительства, то для пролетариата тут такая же широкая дорога, какая была в свое время у буржуазии; пролетариат эту дорогу себе пробьет. Если же речь идет о внутреннем содержании строительства, то и здесь пролетариату открыт широкий путь, но не как классу, а как творческому началу одного общего великого целого — великого народа.

А. А. Мейер⁵: Андрей Белый и Иванов-Разумник, как они выразились, ставили вопросы и предлагали участникам беседы ответить на эти вопросы. Но в их вопросах таились ведь и некоторые ответы, и нельзя думать, что эта постановка вопроса была только формальной постановкой, — были и ответы, которые имеют несомненно большое положительное содержание, — но я хотел бы пока только остановиться на вопросах, оставшаяся в стороне ответы, не касаясь этих ответов. Скажу только, что я во многом должен был бы согласиться с тем, что говорил Андрей Белый и Иванов-Разумник, поскольку речь идет об ответах, но самый вопрос, вопрос о том, является ли в действительности пролетарская культура высвобождением общечеловеческой культуры после полного разрушения какой-то старой культуры, действительно ли речь идет о новой культуре, действительно творится новая культура или только цивилизация, — вот о каких вещах спрашивается, то есть спрашивается о фактах. Мне хотелось бы самый вопрос поставить иначе, перевести его в другую плоскость, в плоскость воли, потому что ведь история — не только факты, она есть и делание и в конечном деле таит в себе волю. Каждый из нас в своих действиях приобщен к этой воле, наша воля называется иногда доисторическим правом, иногда историческим неправом, в зависимости от того, действительно ли она слита внутренне с некоторой живой исторической волей, волей, которая таится в историческом деле. Поэтому всякий вопрос о будущем есть не только вопрос гадания, есть не только предсказание, есть не только теоретический вопрос о том, что будет, а есть в большей степени вопрос воли. Когда спрашивают, какова будет роль пролетариата, то хотелось бы к этому прибавить еще такое слово — какова она должна быть, какова должна быть здесь воля самого пролетариата, ибо если это нечто живое, то оно должно обладать волей, и если это только механически складывающаяся вещь, то, конечно, тогда ни о какой культуре говорить не приходится. И вот мне бы хотелось так этот вопрос и поставить. Но тут возникает недоумение. Говорят, нужно разобраться еще в самом словосочетании, действительно, можно ли говорить о пролетарской культуре. Собственно, этот вопрос ставят Андрей Белый и Иванов-Разумник. Андрей Белый прямо на этом вопросе не останавливается, ведь он его, в сущности, разрешил, говоря о том, как нужно понимать возможное словосочетание «пролетарская культура» и как его нужно понимать. А Иванов-Разумник, тот определенно и прямо ставит вопрос и говорит — пролетарской культуры не может быть, может быть только пролетарская цивилизация. Мне несколько трудно говорить об этом в таких терминах, потому что не совсем согласен с таким

разделением цивилизации и культуры и, конечно, если бы нужно было делать поправки с моей точки зрения, пришлось бы очень долго на этом вопросе останавливаться. Но вопрос этот во всяком случае стоит, и я знаю, что обычно его решают так, что самое это словосочетание невозможно, что оно есть «круглый квадрат». Это верно. Верно не потому, что нужно вместо слова «культура» говорить слово «цивилизация», а просто совершенно очевидно, что классовой культуры не может быть и классовой цивилизации в строгом смысле этого слова не может быть. Не существовало собственно буржуазной культуры и цивилизации, но тем не менее буржуазия в эпоху своего господства как некоторый господствующий класс наложила определенную печать на культуру и цивилизацию человечества, но именно в период своего господства, потому что господствующий класс получает в свои руки культуру и цивилизацию и действительно является деятелем культуры и цивилизации. Однако классы не господствующие, те, которые назывались до сих пор низшими, конечно, участвовали в общечеловеческом творчестве, но не в качестве деятелей культуры или цивилизации, а как-то глубже, потому что глубже культуры и цивилизации есть еще нечто, то, без чего культура и цивилизация не могут быть вообще. И вот это более глубокое было всегда достоянием тех слоев человечества, которые не были деятелями культуры и цивилизации в строгом смысле этого слова. Культура никогда не зачинается так совсем заново, — тот, кто понимает, что значит культура, знает, что прежде всего это есть преемство, прежде всего это есть наследство, без этого признака вообще самое понятие культуры не может существовать. Высшие классы, господствующие классы, всегда получали друг от друга некоторое наследство, могли брать в свои руки культуру и накладывать на нее свою печать. Когда выступают на историческую арену те слои человечества, которые до сих пор в этом делании не участвовали, то им приходится или принять наследие высших господствующих классов, или выйти на «арену» без всякой культуры. Здесь может таиться большая опасность. Если начнет человечество действовать, так сказать, вне культуры, тогда, говорят, возникнет опасность для культуры. Дело может обстоять так: или принять наследие и установить это преемство, но выйти на сцену совсем откровенно без культуры и тогда, может быть, действительно нанести удар человеческой культуре. Поэтому верно, что самое это словосочетание «пролетарская культура» таит в себе некоторое противоречие.

Это так, если мы будем рассматривать вопрос формально, со стороны логической, со стороны правильных словосочетаний. Но мне бы хотелось сказать, что когда мы рассматриваем вопрос, который поставлен, со стороны воли, то часто неправильное сочетание слов, неправильное обозначение может иметь значение, которое превосходит во много раз все правильные сочетания, потому что воля выражает иногда себя в таких лозунгах, в таких словах, которые не особенно, может быть, считаются с правильностью употребления самих принятых понятий.

Тут дело не в том, правильно ли употребляется слово «культура» и правильно ли оно сочетается с прилагательным «пролетарская», а дело в том, чтобы установить какой-то символ, за которым чувствуется человеческая воля, — нужно вскрыть содержание этой воли, ее направление, и тогда сказать — этим, может быть неточным, обозначением называется вот что, и то, что этим называется и нужно рассмотреть. С этой точки зрения я бы сказал: пролетарская культура есть символ, это словосочетание есть символ, который о чем-то говорит. Это есть миф, — только не нужно понимать слово «миф» как что-то отрицательное, как что-то недостаточное, как что-то такое, чем указывается какая-то внутренняя неправда.

Миф — это есть высшая правда, мифы часто бывают внутренне противоречивы, для выражения мифа часто прибегают к словам, которые трудно объяснить с точки зрения логического сочетания, но тем не менее мифы оказываются действительно, более действительной, чем та действительность, которую мы часто называем данной нам действительностью, и это потому что в мифе всегда есть та сторона действительности, которая именуется волей, потому что воля есть действительность. Миф описывает действительность, но так, что в это описание включается не только описание факта, но и некоторое описание воли. И вот поэтому он бывает иногда внутренне противоречив с точки зрения логики. И вот, как некоторый миф я бы и хотел рассматривать то, что называется пролетарской культурой, — есть право на этот миф или нет права на этот миф у современного человечества?

Вот как вопрос мог бы быть поставлен. Это вопрос, конечно, не логического рассмотрения тех или иных понятий, это вопрос ощущения жизни, и на него нельзя ответить иначе, как только прислушавшись к голосу жизни в себе и в окружающем,

— и, конечно, этот голос есть голос воли и в зависимости от того или иного направления воли мы начинаем или шипеть на этот миф, или, может быть, пыхтеть, что гораздо, я думаю, все-таки почтеннее.

На это приходится ответить, пожалуй, без доказательств, по крайней мере сейчас еще рано приводить доказательства, нужно просто сказать — есть это право на миф или нет.

Если бы меня спросили, я бы должен был ответить — да, такое право у человечества есть — и только. Но затем возникает вопрос, каково содержание этого мифа, — неужели оно только в этих двух словах? Конечно, нет. Тут не только о пролетариате и культуре надо говорить — содержание должно быть гораздо богаче. Мы видим, что сейчас за этими словами, за этими символами нет никакого определенного содержания, то есть сейчас миф этот только назван, только выражено право человечества на этот миф, — это название есть только еще ощущение этого права, но содержание самого мифа еще не раскрыто. Правда, его пытаются раскрыть и каждый вкладывает в него свое содержание.

Мы еще недавно видели, как в этот миф пытались вложить содержание, связанное в области культуры с так называемым футуризмом. Оказывалось, что вся пролетарская культура в области искусства сводится к футуристическому, механическому пониманию жизни и деятельности, а вот сейчас Андрей Белый говорил о полной противоположности этому механическому пониманию, говорил о необходимости органического понимания жизни.

Под теми словами, которые говорил по этому поводу Андрей Белый, мне хотелось бы обеими руками подписаться, потому что это, может быть, есть самое важное, самое существенное, что нам сейчас надо слушать, о чем надо думать.

Нужно вдуматься в то противопоставление органического и механического, к которому приходит Андрей Белый, нужно сейчас на этом остановиться. Это громадный вопрос, чреватый невероятно большими выводами и последствиями, ему следовало бы посвятить специальное собрание, специальный ряд докладов, ибо, как это не может показаться парадоксальным некоторым, это самая жизненная, самая настоятельная сейчас тема. Так хотелось бы поверить Андрею Белому, что содержание того мифа, о котором я говорю, действительно есть переход к органической жизни, что действительно в этом заключается дело пролетариата. С этим, конечно, связана еще и другая ценность, о которой говорил также А.Белый. Он говорил о свободе.

Да, только органическое миропонимание может быть связано с чувством и с введением свободы, — кто стоит в плоскости механического представления жизни, тот совсем свободы не знает, там о свободе нет и помину, там, говоря грубо, не пахнет свободой. Поэтому переход к этой органической жизни от механической есть переход к свободе, есть, пожалуй, высвобождение человеческой свободы.

Вот, я говорю, хотелось бы поверить, что содержание этого мифа именно таково, но ведь здесь дело не только в том, чтобы верить в то, каков факт, ибо, я говорю, мы еще не видим, каков факт, факта еще пока нет. А вот воля имеется и воли имеются разные.

Когда я говорю — мне хотелось бы верить, этим самым я хочу выразить и направление воли. Но мне хотелось бы, чтобы и вообще этот вопрос был так поставлен, чтобы он был перенесен в плоскость некоторой борьбы, ибо ведь не только просто придет какая-то культура или какая-то цивилизация как факт, но ее кто-то принесет и нужно, чтобы теперь начало становиться ясным, что и кто должен нести, нужно, чтобы теперь пролетариат посмотрел на себя как на носителя какой-то, скажем, правды пока еще, а не культуры и не цивилизации <...>*

<Пунин Н.Н.>⁶: ...Исходя из этого и я позволю себе обосновать строительство новой пролетарской культуры на основании механического понимания истории и механического понимания культурного строительства. Отбрасывая в сторону всякого рода мифы, как фикции, в которых нет реального материального содержания, которые не имеют никакой материальной оболочки, перейду прямо к разграничению тех понятий, которые поставлены как формы над общим историческим развитием человечества.

До сих пор мы знали две таких формы — формы, определяющие всякого рода правды и религиозные мифы, формы, вне которых нет никаких правд и религиозных

* Текст выступления обрывается (примеч. публ.)

мифов. Такими формами мы называем форму культуры и форму цивилизации. Мы противопоставляем эти два понятия как две диаметрально противоположные формы, определяющие собой диаметрально противоположные содержания, настроения и правды. Как, однако, определить эти две формы?

Товарищ Иванов-Разумник говорил, что пролетариат числит за собой трехдневную историю. Не буду историческими справками утруждать вашего внимания.

Мы знаем, что ныне борющаяся за свое освобождение спартаковская партия в Германии приняла названия от вождя Спартака, существовавшего еще в классическом мире. Если для товарища Иванова-Разумника весь исторический путь европейского человечества три дня, — дело его мер и его соотношений, для нас это вековая история, история, в которой мы знаем зарождение пролетариата почти у колыбели человеческого развития, знаем его вековую борьбу и вековое рабство.

Пролетариат существовал всегда, и именно потому, что он существовал всегда, мы и определяем пролетариат как то человеческое, что было подавлено, было порабощено теми условными государственными формами, которые существовали с самых ранних лет исторического развития человечества. И пролетариат, как человечество, нес в себе свою волю и свой инстинкт через долгие века развития европейской истории.

Так, понимая задачи и понятие пролетариата, мы явственно указуем на то, что все, что было противопоставлено этому, по существу своему, человеческому классу, все это до известной степени было или служило орудием его порабощения и его эксплуатации в самых разнообразных формах. Когда Андрей Белый говорил о культурных задачах пролетариата, он одно упустил из вида, что слишком часто упускают из вида и многие, пытающиеся говорить о культурных задачах нового класса. Он упустил из вида его всемерные стремления не быть классом.

Именно так понимал пролетариат Маркс, так понимают его и сейчас коммунистические вожди пролетариата — пролетариат не пришел для того, чтобы кого-то сместить и кого-то заменить, но чтобы проявить человеческое в нас по существу, того голого человека, о котором так удачно говорил Андрей Белый.

И поскольку пролетариат имеет такую задачу, постольку и мы готовы связать его с понятием культуры, противопоставив ему, этому понятию, все остальные классовые группирования, с их формами бытия и прогресса с так называемыми цивилизациями. Так разграничиваем мы эти два понятия.

Культура есть форма прогресса человеческого, а потому и пролетарского, цивилизация есть формы прогрессов различных классов, различных одежд.

Поскольку мы противопологаем эти два понятия, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать их.

Цивилизации — случай, более или менее удачный случай в истории человечества. Цивилизаций много, столько, сколько было форм эксплуатации человека, и все они характеризуются одним отношением к жизни, языком товарища Мейера, одной правдой, — стремлением изжить жизнь, стремлением получить от жизни как можно больше счастья, довольства и благ, и тем самым обеспечить себе пышное, торжественное и легкое существование. Другое дело формы культуры.

Культура имеет в виду не изживание жизни, не стремление к благоденствию, счастью и наслаждению. Культура — это оформленный инстинкт к наращению и умножению сил и качеств. Мы знаем, что неотъемлемой чертой человеческого существования была и будет в той или иной форме борьба. Если до сих пор эта борьба была борьбой за существование или борьбой за господство, то в будущем эта борьба примет формы борьбы за качество борьбы, за лучшее состояние, за лучшую фактуру, как мы часто говорим.

И это стремление к лучшему, к творческому, к наращению, оно характеризует культуру и вместе с тем совпадает с основными стремлениями пролетариата.

Пролетариат пришел не для того, чтобы поглотить цивилизацию тех или иных классов, но чтобы раз навсегда доказать всем классам, что в нем живет организованная воля к творчеству, к творчеству все новых и новых форм бытия, к творчеству все более сложных и качественно все более прекрасных ценностей, показать, доказать и тем самым навсегда разрушить и смыть всякие попытки тех или иных классов процвести чудными и роскошными ростками на плечах человечества. Вот так понимаю я задачу пролетариата и так связываю я эту задачу с его культурным строительством.

Культура есть наращение творчества, она по самому существу должна быть научна. Очень многие из представителей цивилизованных и так называемых социал-демократических идеологов пытались раскрыть научную ценность цивилизации.

Характерной особенностью культуры наряду с цивилизацией <...>* милитаризмом в течение войны, до известной степени, как форма, приемлемы и коммунистической революцией. И в этом преемстве смежных форм сказывается один из исторических законов человечества. Когда мы обратимся к искусству, мы найдем образцы того, как смежные формы воспринимаются.

И вот, рассматривая во всем масштабе и многообразии существующие сейчас художественные ценности, мы видим, что последняя, заключительная эра буржуазии создала такой художественный метод, который, как форма, близок и может быть принят пролетариатом. Один из докладчиков ссылаясь на футуризм, — не хочу употреблять этого заезженного, ничего не обозначающего слова, но несомненно, у некоторых молодых художников есть та организованная и научная механизация, которая сделала их искусство близким и должно сделать дорогим пролетариату.

В этих основных положениях вижу я художественное культурное строительство пролетариата. В заключение должен сказать, что многое из того, что намечено сейчас некоторыми идеологами пролетарской культуры, может оказаться несостоятельным, многие из нас, действительно, может быть, пыхтят, но я предпочитаю пыхтеть, чем представлять из себя ту свистящую змею, которыми мы в нашем строительстве окружены. И я думаю, что уже за одно то, что многие из молодых художников не оказались в многочисленном лагере свистящих или шипящих, тем самым они заслужили известное внимание со стороны идеологов пролетариата и тем самым они обеспечили себе путь к художественному творчеству пролетарских масс, указывая им на то, какими путями должно идти новое культурное строительство и в каком направлении должна работать наша воля, чтобы создать в результате ту великую, не новую, но теперь вырванную из недр человечества, теперь взорвавшуюся ценность — пролетарскую культуру (*аплодисменты*).

Шкловский⁷: Я с большим удовольствием принимаю участие в том вавилонском столпотворении, которое творится на этой эстраде. Покамест я встретил здесь два мнения. Мнение людей, которые считают, что будущая пролетарская культура будет культурой органической, и второе — что она будет культурой механической. Я не боюсь остаться в меньшинстве и буду говорить о третьем: я принадлежу к числу футуристов.

Когда мои товарищи начали утверждать, что наше творчество есть творчество пролетарское, что нам и пролетариату по пути, я сказал — товарищи, вы ошибаетесь, нам туда идти не нужно. И мои товарищи были так любезны, что мою статью напечатали⁸. Почему я так говорил?

Дело в том, что параллельными могут быть только те линии, которые находятся в одной плоскости. Искусство и культура не находятся в одной плоскости. Многоуважаемые товарищи, которые говорили передо мной, об этом забыли. Та предпосылка, которая лежит у них у всех без различия, что искусство есть не что иное, как одно из явлений природы, ложна. Человеческий ум привык постулировать, то есть предполагать во всем связь причинности. На этом основании полагали, например, что люди должны стремиться найти связь, непосредственную, живую связь между положением звезд и судьбой отдельного человека. Великий астролог Кеплер говорил: да, известно, что кометы не могут оказать влияния на несчастье и счастье человечества, но хвосты комет могут влиять, — настолько трудно разорвать даже несуществующую причинную связь.

Такой же ошибкой является общепринятое утверждение, что государственный переворот, социальный переворот должен найти себе выражение в искусстве. Это так же неверно, как то, что, как мы привыкли, стена ограждает от холода, или что этот кусок бумаги непроницаем для лучей света, если мы будем утверждать, что он непроницаем для рентгеновских лучей. Искусство идет своими путями, и эти пути сменяются не так, как полагают некоторые исследователи.

Многие предполагают так: совершилась социальная революция, в той или иной форме и выражением ее содержания должны явиться новые формы искусства. Новые формы искусства являются вовсе не для того, чтобы выразить новое содержание. Новые

* Пропуск в тексте (примеч. публ.)

формы являются для того, чтобы заменить старое содержание, переставшее быть художественным. Я не могу здесь читать лекции по истории искусства, но скажу, что чтобы следить по этому вопросу, достаточно посмотреть историю рифмы или историю эпитетов.

Возьму несколько неожиданный пример: вы все, вероятно, знаете песнь «Маруся отравилась», песнь, несомненно, фабричного происхождения. В этой песне соблюдены все законы общерусской эпической поэзии, и здесь новый класс с новой идеологией не выразил ничего нового в своих формах. И в данный момент, когда не только хотят сделать пролетарское искусство, но когда пролетарское искусство даже заказано, несмотря на заказчиков пролетарское искусство в отведенных ему помещениях оказывается в бегах и нетях.

Есть талантливые люди, но они творят в стиле Надсона, более талантливые продолжают нас, футуристов, в частности Маяковского, а он сам повторяет Хлебникова. То, что произошло в Москве, — бегство пролетарских поэтов из Пролеткульта учиться <к> старым писателям⁹, из которых большинство мне не мило и не дорого, доказывает, что пролетарское искусство из пролетарской революции не выйдет. Теперь я собираюсь кончать и хочу формулировать так: то, какой флаг развивается над Петропавловской крепостью, не имеет никакого отношения к художественным системам: искусство развивается так, что в то время, как самые ничтожные формальные завоевания целиком переделывают искусство, никакое, ни эмоциональное, ни политическое содержание не может войти в искусство.

Теперь, в частности, по отношению к футуризму и пролетарскому искусству я кончаю так: если пролетарские писатели будут развиваться и если у них хватит сил, то они придут к тому, что уже сделано нами, футуристами.

Петров-Водкин: Я очень приветствую предыдущего оратора, который сказал большую половину того, что я хотел сказать, относительно того, что, конечно, искусство не соблюдает никаких параллелей с видимой, чисто внешней политической жизнью, привязывать его к какому-нибудь моменту или к какому-нибудь классу нельзя, ибо из-за этого получается очень большая некрасивость, хотя бы подобная тому, что случилось у нас в начале революции, когда сразу решили, что искусство должно быть совершенно другое, и тогда, с одной стороны, выступили футуристы и стали в свою лавочку зазывать новый правящий класс, а с другой стороны — выступила партия других художников, которые говорили — мы ближе всего к пролетариату, мы писали смазные сапоги и тулупы и т.д. Получилась такая нелепость — искусство свелось к такому маленькому и случайному явлению. Мне кажется вообще, что раньше, чем характеризовать искусство, нужно выяснить, что такое искусство и почему оно не входит ни в ту, ни в другую рамку. Существовала буржуазия, существует пролетариат, существуют бездарности и существуют талантливые люди.

Бездарности гложут, исчезают, испаряются с моментом смерти, а таланты выживают и остаются общим достоянием. Тут есть какой-то общий закон, который не подчиняется ничему временному. Это совсем не та механизация, о которой говорят многие разговориватели об искусстве, не то убийство человеческой души, чтобы человек, как машина, творил какие-то вещи: ни один обескровленный, оскопленный человек никакого искусства не сделает. Это вздор. Он будет, может быть, петь в унисон с общим настроением, которое преходяще, он будет нечто, приспособляющееся к тому или иному моменту. Но дело не в этом. Искусство не в бархатном воротничке, как раньше думали, и не в механизации, — искусство есть органическое творчество. Об этом никто здесь определенно не сказал, — искусство есть органическое творчество, искусство пересоздает мой организм, как художника, прежде всего, во мне каждый ноготь руки и ноги меняется, не в переносном смысле, а в буквальном, и я пересоздаю то, что рука человеческая создала.

Это пересоздание организма не то, что какое-то механическое улучшение способов производства, фактуры, как говорят, и т.д. Я могу великолепно отмеривать разные поверхности, рисовать, чеканить стихи, но это будет нелепость, если не будет духа живого, той правды жизни, о которой Мейер говорил, — у человека узко религиозного она построена на сектантской религии, у другого на широкой, общечеловеческой религии, но эта правда жизни, открывающая жизнь, и заставляет мой организм переделываться не по случаю, не по закону научному, который в кабинете своем какой-нибудь ученый дурак рыдумал, а внутри меня самого пересоздается, потому что я живу, слышу жизнь, вижу — ходит ребенок, строится стена, растет человек.

Я для того рожден, чтобы воспринять в себя, переработать, органически переработать это и выразить. А выразив это, я меняю свой организм, меняю организм, я меняю организмы, впитывающие в себя искусство. Такое понятие искусства ни в какие рамки не втиснешь.

Что будет завтра, совершенно гадательно, но ясно, что оно будет той силой, которая движет человечество. Настоящее искусство не пойдет ни в какое служение, ни к каким правящим классам, потому что искусство не развлекает, как говорили переевшие, искусство не учит, как говорили недоевшие, искусство — светит, никаких теорий не предсказывает и не создает, — теории создаются постфактум, а творчество ново, рождено только сегодня, искусство — тот свет, который в каждом есть и который один, пересоздав организм, другому дает жизнь, переделав свой организм, переделывает общий организм и создает дорогу в тот мир, к которому все стремятся.

Искусство не ошибается, искусство строит не одежды, не формы, искусство создает настоящую жизнь без всяких мишур, которые навязли в зубах теперешнего и прошлого искусства, то новое, что публика еще не понимает и о чем история еще ничего не сказала (*аплодисменты*).

Гизетти¹⁰: Последние ораторы несколько сузили предмет нашего диспута. По естественным причинам, как представители искусства, они свели его к вопросу об отношении пролетариата к искусству. Мне предстоит снова вернуться к первоначальной теме, к теме о пролетарской культуре в целом, совершенно не касаясь специального вопроса об искусстве. Культура и цивилизация — эти два понятия тут не раз противопоставлялись. Не будем спорить о словах, но все мы инстинктивно как-то, по привычке, подразумеваем под цивилизацией изменение внешнего быта, а под культурой более глубокую и серьезную работу творчества новых ценностей. Конечно, в этой работе отдельные формы, отдельные исторические фазы, я бы сказал, не только классовые, но и всех социальных групп и влияний и даже национальные формы — это лишь преходящие формы преемственной общечеловеческой культурной традиции живого творчества, которое никогда, вопреки упомянутому здесь слову «голому человеку», из ничего создается не может, а всегда опирается на прошлое, перекидывая живой мост к будущему. Вот, что такое культура.

Культура в каждом историческом своем фазисе подвергается опасности окостенения, когда своеобразные ее формы, создаваемые определенными историческими влияниями среды и эпохи, класса и народа, в известном фазисе развития могут превратиться в антитезу, быть чем-то абсолютным, и тогда она начнет вырождаться, окостеневать и вместо того, чтобы являться творческой силой, явится тормозящей развитие человечества силой.

Другая опасность культуры — ее слабость, оторванность от широких масс народа. Культура до сих пор, к сожалению, была работой только передовых и первых слоев человечества. Такою работою она будет до некоторой степени и всегда, но возможно, что в далеком будущем мы увидим человечество, в котором не будет роковой розни между героем и толпой, между личностью и массой, в котором действительно каждый будет личностью, каждый будет достойным имени человека творцом. Разумеется, и в этом будущем известная разница между гениальными, превосходящими обычный уровень творцами и средними будет, но она не будет ощущаться болезненно, потому что до некоторой степени каждый из нас в известной степени в известной сфере может быть творцом и когда эти творческие способности условиями жизни смогут быть раскрыты, тогда не будет розни, тогда не будет мучительного противоречия между культурой и цивилизацией.

До сих пор культура была больше внутренней, в сфере науки, в сфере искусства — меньше всего она отражалась на массовых формах социального и политического существования, истинной цивилизации, культурной цивилизации, если можно так выразиться, до сих пор не было, потому что в массы эта культура не проникала.

Теперь мы стоим несомненно на рубеже эпохи, когда пасынки цивилизации, эти народные массы, угнетенные до сего времени ярмом физического труда, пытаются властно вмешаться в историю, сказать свое слово, потребовать себе места на жизненном пиру и выступить деятелем истории, самостоятельным творцом культуры. Если такой период наступает, и если это дело удастся, то мы, действительно, можем узреть новую эру свободного и благородного человечества. Но тут и заключается роковой вопрос: можно ли верить в успех этого дела, можно ли верить в победоносный результат этого выступления масс на арену истории?

В настоящее время массы выступают главным образом как пролетариат, как определенный класс развитого капиталистического общества, класс, лишенный доселе орудий производства, класса фабрично-заводских работников и вообще представителей физического труда, обреченных служить капиталу. Спрашивается, быт этого пролетариата, формы его существования до сих пор, содействовали ли тому, чтобы он смог выступить таким творческим высвобождающим агентом? Действительно, некоторые черты, некоторые свойства этого пролетариата его идеологами, конечно ярче всего Карлом Марксом, были выдвинуты как залог его творческой роли. Указывалось, что фабрично-заводской пролетариат, объединенный механическим объединением капиталистического производства, является могущественной творческой силой; указывалось затем на то, что сама его работа, хотя и подневольная и мучительная, все-таки связана с известными техническими и научными знаниями, с необходимостью известного образования, что уже делает его и в настоящем порабощенном положении культурною силой; указывалось дальше на то, что пролетариат носитель культуры потому, что, живя в больших городах, он не может порвать связь с отгороженной от него культурой классов господствующих, кипящей вокруг него многоцветной культурой других групп этого города. Указывалось также на то, что современный пролетариат не то, что пролетариат античного мира, пролетариат паразитирующий, живущий только желаниями хлеба и зрелищ, что современный пролетариат это действительно творец, создатель ценностей, это действительно трудящийся класс, который может создать культуру. Я не буду говорить о том, что сейчас наступило время делать уже какие-нибудь выводы об удаче или неудаче этого дела. Не приходится говорить об этом потому, что та победа пролетариата, о которой так много говорят у нас в России, еще, в сущности говоря, не есть победа пролетариата, потому что та революция, которая произошла в России, очень во многом отличается от той социальной революции, которую представлял себе в будущем Карл Маркс.

У нас все было иначе и сложнее, и много других фактов играло роль, и даже, может быть, та революция, которая у нас произошла, не может быть названа пролетарской в строгом смысле этого слова, а тем более социалистической. Я об этом сейчас спорить не буду. Я поставлю вопрос в более общей форме: является ли пролетариат проводником не классово-культурной, а общечеловеческой, действительно ли идеи рабочего класса — идеи всего человечества, действительно ли это тот класс, которому не нужно господства, которому нужно только освобождение. Так ли это? Несомненно, здесь есть некий соблазн на пути пролетариата.

Пролетариат, обездоленный, лишенный богатств, лишенный собственности, может в момент получения власти стать новым господином, новым деспотом, четвертым сословием, которое таит под собой возможность новых взрывов, новых обездоленных. Вот первый соблазн, первое искушение, лишаящее пролетариат <возможности> создать ту культуру будущего, которую отождествляют с культурой пролетариата. Что же тогда мы увидим? Мы увидим, что этот пролетарский класс, этот новый господствующий класс изменит до некоторой степени формы буржуазной культуры, наложит на нее новый отпечаток, даже, может быть, в этой новой культуре будет больше проявляться душа коллектива, поглощение личности коллективом во всех формах, — но что же, это будет новое слово, высвобождение? Нет, это будет та же переходящая форма, которая быстро заменит место, как предсказал гениальный Герцен, прежнего консерватизма. Вот опасность, которая грозит пролетарской культуре. Тут еще есть одно: ведь пролетариат гордится тем, что он волен, как птица, что он действительно пролетариат, — ну, а что же в этом будущем обществе ему предстоит? Если он останется пролетариатом, то тогда, как говорил Штирнер¹¹, перед лицом верховного собственника мы все равно будем оборванцами, и тогда личность ничего не получит в этом новом обществе, а получит только страшное чудовище — государство.

Цель общества будет давить личность и в колесики, в пальцы громадного организма превратит эту личность. Если же пролетариат в будущем что-нибудь приобретет и на что-то <сумеет> опереться, то он перестанет быть пролетариатом и культуру мы его не сможем тогда назвать пролетарской. В этом отношении будет громадная разница, когда мы сравним буржуазию с пролетариатом. Буржуазия, когда она не господствовала, в некотором смысле буржуазией уже была, боролась за расширение своей власти, боролась за политическое свое значение, боролась за усиление экономической своей мощи, но самая собственность, самая основа буржуазного быта была дана, так что коренного перелома не произошло. А пролетариат борется за освобождение, так что в будущем ему предстоит или стать новой какой-то буржуазией, если хотите, даже

грядущим мещанином, или отдать себя на жертву и на растерзание молоху государственности, будет служаком у целого, а не у отдельного хозяина, только членом громадной механической машины, той механической культуры, которую здесь идеализировал Н.Н.Пунин¹², образец которой он видит в Германии. Но эта культура будущего, если она наступит, должна нам представляться не высвобождением и не радостью, и на вопрос, должна ли она быть, я бы не колеблясь ответил — если это так, с этим нужно бороться до последних сил (*аплодисменты*), потому что это картины такого будущего, когда страшное существо с многочисленными щупальцами, у которых ум отнял душу, у которых есть только одна техника, одно умение организации для выращивания будущего человечества, потому что эта культура жестокая, бездушная, убивающая личность. Вот опасность, которая может предстать пролетариату, и об этом надо очень задуматься.

Такая ли культура будущего стоит перед нами? Человечеству нужно коренное обновление, нового слова ждет мир, и новое слово должен принести в мир высвободившийся творческий класс. Но кто будет этой новой силой? Сможет ли сю явиться оторванный от культурных корней пролетариат?

Говорилось здесь, что пролетариат пошел учиться, что он сам понимает, что ему нужно усвоить прежнюю культуру, чтобы переработать ее в новые формы. Но тогда он не будет стоять на голой земле — пролетариату самому по себе в отдельности этой новой культуры не создать.

О новой культуре, если только она придет, можно говорить, как о культуре трудовой, культуре рабочей, это будет несколько ближе, но и эту культуру, как очередную задачу, как сближение человека с природой и с трудом, как сближение ее с нуждами жизни и с требованиями мощного развития всех сил человеческой личности, — и эту культуру не нужно принимать за выражение абсолютной ценности. Две заповеди, два начала, две истины нужно твердо помнить тому классу, который пытается обновить человеческую культуру и творить новую. Нужно помнить, что та творческая работа, которая будет теперь сделана, есть лишь этап в развитии человечества, а не завершение человеческого развития с земным раем; нужно помнить, что в этой работе все подлинно творческие, жизненно освобождающиеся личные силы должны в разнообразных формах, национально разнообразных и профессионально разнообразных, дружно объединиться под знаменем труда и человечности, под знаменем подлинно человеческой свободы. Только дружное соединение трудовых сил работников физического и умственного труда, пролетариата и всех близких ему тружеников с элементами умственного труда, с интеллигенцией в широком смысле слова, принесет это освобождение человечеству. И вот эта новая демократия нового свободного государства благородных индивидуальностей равных в разнообразии своем, действительно может создать новую культуру, подлинную общечеловеческую культуру.

Но для того, чтобы ее создать, нужно и самому пролетариату, как одной из сил, ее создающих, высвободиться, очиститься от тех уродующих личность навыков, которые привило ему егг. прежнее ненормальное порабощенное положение, нужно, чтобы родилось поколение свободных людей, а не вчерашних рабов, которые могут быть только новыми господами, и не тех вчерашних рабов, которые всегда могут поддаться соблазну могущества или соблазну голого разрушения. Только тогда, когда мы работой над собой создадим такую культуру, мы сможем смело и гордо говорить о выполнении исторической очередной миссии продолжения человеческой работы прошлого, а пока эта задача воспитания и организации стоит перед нами, до тех пор прежде всего и больше всего нужно остерегаться слишком легко выкидывать за борт старые культурные ценности, потому что только с прочною связью с ними можно продолжать работу творчества будущего. Только живую связью творится это будущее и только те, кто личность и свободу ее дороже и выше всего ценит, поймут душу творчества этого будущего, не механической машины, а живого свободного человека на свободной земле, самого располагающего своими силами. Вот идеал культуры будущего (*аплодисменты, возгласы «браво»*).

Председатель: Меня просят сделать перерыв очень краткий. Но прежде чем объявить перерыв, позвольте мне сделать одно личное заявление (*голоса: «просим»*). Я бы хотел внести поправку к словам товарища Шкловского о кружке пролетарских писателей, которые, выйдя из Пролеткульта в Наркомпрос, собираются заняться изучением старых писателей, которым не сочувствует товарищ Шкловский. Должен оговориться, что я как раз очень близко соприкасался с кружком писателей

пролетарских, которые вышли из Пролеткульта не для того, чтобы заниматься старыми писателями, которых не любит товарищ Шкловский, а для того, чтобы развивать свои взгляды на искусство, которые не совпадают с футуризмом¹³. Если бы я имел здесь время передать сущность тех интересных, чисто практических заданий, которые ставит себе этот кружок, то мы бы, может быть, имели некоторый конкретный материал для того, чтобы нам стало ясно, как интересно и совершенно конкретно некоторые из товарищей пролетариев относятся к вопросу о пролетарском искусстве и как они далеки от тех широковещательных лозунгов, которые товарищи футуристы вкладывают от имени пролетариата в пролетариат. Следовало бы познакомиться с теми конкретными заданиями, которые ставит себе пролетариат, а не с теми, которые вносят те или другие идеологи (*голоса: «просим сегодня рассказать», «в следующий раз»*).

(Перерыв)

Чертков¹⁴: Иванов-Разумник цитировал Гейне, его разделение людей на пыхтящих и шипящих. Мне хотелось бы спросить Иванова-Разумника, к какой категории относит он самого Гейне. Он не шипящий в сторону будущего, в сторону роста человеческого, хотя иногда и шипел, ядовито шипел, говоря, что, кто знает, может быть будущие пролетарии будут делать сигарки для курения из его стихотворений. Он не пыхтящий, — не лягушка, которая хочет превратиться в вола.

Он принадлежит к людям гейневской складки, — пошипеть, посмеяться хотя бы над самим собой, хотя бы над самым дорогим делом, усомниться в нем, и в то же самое время Гейне был барабанщик лихой передового человечества. Он сам себя таковым назвал, и мы, деятели современной культуры, также заносим его в свой лагерь, — он и наш барабанщик лихой. Таким образом, есть шипящие, есть пыхтящие, и есть, быть может, третьего рода люди, люди гейневской складки. Я слушал с большим вниманием и интересом Андрея Белого и скажу, что он поставил его так, как он, собственно и должен стоять перед нами. Были попытки здесь поставить вопрос иначе, попытки, по-моему, неудачные. Была попытка разделить культуру и цивилизацию, попытка Иванова-Разумника, которому до известной степени подал руку и Пунин. Цивилизация одно, культура — другое. И Пунин указал, что до сих пор не было культуры, была цивилизация, было желание изжить жизнь, а вот пролетариат создаст нечто новое, будет творить ценности.

Я думаю, что это поклеп на историю человечества, поклеп на все старые классы, до сих пор борющиеся на передовых постах истории. Культура была давно у человечества: и пирамиды, которые делали египетские фараоны руками рабов, и сфинксы, и готические соборы, и картины Ренессанса, и Тициан, и Шекспир — все это создание не пролетариата, но это не изживание жизни, нет, это подлинный порыв к культурному строительству, к созданию великих ценностей для человечества. Я думаю, товарищи, это не только поклеп, но это указывает, как бледно, как бедно содержание души того, кто думает, что до сих пор не было никакой культуры, а была только одна цивилизация. А затем — была ли цивилизация отдельно, и культура отдельно? Я думаю, товарищи, эти два слова есть два понятия, но чрезвычайно близкие и неразрывные между собой, как тело и душа.

Мы, люди современной науки, полагаем, что это нечто неразрывное: душа не улетает куда-то в виде птички, когда тело кончается, — без души нет тела, без тела нет души. Цивилизация есть тело человечества, культура — душа этой цивилизации, и каждая цивилизация имела свою культуру, как каждое тело имеет свою душу. Трамвай — современная цивилизация, но она создает новую душу. Мчится нечто таинственное, не видно, кто тащит, что тащит, — мчится. Это несомненно создает новую душу, новую эмоцию, новое настроение человеческой души. Несомненно, когда висел над куполом церкви крест и только крест — это была душа данной культуры, христианской культуры, а когда над крестом появился громоотвод, то не только новая цивилизация появилась — металлическая проволока, но и новая душа, новое ощущение, что только верой нельзя оградиться от небесных сфер.

Это, конечно, создает новую душу, новое ощущение природы, новое ощущение человека самого себя и всего окружающего мира. Можно привести бесконечное количество примеров, как всякая цивилизация, всякая материальная культура формирует заново душу, создает новые ощущения, углубляет их, создает таким образом новую культуру. Есть смысл деления этих двух слов — цивилизация и культура, но постольку, поскольку есть смысл деления тела и души, но это — неразрывное целое и постольку мне кажется неудобным говорить аудитории, которая здесь собирается, об

элементарных вещах, постольку можно категорически утверждать, что цивилизация неразрывно связана с культурой на протяжении всей человеческой истории.

В истории человечества нет одного круга, — было много кругов, которыми жизнь очерчивала психейную жизнь, очерчивала сознание человечества, был круг христианской культуры, — кто станет спорить, что это была разнообразная культура, говорят, и это верно, что в этом есть огромный размах от античной культуры.

Говорят о культуре средних веков, о национальной культуре, о германской культуре. Были круги, которые описывали более жизнь природы, биологические своеобразия в рамках одной национальности, которые постепенно переставали быть биологическими явлениями, а становились явлениями социологическими, выходя из первобытного положения.

И вот новое явление — класс, группа людей, идеологи которых, вожди которых, мыслители которых очерчивают себя определенными границами от других классов и говорят — мы класс, социологическая группа. Скажут, вы не правы, вы ошибаетесь. Но факт тот, что есть группа людей, огромная группа, идеологи которой очерчивают этот класс огнем и мечом и говорят — это есть класс, это особая группа людей. Когда мы говорим об этом новом круге в истории, не биологическом, а социологическом, сознательно нами очерченном и очерченном какими-то контурами, обозначенными самою жизнью, тогда мы ставим вопрос, как мы подходим к этому кругу.

Недавно мне пришлось быть на религиозном диспуте, мы спорили там о Боге со священником, и часть верующих все время останавливала тех, кто говорил против священника, возгласами: хлеба, хлеба, хлеба, подразумевая что у того, кто говорит против священника, надо просить хлеба и говорить о хлебе, как об аргументе против того, что он говорит. Это, товарищи, не аргумент. Мы, собравшись сюда, доказываем, что не единым хлебом жив будет человек.

Если есть товарищи, которые даже в вопросе о Боге в тот момент, когда поднимается такой глубокий великий вопрос, если не говорят, то внутри себя чувствуют — хлеба, хлеба, то они напоминают мне часть этих верующих. С ними трудно говорить.

Я хотел бы говорить с теми, кто бы мог преодолеть это мучительное желание хлеба в широком смысле этого слова и поговорить о чем-то другом.

Так вот, очерченный круг — класс, о котором Андрей Белый говорил, что он должен принести и что он может принести, и Александр Мейер говорил, что он должен принести и что мы хотим, чтобы он принес, что условиями жизни он должен волей-неволей принести в мировую культуру. И мы говорили: посмотрите на этот класс, основные условия его жизни таковы — это класс трудящихся, трудовой класс, класс, создающий ценности, класс труда, можно заменить слово «пролетариат» словом «производитель», но стоящий в особых условиях, не так, как когда-то стояли трудящиеся вплоть до тех, представителем которых был Спартак, это класс трудящихся, стоящий на особых условиях, играющий исключительную роль в современной буржуазной культуре, могущий, скрестив руки, остановить всю жизнь, но не имеющий ничего из орудий труда, из орудий производства.

Это новое явление, небывалое во всей мировой истории, — не рабы, представителем которых был Спартак, не от них ведет начало пролетариат, это явление внешнего буржуазного капиталистического хозяйства, здесь он родился как особый класс трудящихся, все производящий, но не имеющий ничего, чем все совершается. Таков этот класс, таково его классовое положение. Вот слова, которые вам, вероятно, надоели. Отсюда некий вывод — идеология его и культура его не может быть иной, как культурой труда.

Культура труда и есть культура пролетариата, но вопрос — какого труда и как пролетариат хочет этот труд вложить в процесс культуры. Это вопрос второй.

Андрей Белый говорил о свободе, о творчестве, о свободном творчестве. Я, товарищи, перегну вопрос, перейдя к тому, как каждый из вас, если он трудящийся производитель, хотел бы поставить себя и свой труд, в какие условия? Конечно, не в рабские условия, не только в худшем смысле этого слова, но и в лучшем, — он хотел бы поставить свой труд в условия свободного коллектива, хотел бы любить этот труд в условиях свободного творчества, хотел бы любить этот труд, вложить в него свою душу. Каковы же должны быть первые ощущения нового класса, на первых детских ступенях исторической лестницы, — это желание свободы труда, желание превратить свой труд в свободный, творческий труд, в артистический труд, создающий огромные ценности, благородный, всеми ценимый и остающийся в истории.

Вот быстрый анализ того, к чему стремится пролетариат, — в его классовом положении заложены именно те течения, которые ведут его туда, куда хочет вести его Андрей Белый и я вместе с ним, к свободному творческому человечеству, к тому творчеству, какое обрисовал товарищ Гизетти, когда говорил о свободных индивидуумах, которые ходят по земле и творят. Но под этим какой фундамент? Принцип организации есть исходный принцип. Мы не только витаем в области грез, но хотим стоять на почве действительности. Для этого нам нужно организовать прежде всего труд. Я не говорю о Фермопильском ущелье, о диктатуре пролетариата. Я думаю, что нужно это принять и признать, что пролетариат стремится к этим исходным положениям, к тому, чтобы создать свободное организованное творчество. Да, это есть прыжок из царства необходимости в царство свободы.

А теперь чуточку выше поднимемся по тому пути, по которому шел Андрей Белый.

Андрей Белый говорил о механическом мировоззрении и об органическом. Вам, вероятно, знакомы некоторые течения в современной философии, которые не совсем так грубо делят мировоззрения человечества, не так схематично. Уважаемый Андрей Белый, вероятно, знает об одном явлении современной философии, которое считает, что есть процессы взрыва. Как из разрывной гранаты вырывается новая граната, так идет жизнь в истории природы. Это так называемый Бьерксоновский¹⁵ процесс. Этот Бьерксоновский процесс не механическое понимание по Пунину и не то органическое, о котором здесь говорил хотя бы Мейер. Это нечто иное. И я думаю, что у пролетариата именно есть эта цель, эта дорога, по которой он освободится от механического процесса, став свободным творцом своих целей. К этому он стремится, к этому он неизбежно должен стремиться.

Позвольте поговорить об этой идеологии. В этой идеологии нет теологии, нет цели, которая тянет к себе, нет толчка позади, который нас толкнул, как думает Александр Мейер и толкает вперед, и нам нужно или освободить культуру из какого-то плена, или зачинать новую. Ни то, ни другое не нужно, — ни высвободить что-то, в плену находящееся, ни зачинать нечто новое. Там, позади нас, не было толчков из того, где были бы зачатки всей будущей культуры. У человеческой истории есть процесс становления, все время творящего нового. И впереди нет сияния, к которому мы тянемся и не можем дотянуться, — мы продолжаем развивать процесс культуры в истории человечества. Подходя к вопросу пролетарской культуры, я думаю, я удовлетворю Александра Мейера — среди тех, кто считает себя людьми близкими рабочему классу, есть уже разные воли, пунинская воля, которая рисует человека без души, и ваш покорнейший слуга — совсем не пунинская воля. И между этими волями будет долгая борьба и большая борьба.

Как же будет строиться пролетарская культура? Из ничего ничего и не выйдет, но мы не ничего берем за исходную, мы берем все прошлое мировой культуры, ни одной страницы мировой культуры мы не желаем вырвать и уничтожить, ни одного шага человечества, даже заблуждавшегося, мы не хотим забыть, ни одного листочка мы не хотим предать проклятию и аутодафе, — напротив, мы хотим все забрать с собой, и правду, и даже ложь, и подвиги, и даже преступления — все нам дорого, ибо все это были муки искания, подвиги и провалы человечества, — все заберем с собой, и даже Великого Инквизитора Достоевского из его легенды, и его заберем, ибо там муки человечества, нам близкие.

Вот тому, под нашей шубой и нижним бельем голому человеку, который чувствует связь на протяжении веков, эпох и народов, мы и говорим — прости. А теперь мы с ним встретимся впервые по-человечески, и впервые, Александр Мейер, прозвучат подлинно исторически, а не риторически только слова Христа — полюбите врагов своих. Только мы можем понять эту фразу, потому что мы знаем, почему он нам враг, — не потому, что он плох, а мы хороши, не потому, что он зол, а мы добры, он глуп, а мы умны, а потому, что суровая жизнь природы и общественная борьба ставили нас все время в разные условия, но заставляли нас плакать одними и теми же человеческими слезами. Вот почему мы можем понять эту фразу и сделать ее действительно звучной струной сейчас, в эпоху столь суровую, столь полную борьбы, столь полную жестокостей, в эпоху, когда мы выходим из Фермопильского ущелья. Быть может, скажут, что не наступил еще момент, чтобы говорить эти слова, но они живут в лице рабочего класса, который, действительно, самый человеческий класс. Он не только суров в лице спорящих различных копий, между собой скрестившихся, но

в нем и улыбочка трудового человека, в нем милость человека, знающего всю суровую борьбу за жизнь, борьбу с природой.

Но пролетариат несет в себе и старое, он не с неба свалился, он вырос в царской России и т.д. и т.д., он несет в себе прошлое, не только будущее... Нужно чуточку успокоить в себе эту истому, эту жажду по хлебу, встать не в плоскость пыхтящих и не в плоскость шипящих, а в плоскость людей немного гейневской складки, немножко ближе к Андрею Белому, и вместе с ним искать.

Итак, есть класс, который себя ощущает как великую новую силу, у которой, в лице передовых вождей, нет единства воли, а есть несколько волей — между ними идет борьба. Я лично имею честь принадлежать к деятелям рабочего класса, не находящимся сейчас в лагере правящих, но я говорю — если вы будете говорить на ангельском языке и не будете иметь любви в себе, то ваши слова будут как медь бряцающая, или как кимвал звенящий. Чуточку любви к этому огромному новому классу, чуточку желания понять его, понять его внутренние противоречия в нем в самом и в политической жизни. Тогда только начнется освобождение от старой идеологии, от старых рамок — с этой кучкой людей мы скорее его пойдем.

Вот стихи Самобытника, прочитайте его стихотворение «Под красным знаменем»¹⁶, — очень робко он подходит к задачам своих собратьев пролетарских поэтов. Мы только скромные предтечи будущих писателей, мы только первые ласточки будущей весны. Пыхтят как раз не пролетарские поэты, пыхтят пришедшие к ним недавно, очень мало с ними знакомые.

Пролетариат есть демиург, его миссия осуществлять свою историю, и все те поэты и творцы старых классов, которые хотят ощущать биение истории, дыхание истории, рано или поздно придут к этому классу и помогут ему направить свою добрую волю, стать наследником всего лучшего в прошлом и творцом новой всеединой, всечеловеческой культуры (*аплодисменты*).

Гурлянд-Эльяшева¹⁷: Здесь много занимались вопросом о том, что такое пролетарская культура, с разных сторон пытались выяснить, есть ли противоречия между этими двумя понятиями — пролетариат и культура, можно ли соединить их таким образом. И одним из ответов на этот вопрос был ответ Иванова-Разумника — нет, нельзя говорить «пролетарская культура», можно в крайнем случае говорить о пролетарской цивилизации. Мне кажется, здесь некоторое недоразумение.

Когда мы имеем дело с понятием культура, мы вступаем в сферу свободы. Тут были высказаны опасения, что в тот момент, когда пролетариат делается хозяином жизни, начнет чувствовать себя полновластным, он отметет все прошлое, а поскольку он создаст нечто новое, он не оценит значение личности, не оценит тех достояний, которыми человечество гордилось до сих пор. Мне кажется, что здесь некоторое недоразумение, что здесь не принимают во внимание того, что культура создается внутренними достижениями, что культура есть результат внутреннего сознания тех побед единичных, отдельных, которые делаются человеком на пути его завоеваний себе места достойного здесь на земле.

Ведь если отдать себе отчет в том, каково положение пролетариата, то ведь это мощная организация, которая совершенно выброшена из жизни, стоит на краю ее, видит богатства окружающей жизни и не может принять в ней участие, — мощными усилиями выбивается он из этих недостойных, нечеловеческих условий. И после того, как этой громадной части человечества, наконец, удастся твердой ногой занять какой-нибудь в жизни (так в тексте. — *Е.И.*), неужели она не усвоит того, что сделано всеми теми, кто жил в уютных условиях жизни. Ведь на этом пути эти массы открывают многое, — открывают и ужасы, открывают и такие ценности, которые человеку, пребывающему в таких благоприятных условиях, совершенно непонятны, — все те героические усилия, которые приходится делать этой части человечества на пути к освобождению, на пути к более достойному существованию. Эти усилия несомненно сопровождаются осознанием того строя жизни, который обрекает человека, абсолютно невинного, той отверженности, той несправедливости, тех бедствий, которые приходилось этим массам переживать. Если только эти массы попытаются отдать себе в этом отчет и сказать что-то, то скажут они ценные слова, которые нам не удалось слышать до сих пор, потому что понять все это, понять и оценить, понять то ужасное положение, в котором находится всякий человек, выброшенный из жизни, понять те усилия, которые делаются для того, чтобы вырваться из этого недостойного человека

существования и высказать это, может только тот человек, который глубоко внутренне пережил это.

Если пролетариат поделится с нами этим исключительным опытом, несомненно, он не только скажет важное и нужное слово, но и поймет, что значит действительное внутреннее глубокое индивидуальное творчество. Поэтому нам нечего бояться того, о чем говорил товарищ Гизетти, что личность не будет понята мас<сами>, что пролетарская культура может угрожать тем, что не оценит индивидуальных творческих усилий отдельных личностей. Указываю на одно — здесь смешивают понятие цивилизации и понятие культуры. Цивилизация есть внешние формы, в которых проявляются внешние условия нашей жизни. Культура же — внутреннее свободное достижение, а там, где царит свобода, там возможно полное понимание и там возможно шествие вперед к вечному царству отдельных личностей и широких масс.

Маширин¹⁸: Товарищи, я не буду долго утомлять вас своей речью. Вопросы, которые здесь затрагиваются, для нас чрезвычайно интересны и требуют сугубо серьезного к ним отношения, и в несколько минут определить свое отношение к ним, постараться разрешить их совершенно невозможно, тем более теперь, когда все уже утомлены. Поэтому я сегодня вовсе не буду подробно останавливаться на тех положениях, которые выдвигались здесь, но попробую кратко, чуть-чуть поделиться теми впечатлениями, которые они на меня произвели. Прежде всего мы видим здесь те же интеллигентские размышления, те же интеллигентские споры, большей частью оторванные от самой жизни, от самой практики. Например, такая постановка вопроса: что такое пролетариат? Нам чрезвычайно удивительно, как это лучшие люди, соль, так сказать, земли, которые мечтают о полноте личности, о гармоническом развитии человека, как они до сих пор не уяснили на практике из опыта живой действительности, что такое представляет из себя пролетариат, культурное или антикультурное явление, как они, очень тонко разбирающиеся во всех экономических и социальных вопросах, делающие тщательный анализ всех общественных явлений, до сих пор еще спорят, до сих пор еще ищут какую-либо новую группу, какой-нибудь новый класс, какой-нибудь новый слой людей, которых можно было бы признать в качестве фактора культуры. Они все время колеблются — для меня это очень удивительно.

Затем удивительно и то, что многие из интеллигенции пытаются говорить за тот же рабочий класс, за тот же пролетариат и пытаются говорить очень развязно. Говорят — пролетарская культура заключается в том, что мы даем, это и есть пролетарская культура, без этого пролетариат ни шагу не двинется. Для нас это тоже очень странно.

Странно также и то, что выходят наши единомышленники и говорят, что пролетариату нужно забрать с собой все, что было сделано до него. Они называют себя марксистами и говорят — возьмите все, даже плохое. Можно подумать, что пролетариат и капитализм должен взять с собой.

Очень странно, что лица, называющие себя марксистами, <утверждают> что пролетариат, не оценивая с классовой точки зрения, забирает все, что было до него в культуре и признает своим, пролетарским. Это, конечно, не так.

Кроме того, товарищи, для меня интересной новостью является, что когда делают обзор старой культуры, то усматривают в ней нечто цельное, нечто гармоническое. Мы все знаем, товарищи, как только начинаем приступать к практической действительности, что люди живут в классовом обществе, что общество делится на классы, что классовая борьба имеет за собой слишком большую историческую давность. А потому все то, что мы с вами имеем, наши привычки, наши желания, наши взгляды, наша, наконец, материальная культура — все это слагалось в классовых отношениях. И ясно, что все господствующие классы, которые сменяли друг друга, приспособляли эту культуру для себя. Но отсюда мы не делаем вывода, что эта культура им целиком принадлежит. Мы знаем, что в создании этой культуры, может быть, в двух третях принимали участие те же самые <...>*

* Текст обрывается, далее сохранились разрозненные листы (примеч. публ.)

Примечания

1. Имеются в виду взгляды А.А.Богданова на историю как на процесс научного построения общества на основании данных точных наук, изложенные в его главном труде «Тектология».

2. На открытии Вольфила Блок читал свой доклад «Крушение гуманизма», основной мыслью которого было противопоставление «культура — цивилизация».

3. О культуре и цивилизации речь идет в работе П.Л.Лаврова (1823-1900) «Исторические письма» (1869).

4. Началом обсуждения темы кризиса европейской культуры стала статья А.Блока «Крушение гуманизма». Эту тему продолжал доклад Иванова-Разумника «Эллин и скиф», прочитанный сразу вслед за блоковским выступлением на заседании 23 ноября 1919 г. (текст не сохранился, повестка о заседании — ИРЛИ, ф.79, оп.5, ед.хр.8, л.2), а также доклад А.Белого «Кризис культуры», прочитанный в отсутствие автора 21 декабря (повестка — там же, л.6 и 7). На заседании памяти Герцена 18 января 1920 г. в ряде выступлений говорилось о том, что Герцен первым ощутил надвигающийся кризис европейской культуры; об этом же шла речь и в докладе Иванова-Разумника «Скиф в Европе» (повестка — там же, л.11; текст доклада — там же, оп.1, ед.хр.123).

5. Мейер Александр Александрович (1874-1939) — религиозный философ, до революции — активный участник петроградского Религиозно-философского общества. См. о нем: Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1982.

6. Несколько страниц в тексте отсутствуют. Принадлежность данного выступления искусствоведу Н.Н.Пунину (1888-1953) подтверждается буквальным совпадением отдельных формулировок с его работой «Против цивилизации» (Пб., 1918), написанной в соавторстве с Е.Полетаевым. Например, определение культуры в этом выступлении совпадает с формулировкой в вышеназванной работе: «Культура есть особый тип человеческого прогресса» (с.22). Подтверждает правильность атрибуции этого выступления и ссылка на него в докладе Черткова.

7. Шкловский Виктор Борисович (1893-1984) не был членом Вольфила, но участвовал в ряде ее заседаний.

8. Речь идет о статье В.Шкловского «Об искусстве и революции» (позднее публиковалась под названием «Улля, улля, марсиане!», впервые напечатанной в газете «Искусство коммуны». В статье, написанной в связи с приходом футуристов к руководству ИЗО

Наркомпроса, Шкловский протестовал против превращения футуризма в официальное искусство Советской России. О полемике вокруг этой статьи Шкловского см. в комментариях А.Ю.Галушкина в кн.: Шкловский В. Гамбургский счет (1914-1933). М., 1990. С.491-493.

9. Имеется в виду произошедший в 1920 г. раскол в Пролеткульте, в результате которого ряд пролетарских поэтов (В.Александровский, М.Герасимов, В.Казин, В.Кириллов) образовали новое объединение «Кузница». В 1920-1922 гг. они издавали журнал «Кузница», где полемизировали с теоретиками Пролеткульта.

10. Гизетти Александр Алексеевич (1888-1938) — критик и публицист народнической ориентации, после революции — правый эсер. В Вольфиле вел кружок «Философия народничества».

11. Штирнер Макс (Карл Шмидт, 1806-1856) — немецкий философ, автор сочинения «Единственный и его собственность» (1845, русский перевод — 1906).

12. Эта часть выступления Н.Н.Пунина отсутствует.

13. Об участии Белого в работе Пролеткульта см. во вступительной статье. См. также: Богомолов Н. Андрей Белый и советские писатели // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1989.

14. Биографических сведений о Черткове не обнаружено. В «Ракурсе к дневнику» А.Белого о нем сказано: «не толстовец». Возможно, это Давид Константинович Чертков (1885-?), активный деятель петроградской еврейской «Культур-лиги», автор брошюры «Общественные классы» (Л., 1926). О нем см.: История евреев в России. СПб., 1993. Вып.1. С.137.

15. Очевидно, от имени норвежского геофизика Бьекрнеса (1862-1951) — основателя теории циклонов.

16. См.: Самобытник [Маширов А.И.]. Под красным знаменем. Пг., 1919.

17. Гурлянд-Эльяшева Эсфирь Захаровна — переводчица «Философского словаря» Ф.Кирхнера и Михаэлиса; автор статьи «Идея творческого сознания в драмах Ибсена» (см.: Искусство старое и новое. Пг., 1921. Вып.1).

18. Ошибка в стенограмме. Маширов-Самобытник Алексей Иванович (1884-1943) — пролетарский поэт, один из основателей петроградского Пролеткульта. Возглавлял Пролеткульт в 1917-1923 гг.

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Е.В.Ивановой.

А.А.Богданов

Пять недель в ГПУ

(8/IX-13/X 1923 г.)

Характерная особенность советской истории 1920-1930-х гг. — широкомасштабные, тщательно режиссируемые судебные процессы т.н. контрреволюционных организаций. Центральной фигурой на одном из них должен был стать Александр Александрович Богданов (Малиновский; 1873-1928). Ему инкриминировалось бы руководство оппозиционной группировкой «Рабочая правда». Чекисты уже провели оперативную разработку, сфабриковали улики, подготовили лжесвидетелей, арестовали и допрашивали Богданова, — в общем, «дело» шло по известному сценарию.

Однако театрализованное судилище так и не состоялось. Следствие неожиданно прекратили, обвиняемого освободили, чем все вроде и кончилось. Богданов остался членом Социалистической Академии, книги его переиздавались, а в 1926 г. бывшему арестанту позволили возглавить им же созданный Государственный научный институт переливания крови. Более того: любые упоминания об инциденте были запрещены. Например, из автобиографии Богданова, написанной для специального выпуска энциклопедического словаря «Гранат»¹, цензура вычеркнула фразу: «Но хотя я окончательно оставил политику, она не совсем оставила меня, как показал мой арест в сентябре-октябре 1923»². Факт постановили «считать небывшим».

Полный текст автобиографии и записи, относящиеся к истории ареста, находятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (ранее — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), копии — в семейном архиве А.А.Малиновского³.

Анализ этих материалов — в контексте событий эпохи — позволяет дать ответы на два основных вопроса: зачем именно в 1923 г. понадобилось «дело Богданова» и почему столь неожиданно прекратилась подготовка процесса.

Как известно, летом 1923 г. в Советской России разразился очередной социально-экономический кризис. Участились крестьянские восстания, бастовали крупные промышленные предприятия, да и самой партии кризис тоже коснулся: в Политбюро И.В.Сталин, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев делили с Л.Д.Троцким «ленинское наследие», а с Политбюро в целом полемизировали о правильности курса внутривнутрипартийные группировки.

Для борьбы с фракционерами «в низах» Пленум ЦК сформировал специальную комиссию, которую возглавил Ф.Э.Дзержинский. Комиссия обязала каждого коммуниста сообщать об известных ему группировках в «ГПУ, ЦК и ЦКК»⁴. Порядок перечисления

ясно указывает, какого рода средствами предполагалось поддерживать партийное единство, и ОГПУ действовало согласно приказу, изолируя под различными предлогами реальных и потенциальных противников.

При таком подходе кандидатура Богданова на роль главного обвиняемого оказалась вполне подходящей. В партийных кругах он был достаточно известен: философ-марксист, авторитетный большевистский лидер эпохи революции 1905-1907 гг., писатель, естествоиспытатель, наконец, основатель Пролеткульта. Немаловажно было и то, что с 1911 г. Богданов отошел от политики, поскольку методы Ленина и ему подобных находил неприемлемыми⁵. Захват власти в 1917 г. он не считал социалистической революцией, советский государственный строй — социализмом, потому категорически отказывался от многих постов, неоднократно ему предлагаемых бывшими соратниками⁶.

Однако Богданов не солидаризовался и с оппозиционерами — партийные склоки его не интересовали. Он занимался тем, в чем видел главное дело своей жизни — созданием и пропагандой «всеобщей организационной науки», или «тектологии»⁷. К организационным же Богданов сводил практически все задачи любой отрасли знаний. В «тектологии» он видел универсальный комплекс алгоритмов их решения. По сути это — наука управления.

Интерес к подобной проблематике закономерен для профессионального революционера. Цель, которую с XVIII столетия декларировали вожди революционного движения, — построение исключительно на рациональных основах общества принципиально нового типа. Отсюда — стремление заранее разработать методы создания такого «общества справедливости» и систему управления им. Ленин и большевистское руководство в целом тоже полагали организационные задачи особо важными и решали их, опираясь на опыт якобинской диктатуры и Парижской Коммуны, т.е. террор, о необходимости которого Ленин писал еще до октября 1917 г. Террор в якобинском понимании не сводим к особо жестоким формам борьбы с политическими противниками. Это способ управления социумом посредством превентивного устрашения, когда доказательство вины конкретного индивида — вопрос непринципиальный: репрессии не за что-то, а ради достижения безоговорочного повиновения всего общества⁸. Богданов же террор отвергал, хоть и пришел к этому не сразу. Свои приемы корректной постановки и решения организационных задач он разрабатывал, опираясь не на якобинские, а на естественно-научные традиции. Не случайно и сам термин «тектология» заимствован у немецкого биолога-дарвиниста Э.Гекеля⁹.

De Visu. 1993. №7(8).

© М.П.Одесский, Д.М.Фельдман.

Отвергая террор, Богданов, тем не менее, предложил модель вполне тоталитарного общества — что и не удивительно, поскольку был он социалистом-радикалом. Общество мыслилось им как социально-однородная масса, идеальный коллектив, где нет причин для возникновения каких-либо партий. Соответственно, баланс политических сил уже не является необходимым условием управления таким обществом, и решение любой задачи — лишь вопрос выбора оптимального алгоритма, т.е. — вопрос «тектологический».

Безусловно, построение общества по богдановской модели столь же проблематично, сколь и достижение социалистического идеала. Зато для локальных задач «тектологические» методы достаточно эффективны, что неоднократно подтверждалось еще при жизни создателя «всеобщей организационной науки». Потому Пролеткульт задумывался Богдановым, в первую очередь, как школа организаторов, которые, впрок освоив «тектологические» приемы на материале искусства и науки, сумели бы использовать полученные навыки в иных областях, когда, по мнению основателя Пролеткульта, социализм действительно победит.

Кузницей управленческих кадров Пролеткульт так и не стал. Вероятно, не стал бы, даже если б Ленин и не вмешался лично, хотя не вмешаться тот просто не мог. Во-первых, в Богданове он издавна видел конкурента, претендующего на роль вождя партии, во-вторых, любую альтернативную систему управления полагал именно конкурентной, кем бы ни был автор.

Пока шла гражданская война, у Предсовнаркома просто руки не доходили до Пролеткульта, но на исходе ее Ленин обнаружил, что предполагаемый соперник успел все же создать свою школу. Перспектива конкуренции казалась вполне реальной: Пролеткульт — организация массовая, лидер ее считается выразителем победившей идеологии — марксизма «в большевистском изводе», обладает значительным авторитетом и влиянием среди социалистов как в России, так и за границей, причем в отличие от «ленинского руководства» не скомпрометирован политикой красного террора.

В 1920 г. началась ленинская интрига против возможных конкурентов, завершившаяся знаменитым письмом ЦК партии «О пролеткультах»¹⁰. Пролеткультовских лидеров обвиняли прежде всего в стремлении к автономии от партии и государства, что было явно надумано. О какой реальной автономии могла идти речь, если организация финансировалась из бюджета Наркомпроса, а состав Президиума ЦК Всероссийского Пролеткульта утверждало Политбюро ЦК РКП(б)¹¹? Что же касается весьма относительной самостоятельности в области конкретной работы, то и она была возможна лишь постольку, поскольку Политбюро еще не удосужилось предложить собственную концепцию «культурной политики».

Попытки оправдаться, предпринятые руководством Пролеткульта, не имели успеха, несмотря на очевидную нелепость обвинений. Обеспокоенный все возрастающим влиянием Богданова и пропагандируемой им альтернативной системой управления, Предсовнарком планировал жесткие меры администра-

тивного «усмирения» без того смиренного Пролеткульта. И показательно, что за содействием в этом он обратился к заместителям наркома просвещения, а не к самому А.В.Луначарскому. Меценатствующего наркома сочли союзником ненадежным: друг и родственник Богданова (муж сестры), симпатизирующий его идеям¹².

То, что именно Богданов — конкретный адресат ленинских инвектив, связанных с Пролеткультом, понимали многие современники. В мае 1924 г. на совещании при Отделе печати ЦК Луначарский попытался было объяснить, что Ленин полагал необходимым сдерживать не в меру агрессивных ниспровергателей, собиравшихся, «отбросив ценное в наследии буржуазии», не имея соответствующей квалификации, «выдумывать свое», а потому «он боялся и Пролеткульта». Однако слушатели немедленно поправили наркома: «Он боялся богдановщины». И Луначарскому пришлось согласиться. Ленин, по его словам, «боялся того, что у Пролеткульта могут возникнуть философские, научные, а в конце концов и политические уклоны». Затем, оставив экивоки, нарком попросту признал: Ленин «не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации»¹³.

Административный натиск на Пролеткульт был довольно энергичным, но Богданов не внял предупреждению. В январе 1921 г. он выступил на 1-й Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства, созванной Л.Д.Троцким (тогда — наркомом путей сообщения), и предложил альтернативный план реорганизации российской экономики, сформулированный «тектологически»¹⁴. Это было воспринято как особая дерзость: опальный лидер раскритикованного Пролеткульта посмел ставить управленческие задачи в общегосударственном масштабе. Мало того: не прошло и месяца, как правительство, объявив о НЭПе, уже от своего имени объективно подтвердило идеологическую приемлемость и целесообразность богдановского варианта.

Следующая атака на гипотетического конкурента была подготовлена куда более основательно. Среди делегатов II Всероссийского съезда Пролеткульта 21 ноября 1921 г. некие «неустановленные лица» распространили анонимный размноженный на пишущей машинке документ, озаглавленный «Мы — коллективисты», где «марксизм Плеханова и Ленина» прямо противопоставлялся учению Богданова¹⁵. Это выглядело как манифест (т.н. платформа) нелегальной «богдановской» фракции. Съездом платформа «Мы — коллективисты» была осуждена, Ленин разослал соратникам несколько гневных писем¹⁶, и в результате специальным постановлением Политбюро коммунистам предписали вести «очистку» Пролеткульта «от Богданова и т.п.» как от идейных врагов, жаждущих «подменить материалистическое мировоззрение суррогатами буржуазно-идеалистической философии»¹⁷.

В автобиографии, написанной для словаря «Гранат», Богданов с нарочитым бесстрашием сообщает о результатах этой кампании: «Осенью 1921 г. прекратилась моя пролеткультовская работа, я посвя-

тил себя всецело научной»¹⁸. В детали он не вдается — *sapienti sat*.

Но даже закрыв Богданову доступ к Пролеткульте, Ленин не избавился от опасений. Осенью 1922 г. он инспирировал кампанию «Правды» против В.Ф.Плетнева как преемника Богданова в Пролеткульте. Точно следуя ленинским инструкциям, заместитель заведующего Агитпропотделом ЦК Я.А.Яковлев доказывал в пространной статье «О “пролетарской культуре” и Пролеткульте», что Плетнев неверно понимает марксизм¹⁹. Богданов опять предупредению не внял, продолжая публично отстаивать свои воззрения, и тогда очередь дошла до него лично. Следующая статья Яковлева была озаглавлена «Меньшевизм в пролеткультовской одежде», что характерно: после суда над социалистами такого рода обвинения, да еще в «Правде», воспринимались как прямое напоминание чекистам о бдительности, поскольку само сочетание «эсеры и меньшевики» стало таким же пропагандистским блоком, как «помещики и капиталисты»²⁰. Богданова автор назвал «идеологом буржуазии», помимо всего прочего поставив ему в вину расхождения с Лениным почти пятнадцатилетней давности — прием, который Сталин столь эффективно использовал позже. Ну а осенью 1923 г. Богданов уже вполне «созрел» для ареста. И похоже, что не случайно тогдашнее «дело» разыгрывалось по схеме, аналогичной схеме инцидента с платформой «Мы — коллективисты»: в качестве вещественных доказательств следствие предъявило обвиняемому программные документы фракционеров, как водится, анонимные, однако написанные с использованием цитат из его книг и статей.

Политический процесс, который планировали чекисты, был отчасти типовым. После стремительно нараставшего красного террора первых революционных лет, т.е. открытого насилия, оправдываемого революционной необходимостью, правительство собиралось, сохранив сам принцип управления, несколько изменить юридический язык, имитировать формы судопроизводства, соответствующие общепринятым. С этой точки зрения процессы были формой компромиссной: освященной традицией якобинства и отвечающей т.н. буржуазным представлениям о правосудии.

Крайне редкие в период гражданской войны, процессы проводились регулярно с начала 1920-х гг. Обычно каждое столичное судилище, завершавшееся «полным разоблачением» очередной «контрреволюционной организации», порождало своего рода цепную реакцию: чекисты по всей стране принимались «выявлять» аналогичные «группы», «группировки», «блоки», «центры», «партии» и т.п., объединяющие «врагов народа». Судилище становилось как бы перманентным, что способствовало нагнетению массового «осадного психоза», без которого террор в качестве средства управления обществом невозможен²¹.

Так, процесс правых эсеров 1922 г. знаменовал резкую активизацию устрашения тех, кто когда-либо состоял в социалистических партиях, кроме РКП(б), и всех, им сочувствовавших.

Введенный 1 июня 1922 г. Уголовный Кодекс позволял репрессировать практически любого гражданина, не выходя при этом за рамки закона. Статья 57 УК РСФСР гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами». Естественно, суды никоим образом не ограничивались в истолковании того, что можно считать «действиями в направлении помощи»²².

«Богдановский процесс», будучи, с одной стороны, типовым, оказался бы, с другой стороны, специфичным. Судили бы (и осудили) одного из основателей партии, хоть и отошедшего от дел, но заслуженного и многими уважаемого, а вместе с ним и предполагаемых единомышленников-коммунистов. Участие во внутривнутрипартийной борьбе было бы официально признано государственным преступлением, и приговор Богданову показал, что никакие заслуги не гарантируют от уголовной ответственности за любое противоречие Политбюро.

Записи Богданова представляют собой развернутый комментарий к историческим документам, в качестве которых комментатор использует собственные сочинения — это довольно популярный жанр политической литературы. Однако в данном случае существенно другое. Допуская, что записи могут попасть не только к беспристрастным потомкам, но и к современникам-чекистам, Богданов избегает прямых выводов и оценок, ограничиваясь намеками, впрочем, довольно прозрачными. Он пишет так, чтобы «свой» читатель получил бы достаточную информацию, а чекист не смог бы использовать найденное как прямую улику.

Следствие по «делу Богданова» вели Я.С.Агранов и А.С.Славатинский²³. Привлечение первого из них к подготовке процесса — факт сам по себе достаточно значимый. Уже тогда Агранов среди чекистов считался опытным специалистом по провокациям. В частности, именно он непосредственно вел дело так называемой Петроградской боевой организации — никогда не существовавшей, хотя по этому делу были расстреляны сотни петербуржцев, в том числе и Н.С.Гумилев, а также занимался процессом правых эсеров²⁴.

Возможно, Богданов и не знал о «специализации» следователя, но о том, что Агранов постоянно использовался Лениным в качестве личного порученца, было хорошо известно в высших партийных кругах. Впрочем, еще во время ночного обыска и ареста (т.е. до первой встречи со следователями на допросе через несколько дней) Богданов понял, что «сценарий» процесса давно написан, подготовка почти завершена и следствию нужны только признания обвиняемого, а в чем признаваться — ему подскажут. Понимая это, арестованный был озабочен не обви-

нениями, ему предъявленными, а разработкой алгоритма, посредством которого удалось бы устранить причину кампании по осуждению «богдановцев».

Рассматривая подготовку процесса как «организационную цепь», Богданов, согласно принципам «тектологии», начинает поиск «слабого звена», прочностью которого определяется прочность всей «цепи»²⁵. Этим «звеном» следователей считать не стоило — они не более, чем исполнители. Председатель ОГПУ тоже исполнитель — только высшее партийное руководство имеет право принимать решение о подготовке политического процесса, где на скамье подсудимых будет Богданов. Но, с другой стороны, Политбюро находится в состоянии раскола — лидеры партии ведут борьбу за первенство в условиях кризиса власти, а при подобной ситуации любые осложнения в ходе суда неизбежно способствуют обострению противоречий в Политбюро. Значит, даже если решение о процессе принималось коллегиально, то в случае осложнений ответственность за нежелательные последствия возложили бы на Дзержинского — лично. Таким образом, «слабым звеном» в «организационной цепи» мог оказаться именно Председатель ОГПУ.

Сразу же после ареста Богданов отправил Дзержинскому письмо, а спустя три недели, уяснив сценарий процесса, еще одно. Арестант не стал разоблачать следовательские фальшивки (Дзержинский и сам все знал). Используя «тектологические» методы, он аргументированно объяснил, почему суд даст результаты прямо противоположные тем, что ожидают в Политбюро.

Процесс, как знал Председатель ОГПУ и догадывался Богданов, был задуман, дабы предотвратить создание оппозиционных группировок. Все предпосылки для возникновения «богдановской» оппозиции, — писал арестант, — уже есть: популярный лидер, теоретическая база, множество последователей, готовых объединиться и т.п. Однако именно Богданов и только он один не дает партии сложиться: не может быть «богдановской» оппозиции, если сам Богданов постоянно заявляет о своей аполитичности. А вот если Богданов уничтожен или изолирован, то никто не помешает авантюристам-последователям воспользоваться его именем. Движение обретет знамя — героя-мученика.

Свою аргументацию арестант строил, основываясь на «законе расхождения», который Дзержинский, даже не зная об «организационной науке», должен был давно освоить эмпирически: любой, пусть даже незначительный дисбаланс в системе имеет тенденцию только к увеличению, что непременно влечет окончательное «расхождение» составляющих ее элементов, т.е. распад системы²⁶. Применительно к «богдановскому» процессу это означало, что выбор Богданова в качестве обвиняемого потому неудачен, что вызывает, а не устраняет дисбаланс: химерический противник, расправой с которым надлежало устрашить потенциальных оппозиционеров, становится вполне реальным, а его быстрое устранение — проблематичным.

Арестант не только доказал, что процесс нецелесообразен с партийно-государственной точки зрения,

но и выдвинул версию, позволяющую снять с него обвинения без ущерба для авторитета ОГПУ. Все компрометирующие материалы (программные документы «Рабочей правды», написанные с использованием богдановских цитат и т.п.) он предложил считать фальшивками, но сфабрированными не чекистами, а лже-богдановцами с целью придания авторитета формирующейся оппозиционной организации. В этом варианте получалось, что арест Богданова спровоцирован фракционерами-авантюристами, освобождение же — результат разоблачения провокации, т.е. бдительности и корректности чекистов.

Судя по реакции Дзержинского, Богданов угадал: Председатель ОГПУ и в самом деле не желал рисковать, взваливая на себя дополнительный груз ответственности. Второе письмо Богданова он получил в день отправления и тогда же вызвал арестанта для допроса. Как и следователей, Дзержинского не заботили соображения относительно истинности или ложности выдвинутых обвинений — на первом месте стоял вопрос о целесообразности в данный момент «богдановского» процесса. И арестант сумел в итоге убедить Председателя ОГПУ, который обещал ему освобождение через неделю. Сделать это сразу же Дзержинский полагал невозможным. Отсрочка, что понадобилась Председателю ОГПУ, вполне объяснима: если «процесс» контролировался Политбюро, то Дзержинскому требовалось время, дабы согласовать свое решение. Вероятно, имея это в виду, он предложил Богданову письменно сформулировать свои политические воззрения. Арестант написал довольно пространственный доклад, завершив его теми же аргументами, что оказались столь действенными в беседе с Председателем ОГПУ: пока Богданов на свободе, «богдановской» партии нет и быть не может, но коль Богданов репрессирован — «есть такая партия!».

Через неделю освобождение не состоялось, и подследственный вновь обратился к Дзержинскому. А еще неделю спустя Богданов, наконец, вышел из тюрьмы, причем для закрытия дела была использована мотивировка, им подсказанная.

Отметим, что и после допроса у Дзержинского следователи не прекратили свои маневры: агентура ОГПУ распространяла слухи о наличии новых непровержимых доказательств связи арестанта с оппозиционерами, а непосредственно перед освобождением, по мнению Богданова, его провоцировали на открытое неповиновение, прямой протест, что могло дать законное основание для дальнейших репрессий. Не исключено, что такова была директива руководства, да и для следствия «бунт» арестанта предпочтительнее «противоестественного» отказа от громкого процесса — не зря работали...

Богданов не объясняет, какого рода затруднения помешали Дзержинскому исполнить свое обещание в срок и почему он сумел их преодолеть. Однако ситуация эта реконструируема. К осени 1923 г. расстановка сил в Политбюро изменилась: противники Троцкого решились на открытую конфронтацию, и началось «оттеснение» от власти «второго человека в партии». Его суждения по любому вопросу, ранее

признаваемые каноническими, наряду с суждениями Ленина, теперь объявлялись «антиленинскими», «антипартийными». Так, оказались «антипартийными» и литературные штудии Троцкого, который, продолжая ленинскую политику, неоднократно критиковал концепции пролетарской культуры — Богданов он числил среди идейных противников²⁷. В связи с «оттеснением» Троцкого изменилось и отношение к «богдановскому» процессу. Организуя кампанию против Троцкого, отдавая ему роль главного фракционера, вождя и создателя оппозиционных группировок, вряд ли стоило судить того, с кем Троцкий полемизировал (антиподу Ленина полагалось заблуждаться во всем), да еще и провоцировать создание реальной «богдановской» партии. Опять же одна из основных задач процесса была решена в период его подготовки: партийную элиту убедили, что фракционером при оказии объявят любого. 23 сентября возглавляемая Держинским комиссия (Г.Е.Зиновьев, В.М.Молотов, А.И.Рыков, И.В.Сталин, М.П.Томский), что расследовала деятельность оппозиционных группировок, представила свой отчет Пленуму ЦК. Согласно этому отчету, «Рабочая правда» вела «прямой подкоп под партию», разрушала «партийные организации», пропагандировала «экономическую борьбу рабочих против Советской власти с применением тех же средств борьбы, какими рабочие боролись при капитализме против буржуазии», а «за спиной “Рабочей правды” стоял давно уже ушедший из партии А.Богданов, известный своими антимарксистскими и антикоммунистическими взглядами». В результате «ЦК констатировал, что “Рабочая правда” и “Рабочая группа” ведут антикоммунистическую и антисоветскую работу, в виду чего признал несовместимым участие в этих группах и содействие им с принадлежностью к РКП». Естественно, что ЦК признал необходимым вести «беспощадную борьбу с этими группировками и применение репрессивных мер по отношению к членам конспиративных организаций», т.е. мер, «которые партия всегда признавала необходимыми по отношению к контрреволюционным организациям меньшевиков, эсеров и т.п.»²⁸.

Итак, «тектология» помогла Богданову избежать тюрьмы и высылки. Но в исторической перспективе «всеобщая организационная наука» не составила конкуренции террору — тут опасения Ленина были напрасными. Для тоталитарного общества террор — основополагающий государственный принцип. Альтернативы ему нет: иной принцип — иное общество.

Предлагаемое осмысление «дела Богданова» нельзя считать исчерпывающим. Многие станут ясней, например, после публикации оперативных и следственных материалов, хранящихся в архиве КГБ. Правда, необходимо учитывать, что чекисты, как и Богданов, писали преимущественно для «своих» читателей.

1. См.: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С.361-363.

2. РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.1, л.5. Орфография и пунктуация текстов всех цитируемых

документов приведена в соответствии с нормами современного русского языка.

3. РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.2. Выражаем благодарность за помощь в подготовке настоящего материала эксперту Верховного Совета РФ по приему-сдаче архивов КГБ и КПСС Н.В.Петрову и научному сотруднику ИМЛИ РАН А.Б.Рогачевскому.

4. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. №5. С.165.

5. См., напр.: Wolfe B.D. Tree Who Made a Revolution. Boston, 1960; Utechin S.V. Philosophy and Society: Alexander Bogdanov // Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas. L., 1962; Grille D. Lenins Rivale: Bogdanov und seine Philosophie. Koln, 1966; Elwood R.C. Lenin and the Social Democratic Schools for Underground Party Workers: 1909-1911 // Political Science Quarterly. 1966. Vol.81; Ballestrem K.G. Lenin and Bogdanov // Studies in Soviet Thought. 1969. Vol.6; Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia. Chicago, 1976; Jensen K.M. Beyond Marx and Mach: Aleksander Bogdanov's Philosophy of Living Experience. L., 1978; Sherrer J. Les Ecoles du Parti de Capri et de Bologne // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1978. Vol.19; Boll M.M. From Empiriocriticism to Empiriomonism: The Marxist Phenomenology of Aleksander Bogdanov // Slavonic and East European Review. 1981. Vol.59; Kelly A. Empiriocriticism: A Bolshevik Philosophy? // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1981. Vol.22; Studies in Soviet Thought. 1981. Vol.22.

6. См., напр., письмо Н.И.Бухарину: «В идеологии стихийных массовых движений и утопизм является жизненно необходимым элементом; если в нем нет правды научно теоретической, то может быть правда действительного порыва. Так и во Французской революции якобинцы, идя по пути исторической необходимости, утопически понимали смысл своей работы — думали, что ведут к высшим идеалам; но разве они могли бы выполнять ее с такой беззаветной энергией, если бы знали, куда идут» (РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.60, л.6-7).

7. «К партии, — указывал Богданов, — я формально не принадлежал, всецело посвятив себя задачам пролетарской культуры и организационной науки» (Там же, л.5).

8. См.: Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора: (А.Пушкин, Ф.Достоевский, Андрей Белый, Б.Савинков) // Общественные науки и современность. 1992. №2. С.85-90.

9. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 1989. Т.1. С.92. Вероятно, для Богданова источником послужило сочинение Э.Гекеля «Мировые загадки» (1899).

10. Правда. 1920. 1 декабря. В том же 1920 г. Ленин считал необходимым переиздать свой основной антибогдановский труд — «Материализм и эмпириокритицизм».

11. См.: В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов: 1917-1927 / Сост., вступ. ст. К.Аймермахера. М., 1992. С.79.

12. См., напр.: Ленин В.И. ПСС. Т.41. С.33.

13. Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925. С.116-117. Ср. также свидетельство Троцкого: «Ленин употреблял термин “пролетарская культура” только для того, чтобы бороться против его идеалистического, лабораторного, схематического, богдановского истолкования» (Соч. М.; Л., 1927. Т.21. С.162).

14. См.: Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Т.1. С.273-278.

15. РЦХИДНИ, ф.17, оп.60, ед.хр.43, л.15.

16. Ленин В.И. ПСС. Т.44. С.266; Т.54. С.23.

17. Вопросы истории КПСС. 1958. №1. С.38.

18. Деятели СССР и революционного движения России... С.362.

19. Правда. 1922. 24, 25 октября.

20. Правда. 1923. 4 января.

21. 20 февраля 1922 г. Ленин писал наркомю юстиции Д.И.Курскому об «обязательной постановке ряда образцовых (по скорости и силе репрессии; по разъяснению народным массам через суд и через печать значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах», а также необходимости «воздействия на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии» (ПСС. Т.44. С.396-397).

22. В связи с проектом УК РСФСР Ленин указывал наркомю юстиции: «Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле более или менее широкого». Особый интерес с этой точки зрения представляют рекомендованные Лениным варианты формулировки статьи о «контрреволюционных преступлениях». Первый из них предусматривал: «Пропаганда или агитация или участие в организации или содействии организациям, действующим в направлении той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению путем интервенции или блокады или финансирования прессы и т.п. средствами, карается высшей мерой наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу». Следующий вариант позволял трактовать еще шире: «Пропаганда или агитация объективно содействующие буржуазии. Далее область применения статьи расширялась беспредельно, поскольку речь шла уже о «пропаганде или агитации», которые не только «содействуют», но и «способны содействовать» той же буржуазии (ПСС. Т.45. С.190-191).

Легко заметить, что все ленинские рекомендации УК РСФСР воспроизвел почти дословно — напр., в ст.57, ст.60 («Участие в организации или содействии организации, действующей в целях, означенных в ст.57»), ст.61 (действия «в направлении помощи

международной буржуазии»), ст.70 («Пропаганда или агитация в направлении помощи международной буржуазии») и др. Таким образом, у суда не было бы трудностей в квалификации «содеянного» Богдановым.

23. Агранов Яков Саулович (1893-1938) — с осени 1919 занимал в ВЧК должность «особоуполномоченного по важнейшим делам», будучи секретарем Совнаркома, затем: «особоуполномоченного по секретным делам», вошел в Коллегию ВЧК, Коллегию ОГПУ, к концу 1920-х гг. — начальник Секретного отдела, с 1933 г. — первый заместитель наркома внутренних дел. Занимался процессами т.н. «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Ленинградского террористического центра» и т.п. Репрессирован.

Славатинский Александр Сергеевич (1892-1938) в 1920-е гг. работал под руководством Агранова, затем был переведен из Москвы и завершил карьеру в должности помощника начальника УНКВД по Саратовской области. Репрессирован.

24. См., напр.: Фельдман Д.М. Дело Гумилева // Новый мир. 1989. №4; Фельдман Д.М. Правила игры // Континент. 1991. №68; Грязневич Вл. Запланированный заговор // Смена. 1991. 24 августа; Грязневич Вл. Профессор Таганцев и другие: Пренебрежение банальными истинами // Час пик. 1991. 23 декабря; Хроника разгрома Петроградской боевой организации / Сост. Шошков Е.Н. // Смена. 1991. 24 августа.

25. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Т.1. С.216-242.

26. Там же. Т.2. С.5-12.

27. Статьи, объединенные в книгу «Литература и революция», написаны, как вспоминал Троцкий, по личному предложению Ленина. Эта книга обобщала опыт политики, планомерно проводившейся с 1920 г. Ранее о культуре большевистское руководство вспоминало от случая к случаю — «очередные задачи советской власти» были другими. После национализации типографий и целлюлозно-бумажных фабрик, массового закрытия периодических изданий и большинства издательств основным средством управления стала цензура. Когда исход Гражданской войны уже не вызывал сомнений, актуальной стала проблема культурной политики. Конкретная цель — «оттеснение» Богданова — обусловила выбор модели, апробированной в армии, промышленности и т.п.: привлечение «буржуазных специалистов», которым надлежало работать под присмотром «комиссаров». В литературе таким «комиссаром» — по согласованию с Лениным — был назначен А.К.Воронский. Ему и предоставили право распоряжаться финансовыми средствами. Следуя полученным инструкциям, Воронский, разумеется, ориентировался на «попутчиков», а не на «пролетарских писателей».

Так получилось, что выход книги Троцкого совпал с «закатом» его политической карьеры, и недовольным разрешили нападать на Воронского, обвиняя его в «троцкизме» и уклонении от якобы существовавшей «ленинской линии». Именно эти обстоятельства оп-

ределили пафос литературных дискуссий 1923-1924 гг. Позже Троцкий писал, что выработанная им и Лениным концепция, реализовывавшаяся Воронским, «еще накануне господствовавшая, внезапно провозглашена была в официальной декларации «капитулянтской», продиктованной «неверием» в творческие силы пролетариата. Открывался период Сталина-Бухарина, из которых второй издавна выступал глашатаям «пролетарской культуры», а первый вообще никогда не задумывался над этими вопросами» (Преданная революция. М., 1991. С.149).

28. См.: Отчет ЦК РКП: (За сентябрь-октябрь 1923 г.) // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 9/10. С.14-16. Примечательно, что Богданов был официально признан виновным еще до завершения следствия, а соответствующий номер «Известий ЦК РКП(б)» выпущен уже после официального призна-

ния его невиновности. Даже редакции специализированных периодических изданий не успевали следить за изменением расстановки сил в Политбюро.

Не располагая секретной документацией ОГПУ и ЦКК, трудно сказать, была ли «Рабочая правда» изначально создана ОГПУ с провокационными целями или же действительно существовала такая оппозиционная организация, контролируемая чекистской агентурой. Имеющиеся публикации отражают лишь версию Политбюро (см., напр.: Бухарин Н.И. Влияние НЭПа и уклоны в рабочем движении // Правда. 1923. 25 марта). После сентябрьского пленума ЦК официальную интерпретацию истории «Рабочей правды» настойчиво популяризировал Е.М.Ярославский, см. его книги: Что такое «Рабочая правда». [Харьков], 1924; «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда». М.; Л., 1927.

Пять недель в ГПУ (8/IX-13/X 1923 г.)

У меня сохранилось от моего дела два заявления Дзержинскому, одно из них довольно обстоятельное, сыгравшее, кажется, центральную роль в происшедшем до сих пор. Протоколы допросов, к сожалению, имеются только в самом деле, также и ряд других заявлений. Кто знает, сохранится ли все это для будущего? Поэтому я решил дополнить эти два документа по свежей памяти краткими объяснениями, постараться сберечь их до того времени, когда опубликование станет возможным и допустимым, и создадутся условия для беспристрастного суждения о всем деле.

В ночь на 8 сентября 1923 г. я был арестован по ордеру ГПУ после тщательного обыска¹. Были два незначительных письма и одно мое же, неизвестно кем перепечатанное, не знаю, как ко мне попавшее письмо. Его кто-то забыл в моей книге «Сибирских огней»². По содержанию оно было вполне легально, только перепечатано крайне нелепо: без моего имени и с пометкой «только для членов партии»³. Я, понятно, тут же его признал своим. Оно мне было в моем деле полезно, устанавливая мою принципиальную аполитичность и до некоторой степени намечая мои взгляды на современное развитие, грубо искаженные в литературной травле, которая велась против меня в эти годы.

Причин ареста я не знал, но у меня возникло предположение, что была прослежена и ошибочно понята только что мною созданная организация «Физиологического коллективизма» для опытов повышения жизнеспособности людей методом обменного переливания крови⁴. Основываясь на этой догадке, я тотчас после ареста послал Ф.Э.Дзержинскому письмо соответствующего содержания. Догадка была ошибочна, но не вполне: в центре означенной организации, у доктора Малолеткова, был сделан такой же обыск, и так же оставлена засада⁵. Дзержинского, по-видимому, не было тогда в Москве: мне потом сказали, что письмо «отправлено» к нему.

Меня посадили во Внутр<еннюю> тюрьму ГПУ, в камеру 49, с арестантом, обвиняемым по уголовному делу, и 5 дней держали на одинаковом с ним положении: без книг, без письменных принадлежностей, без прогулок и без допроса, против чего я в двух заявлениях протестовал⁶.

В среду, 12-го, мне сделали чисто анкетный допрос (кто я и пр.) и начали улучшать условия, которые постепенно были доведены до уровня «Крестов», в мое последнее пребывание там в 1905-6 гг.⁷

В четверг, 13-го, был допрос по существу у Агранова, Особоуполномоченного. Обвинение в организационной и идейной связи с группой «Рабочая правда». Дали три издания «Раб<очей> пр<авды>», из которых я раньше видел только одно («Р<абочая> п<рава>да» № 2) и лишь несколько минут бегло просматривал. Дело в том, что еще в апреле-мае до меня доходили слухи о намереньях тех, кто вел против меня литературную кампанию, связать меня с «Раб<очей> п<рава>дой», и это внушало мне

такое отвращение, что не было желания знакомиться ближе с этим изданием. В «Р<абочей> п<равде>» № 2 имелась целая статья (за подписью «Леонид») и куски других статей (особенно «Платформы»), написанные в моей терминологии, частью представлявшие почти мозаику из отдельных моих работ. Мне было легко показать, что это писал не я, а какой-то неопытный подражатель: рука довольно неумелая, мысли резко расходящиеся с моей неоднократно выраженной, частью и печатно зафиксированной позицией.

Следователи (Агранов, Славатинский) настаивали на том, что я все-таки ответствен за «Р<абочую> п<равду>» как явных «богдановцев». Я ответил, что ответствен не более, чем Плеханов и Ленин за их теоретических последователей — Мясникова с «Рабочей группой»⁸ или Маркс за меньшевизм, или основатели меньшевизма за «максималистскую» позицию Троцкого, Дана, Мартынова в 1905 году⁹. Они, однако, настаивали, что должно же быть в моих идеях что-то специально подходившее для «Р<абочей> п<равды>» и привлекавшее этих противников РКП. После некоторых размышлений, я пришел к теории, которая, как полагаю, вполне убедительно раскрывает основы такого тяготения «Р<абочей> п<равды>» к моим идеям, а также бесцеремонного отношения ко мне лично (см. ниже, в письме к Дзержинскому, цитату из протокола). Этим, собственно, следствие по существу и заканчивалось.

Вопросы конкретно-фактического характера касались либо людей мне близких и заведомо для меня непричастных к «Р<абочей> п<равде>», либо мне неизвестных, либо таких, о которых я мало что мог сказать. Были данные «внешнего наблюдения», которые мне без труда удалось разъяснить. Спрашивали также об организациях, которые я совсем мало знал, как «Октябрь мысли»¹⁰ или круги преподавателей Свердловского Ун<иверсите>та¹¹.

В общем, следствие, на мой взгляд, велось добросовестно, — на первом же допросе от меня не скрыли и противоречивости своих данных. Но понятие о моей деятельности и вообще о моих взглядах у следователей имелось частью смутное, частью извращенное, в общем, оно соответствовало тому, что было написано в сикофантских статьях Я.Яковлева (Эпштейна) и что разными путями инсинуировалось в газетной травле*.

Когда все было разъяснено и допросы, естественно, исчерпались, а меня продолжали держать в тюрьме, я обратился к Дзержинскому с заявлением, которое у меня сохранилось и здесь приводится:

Начальнику ГПУ
Ф.Э.Дзержинскому
члена Социалистической Академии
А.Богданова

Заявление

После своего ареста я обратился к Вам с заявлением, которое не было основано на знакомстве с сутью моего дела. Теперь она стала мне ясна и я позволяю себе вновь к Вам обратиться.

Меня обвиняют в мелкой подпольной работе, направленной против РКП и ведущейся под фирмой группы «Рабочая правда». Обвинение для меня психологически позорящее — совершенно независимо от того, как смотреть на эту группу. Ибо оно означает вот что:

Старый работник с многолетним политическим стажем и опытом *уклонился* от великой борьбы, когда она разгоралась, когда она охватила пламенем всю его страну, когда его товарищи изнемогали сверх сил под жестокими ударами со всех сторон; в такое время он предпочел идти *своим* путем, работать в *иной* области, где не звучит набат к «сбору всех частей» — в области культуры и науки.

Одно из двух: или этот человек — презренный дезертир, или он имел серьезные и глубокие основания так поступать.

* Тем более не имели они понятия обо мне как о личности. Они настойчиво убеждали меня назвать из приходящей ко мне со всякими запросами как к своему учителю молодежи тех, кто проявлял рабоче-правдинские и близкие к ним тенденции. Не раз убеждали.

Но вот, когда буря затихла, когда жизнь стала входить в свои рамки, когда главные жертвы принесены, а дело культуры и науки вновь занимает свое нормальное место в жизни, — именно тогда этот человек украдкой пробирается на арену политики, и начинает, — анонимно, — во мраке, — что-то делать... Не важно, что. Но где же те «серьезные и глубокие основания», которые удержали его в безопасной дали от пожара? Значит, их не было?

Тогда нет оправдания, и приговор ясен.

Основания *были* и *остались*, серьезные и глубокие. Работник не изменял и не отдыхал; он тоже делал дело, по его полному и продуманному убеждению, необходимое для мировой революции, для социализма; он тоже взял на себя задачу, по масштабу сверх человеческих сил. И он не мог поступить иначе, потому что в этом деле, в этих задачах он был одинок и некому было его сменить, некому заменить.

Идея пролетарской культуры... Да, может быть, теперь, в нашей крестьянской, нищей и голодной стране, она стала несвоевременна, — может быть, наш немногочисленный, истощенный героической борьбой с врагами и разрухой, пролетариат обречен лишь ощупью и частицами творить эту культуру, пока не наберется сил для сознательного созидания и собирания ее элементов. Но остается непреложным фактом, что в первые страшные годы борьбы лозунг этот, даже смутно понимаемый, *одушевлял* бойцов, сознание себя носителями новой, высшей культуры усиливали их веру в себя.

А теперь лозунг разнесся по всему коммунистическому миру; и спросите коммунистов немецких, английских, итальянских, чехословацких — полезен ли он им в их деле?

Всеобщая организационная наука. Разве всеобщая разруха, разве мировая дезорганизация не говорят сурово и властно об ее необходимости? И когда нашему рабочему классу силою вещей пришлось взяться за организацию всей жизни страны, разве не было самым трагическим в его положении то, что ему пришлось это делать ощупью, да с помощью специалистов старой науки, которая сама никогда не ставила задачи в целом? И разве мыслима всеобщая научная организация мирового хозяйства в социализм без выработанного орудия — всеобщей организационной науки?

Выступает с жестокой настоятельностью вопрос об едином хозяйственном плане. Спросите наших ученых-специалистов — профессоров Громана, Базарова, самого руководителя Госплана Кржижановского — нужна ли и полезна ли для решения этого вопроса организационная наука¹²?

Вот две задачи. Никто другой не брал их на себя. Но и отдавши им главную долю своих сил, я вел все время непосредственную работу для Советской России — просветительную, как автор учебников, которые применяются сотнями тысяч, которые издаются и Госиздатом и комитетами РКП, лекторскую, профессорскую, — пока это мне позволяли. Работал и тут, конечно, не меньше любого из одобряемых и поощряемых спеццов.

За последние годы прибавилась третья задача. Благодаря исследованиям английских и американских врачей, делавших многие тысячи операций переливания крови¹³, стала практически осуществима моя старая мечта об опытах развития жизненной энергии путем «физиологического коллективизма», обмена крови между людьми, укрепляющего каждый организм по линии его слабости. И новые данные подтверждают вероятность такого решения.

Вот три задачи. Прав я или не прав в их постановке, но для меня они — все.

И *этим* рисковать, этим жертвовать ради какого-то маленького подполья?

Однако обвинение возникло не случайно. Его основа — поистине беспримерное использование некоторыми авторами «Рабочей правды» моего литературного достоинства. Целые статьи или куски из них сплошь написаны в моих словах и выражениях, либо составлены прямо из обрывков, взятых в разных местах моих работ. Если бы я писал это, мой поступок нельзя было бы назвать иначе как безумным доносом на самого себя.

Опытный литератор легко отличил бы упорное подражание от оригинала. Но, конечно, следователи не обязаны быть опытными литераторами, и их предположения были естественны. Если же Вы спросите у И.И.Степанова, хорошо знающего мою руку, он скажет Вам, что я, конечно же, не способен писать так тускло, так стереотипно повторять свои старые фразы, делать явные ошибки против правил популяризации, даже стилистики¹⁴.

Но мне удалось показать нечто более важное. Как раз там, где всего грубее внешнее подражание, *мысли* наиболее резко расходятся с тем, что я постоянно высказывал и

печатно и публично, и в бесчисленных разговорах с товарищами. И это особенно по вопросу о движущих силах революции, о реальной основе Советской власти и РКП.

А о том, что основной вывод «Рабочей правды» — призыв к образованию новой рабочей партии — противоречит многократно выраженному мной убеждению, что теперь по объективным условиям не может быть иной партии, кроме уже существующей, — следователям было уже известно.

Думаю, мне удалось в общем убедить их; а вопрос, на котором они затем всего больше настаивали, был такой: почему же именно «Р<абочая> п<рава>» так привержена к моим словам и схемам, почему она так упорно хочет обосноваться на них?

Мне самому понадобилось время, чтобы решить этот вопрос; и вот как я на него следователям ответил:

«Напомню о своем положении за последние три года. Я подвергался не десяткам, а, пожалуй, сотням нападений со стороны влиятельных лиц, а то и влиятельных кругов, — в официальных документах, публичных выступлениях, в газетных, журнальных статьях, целых книгах. Я как-то сказал, что журнал «Под знаменем марксизма»¹⁵ издается наполовину против меня, бывший при этом Ш.М. Дволайцкий, сам один из ближайших сотрудников этого журнала, поправил меня: «Не наполовину, а вполне»¹⁶. Мои попытки отвечать не печатались; да и немисливо было бы на все ответить. Вокруг меня создавалась отравленная, враждебная атмосфера... Только она сделала возможным возникновение моего дела. И она же для него создала материал, — толкнула кого надо к «богдановщине».

Существовали элементы брожения, недовольные ходом вещей, порядком, партией. Они, конечно, искали идеологии для себя. И вот, они видят человека, которого преследуют; кто? те самые, в ком для них воплощаются стимулы их недовольства, кого они считают врагами своих стремлений. Что может быть проще и логичнее вывода: «А вот он, должно быть, и есть тот, у кого мы найдем, что нам надо». Читают, изучают, истолковывают применительно к своим настроениям. Думают обратиться к нему. Но он, оказывается, забронировался в роли теоретика, исследователя — в «аполитичности». Практически — политических указаний получить у него нельзя, и его оценка текущего развития только расхолаживает: «нет объективных условий для создания новых политических сил, не может быть иной партии, кроме той, которая существует». Ну, что же, думают они, в этом мы без него обойдемся. Используем, что нам подойдет, и уж используем полностью, — нечего с ним церемониться; а задачи сумеем поставить сами, какие мы находим правильными.

Тут все объясняется: и «приверженность к богдановщине», и варварски-бесцеремонное, ни с чем не считающееся использование, и самое понимание, резко противоречащее моим действительным идеям. Так же не случайно все это, как и то, что люди, действительно понимающие, а не просто использующие мои идеи, сколько я таких знаю, идут либо, подобно мне, в науку, либо в строительно-творческую практику жизни.

Молодость узка и фанатична: «С Богдановым церемониться нечего; наше дело дороже; получить такого мученика для нашего дела (хочет он или не хочет) это выгодно!» И при всей их теоретической и литературной незрелости это, в смысле политического инстинкта, оказывается не так уж наивно... Если я не сразу понял эту связь фактов, то лишь потому, что давно не думал о политической линии.

Так случилось, что одинокий работник науки, — одинокий как немногие, — оказался между молотом и наковальней: одни давно стремятся «добить» его как ненавистного мыслителя, другие — не прочь подставить его под удары, потому что это им далеко не вредно. Интересы слились. Но будет великой несправедливостью, которую заклеит суд истории, если оба эти плана удадутся.

Меня спрашивали, почему я раньше не отмежевался откровенно от этой группы, раз до меня давно уже доходили слухи о намерении моих противников связать меня с нею. Но как ответить на темные слухи? Ведь прямо и открыто никто ничего не говорил. И разве не были ответом по существу мои заявления об отказе от участия в активной политике? Да и не верилось мне в реальность угрозы, и не хотелось думать о таких вещах, поглощенному своими задачами. Даже после ареста не на том сначала остановились мои предположения.

И вот, я дал все объяснения, как думаю, исчерпывающие; но мое положение эстается прежнее. Не допускаю мысли, чтобы в Советской России, в ее центре, человек и работник мог оставаться лишенным свободы по условиям только формальным и

канцелярским. Значит, есть еще какие-то сомнения? В таком случае обращаюсь к Вам с просьбой допросить меня лично.

Я ничего не могу сказать против Ваших следователей. Они ведут дело, очевидно, по выработанной технике; они внимательны и корректны. Но у Вас есть два преимущества в этом случае.

Во-первых, Вы уже *знаете* меня, и, лицом к лицу, сразу поймете.

Во-вторых, хотя враждебная атмосфера, которая вокруг меня создалась, захватила, вероятно, и Вас, но Вы, по самому своему положению, легче сможете от нее отвлечься. Ибо Вы знаете, что действуете на открытой арене истории, которая наш общий судья.

То, чего я добиваюсь, есть строгая справедливость, и ничего больше. Если она будет оказана, я буду рад не только за *свое* дело, но также за Ваше дело и за Вас.

27 сент<ября> 1923.

А.Богданов.

Дзержинский вызвал и допросил меня в тот же день. С самого начала обнаружилось, что у него о моей точке зрения не более ясное и столь же ложное понятие, как у следователей. «Если вы считаете нашу революцию революцией передового капитализма, то вы все равно наш враг, ибо это нас подрывает и дает опору нашим противникам»¹⁷. Когда я сказал, что такого мнения у меня никогда не было, он предложил мне формулировать мои основные взгляды на мировую и русскую революцию. После часового разговора его отношение ко мне стало совсем иным. Он предложил мне письменно изложить сказанное и обещал освободить «в пределах одной недели». Раньше, по его словам, он не мог «по соображениям дел ГПУ». Был, впрочем, в конце вопрос о том, чтобы мне «жить вне Москвы», но к этому вопросу он обещал вернуться позже¹⁸.

Я написал довольно большой доклад, в общем, то же, что в моих тезисах «Мировая война и мировая революция»¹⁹ и «Судьбы пролетарской культуры»²⁰. К этому я прибавил книжку нового издания «Начальн<ого> курса полит<ической> экон<омии>» с главой о русской революции и военном коммунизме²¹.

Дзержинский приказал давать мне свидания и позволил сказать жене о его обещании. На второе свидание жена пришла очень взволнованная. От Енукидзе, который со Смидовичем²² за меня хлопотал, до нее дошло сообщение, что против меня есть показания какого-то субъекта, который якобы утверждал, что сам видел и слышал меня на конференции «Р<абочей> п<равды>». Она написала по этому поводу письмо Дзержинскому. На свидании она успела кой-что шепнуть обо всем этом. Рассказ, по-видимому, был нужен специально для того, чтобы мои старые товарищи не приставали к ГПУ. Со мной об этом никакого разговора не было. Я уверен, что в применении таких методов Дзержинский не при чем. Его искренность во мне не возбуждала и не возбуждает никаких сомнений.

Тем не менее так как неделя прошла, а меня не освободили, я обратился к Дзержинскому со вторым сохранившимся у меня заявлением, которое привожу.

Председателю ГПУ
Ф.Э.Дзержинскому
арестованного члена
Соц<иалистической> Ак<адемии>
А.Богданова

Заявление

Вы отозвались на мою просьбу о личном допросе, это показывает, что Ваше отношение к моему делу не основано ни на голом формализме, ни на предвзятости, какая могла бы быть навеяна враждебною мне атмосферою.

В субботу 29/IX я послал Вам возможно подробный доклад о моих взглядах по поставленным Вами вопросам, в понедельник 1/X — мою книжку, изданную для масс как элементарный учебник. Из этих данных Вы, я думаю, могли убедиться, что я объективно никогда не был врагом Советской власти; что я не был им субъективно, Вам может сказать каждый из наших общих старых товарищей, имевших общение со мною за это время.

Ввиду всего этого позволяю себе напомнить Вам тот момент нашего разговора, который заключал в себе определенное обещание с Вашей стороны. Пишу это заявление ровно через неделю по окончании разговора; дойдет до Вас оно, разумеется, позже. Я, конечно, понимаю, что в Вашем выражении был оттенок приблизительности (даже, помнится, слово «около»), и заранее извиняюсь, если беспокою Вас напрасно; Вы поймете мою невольную настойчивость. Всякое слово человека, занимающего Ваше социальное положение, — вещь серьезная, и если что-нибудь изменилось, если явились новые моменты в моем деле, они должны быть мне предъявлены.

В этом я позволю себе всецело полагаться на Вас.

4 окт<ября> 1923, 7 часов вечера.

А.Богданов.

Через два дня Агранов передал мне ответ Дзержинского: обещание остается в силе, но со временем у него не вышло, придется ждать еще. Очевидно, он встретил сопротивления, каких не ожидал (а я ожидал).

Прошла еще неделя, и я был освобожден без высылки. Не знаю, может быть, на последнее имел некоторое влияние аргумент, высказанный мною в конце доклада Дзержинскому: всякие дальнейшие репрессии против меня должны объективно вести к закреплению в глазах всей публики моей фирмы за «Рабочей правдой».

С освобождением был связан характерный эпизод. Накануне ночью в 12-м часу (в тюрьме тушат огни в 10 часов) меня вызвали к Агранову, и он любезно сообщил мне, что завтра я буду освобожден, утром же, в 11-12 часов. Я заметил, что в тюрьме, как я слышал, освобождают только вечером. Агранов ответил, что если выполнять все формальности, то это так бы и вышло; но для меня все будет сделано спешно, в неформальном порядке, — и тут же отдал об этом распоряжение Славатинскому.

На другой день после срока проходил один час за другим, а об освобождении не было помину. В 3 часа я пришел к мысли, что надо мной решили на прощание устроить маленькое издевательство, и написал в этом смысле спешное заявление на имя Агранова и Славатинского. А к 4^{1/2}, размышляя о том, что я в сущности в руках не ГПУ, которое только аппарат, а в руках врагов, которым до оправданий и аргументов, конечно, нет дела, я пришел к выводу, что ночная сцена со всеми любезностями (хотели даже ночью же известить мою жену, да не было телефона) была по всей видимости садистической комедией, что меня и не думают освобождать, а хотят довести до поступков, которые дали бы повод к сильным репрессиям. Я написал к 5 ч<асам> негодующее заявление на имя следователей и жалобу Дзержинскому — его я, разумеется, на участие в таком деле способным не считал. Если бы дело еще затянулось, я бы, вероятно, разрушил камеру, чтобы найти выход волнению, которое угрожало меня задушить (артериосклероз, аневризма, перегруженное сердце). Но в 5 ч<асов> меня вызвали «с вещами»²³. Я вышел из тюрьмы больным, тогда как утром, несмотря на бессонную ночь, был совершенно здоров.

Через 2 дня, 15<-го>, Агранов вызвал меня для объяснений. Он был оскорблен за себя и за ГПУ. Я ему ответил, что, конечно, я теперь знаю об ошибочности моего предположения, — но при общей нелепости происшедшего и подчеркнутых обещаниях оно было возможно, даже естественно; таким оно казалось и моему сожителю по камере (политический, по делу «Рабочей группы»), человеку со стороны; и наиболее пострадавшим был все-таки я — эти 5 часов обошлись мне дороже, чем, вероятно, лишние 5 месяцев тюрьмы. Он сказал, что инцидент будет считаться исчерпанным и больше меня беспокоить не станут.

В ночном разговоре мне было заявлено, что следствие выяснило мою непричастность к «Р<абочей> п<равде>» — у меня было только «окружение» в смысле таких элементов и использование с их стороны.

Формально, однако, дело не закончено, на этом основании тюрьма отказывалась выдать мои вещи.

На мой взгляд, роль ГПУ в этом деле пассивная, — ответственность, конечно, не на нем. Оценку всего дела даст будущее.

25 октября 1923.

А.Богданов.

Примечания

1. Ст.188 Уголовно-процессуального кодекса, введенного 15 февраля 1923 г., гласит: «обыски и выемки, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производятся днем».

2. «Сибирские огни» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал, издающийся с 1922 г.

3. Богданов явно иронизирует: доказывать обыскивающим, что письмо подброшено смысла не имело. «Кто-то», невзначай «забывший» этот документ, дал чекистам возможность предъявить владельцу обвинение, как минимум, по ст. 72 УК РСФСР: «Изготовление, хранение с целью распространения и распространение литературы контрреволюционного характера». Об адресате письма Богданов не упоминает — не исключено, что чекисты уже готовили того в качестве свидетеля на процессе.

4. Идею обменного переливания крови Богданов обосновал «тектологически». Сопоставление, — писал он, — «разного рода жизненных сочетаний привело меня к мысли, что и для высших организмов возможна «конъюгация» не только половая, но и иного рода — «конъюгация» для повышения индивидуальной жизнеспособности, а именно в форме обмена универсальной тканью организмов — их кровью» (Борьба за жизнеспособность. М., 1927. С.122). Взаимообмен кровью, практикуемый среди «своих», был для создателя «тектологии» частным случаем развития принципа коллективизма — доминанты, как он полагал, пролетарского мировоззрения: «В нашу эпоху, — указывал Богданов, — господствует культура индивидуалистическая; ее атмосфера неблагоприятна для нашего метода и точки зрения, лежащей в его основе. Трудовой коллективизм, их истинная почва, еще только пробивается к жизни. Когда он победит, тогда будут устранены трудности и препятствия, стоящие теперь на пути коллективизма физиологического, тогда наступит его расцвет» (Там же. С.154). Характерно, что говоря об эпохе культуры индивидуалистической, автор имеет в виду и советскую эпоху, т.е. не считает СССР подлинно социалистическим государством. Таким образом, он еще раз подчеркивает, что от своей теории социалистической культуры отрекаться не собирается.

По собственному признанию Богданова, идея обменного переливания крови была им впервые высказана в утопическом романе «Красная звезда» (1907), а развернутая формулировка дана в 1-й части «Тектологии» (1913). Большевицкое руководство идею одобрило. Есть свидетельство, что в период разгрома Пролеткульта Ленин настоятельно рекомендовал его основателю заниматься именно опытами по обменному переливанию крови (Лазебников Л. Их знал Ильич. М., 1967. С.90). Как сообщает Богданов, ему в 1922 г. удалось «добыть необходимые средства и кое-какие приборы для этих опытов», причем оборудование он получил в Англии (Указ.соч. С.123). С 1923 г. Богданов и несколько врачей-энтузиастов

ставят эксперименты, используя в качестве лабораторий частные квартиры. Они добиваются довольно значительных успехов, после чего по инициативе Сталина, Бухарина и наркома здравоохранения Н.А.Семашко создается Институт переливания крови. По воспоминаниям сына Богданова, А.А.Малиновского, едва ли не решающую роль тут сыграл эпизод, связанный с болезнью М.И.Ульяновой: кремлевские врачи считали, что летальный исход неизбежен, однако, после обменного переливания крови, сделанного благодаря настойчивости Богданова, больная выздоровела (сообщено А.Б.Рогачевским). Так ли все было — трудно судить, но, как бы то ни было, эффективность обменного переливания подтверждалась неоднократно. «В конце 1925 г., — указывает Богданов, — тов.Сталин предложил мне взять на себя организацию Института, причем обещал, что будут предоставлены все возможности для планомерной научной работы» (РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.41, л.1). В этом Институте по богдановской методике лечились номенклатурные ветераны партии, — «физиологический коллективизм» подразумевал и частичное решение столь актуальной для них проблемы «омолаживания».

Кстати, Сталин симпатизировал Богданову еще с дооктябрьских времен, а в 1920-е гг. даже отчасти покровительствовал. И, пожалуй, дело не только в том, что Богданов считался противником Ленина и Троцкого. Сталин подчеркивал, что Богданов «был одним из серьезнейших лидеров нашей партии», но в то же время — «руководителем из литераторов», т.е. наряду с Луначарским — «одним из бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли» или вовсе оставивших политику. Таким образом, результаты конфликтов в большевицком руководстве истолковывались как проявление объективной исторической закономерности (см., напр.: Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т.2. С.55-58; М., 1952. Т.7. С.43; М., 1952. Т.10. С.370, а также: Grille D. Lenins Rivale: Bogdanov und seine Philosophie. Koln, 1966. S.58-59; Williams R.S. Collective Immortality: The Sindicalist Origins of Proletarian Culture: 1905-1910 // Slavic Review. 1980. Vol. XXXIV. №3. P.398-399; Biggart G. «Anti-Leninist Bolshevism»: The «Forward» Group of the RSDRP // Canadian Slavonic Papers. 1981. Vol.XXIII. №2. P.164-165).

В речи на похоронах Богданова Н.И.Бухарин — представитель Политбюро — счел нужным обратить внимание собравшихся на то, что Богданов «был коллективистом и по чувству, и по разуму одновременно. Даже его идеи о переливании крови покоились на необходимости своеобразного физиологического коллективизма, где отдельные сочеловеки смыкаются в общую физиологическую цепь и повышают тем самым жизнеспособность всех вместе и каждого в отдельности» (Труды Государственного научного института переливания крови им. А.А.Богданова. М.,1928. Т.1. С.Х).

Зато в 1930-е гг., когда принято было обвинять уже опального Бухарина в «богдановщине», идеи Богданова в очередной раз объявили «антиленинскими»: так, один из сотрудников Института переливания крови, каюсь, писал, что «теория т.н. «физиологиче-

ского коллективизма" и теория борьбы со старостью являются методологически ошибочными, чуждыми марксизму установками» (Переливание крови как лечебный метод / Под ред. А.А. Богомольца и др. М.: Л., 1935. С.90).

5. Малолетков Семен Львович (1863 — не ранее 1933) — московский врач. В годы 1-й мировой войны служил вместе с Богдановым. С 1923 г. занимался проблемой «физиологического коллективизма», так же, как и Богданов, ставил опыты на себе. В 1926 г. — заместитель директора Института переливания крови, а в 1927 г. — снят с этой должности (обстоятельства его смещения — см.: РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.41). В 1926 г. он «обменялся» кровью с 17-летним сыном Богданова (сообщено А.А.Малиновским). Примечательно, что Малолетков назван среди тех, кому Богданов выразил благодарность «за помощь в работе и критические замечания» в монографии «Борьба за жизнеспособность» (с.3).

После смерти Богданова Малолетков, подозревая отравление, потребовал вместе с другими сотрудниками Института провести расследование (сообщено В.Н.Ягодинским в выступлении на международной конференции 1989 г. «А.А.Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель»).

6. В соответствии со ст.134 УПК РСФСР допрашивать подозреваемого или обвиняемого надлежало «не позже как через 24 часа по его явке или приходе или по получении сведений о его задержании». Однако ст. 145 УПК гласит: «В исключительных случаях меры пресечения могут быть приняты в отношении подозреваемых лиц и до предъявления им обвинения. В этом случае предъявление обвинения должно иметь место не позднее 14 суток со дня принятия меры пресечения». У чекистов не было необходимости нарушать советские процессуальные нормы, хотя пятидневное заключение в условиях, описанных Богдановым, можно рассматривать и как форму «психологического давления». Кстати, обычно не свойственное ОГПУ стремление действовать в пределах УПК, избегаая хотя бы очевидных нарушений, — косвенное свидетельство подготовки к публичному процессу.

7. В этой петербургской тюрьме Богданова содержали с декабря 1905 по май 1906 г. Арестовали его в Петербурге, где он представлял большевистский ЦК в Совете рабочих депутатов, одним из руководителей которого был Троцкий — тогда меньшевик.

8. Мясников Григорий Иванович (1889-1946) — большевик с 1906 г., один из организаторов расстрела родственников Николая II. В 1922 г. исключен из партии за критику в адрес Политбюро. Был обвинен во фракционной деятельности, эмигрировал. Считается основателем «Рабочей группы». Иронизируя, Богданов намекает на «ответственность» Ленина за критические выступления Мясникова, отвергавшего НЭП с позиций, некогда бывших ленинскими. Официальную версию истории «Рабочей группы» см. в книге Е.М.Ярославского, указанной в примеч. 28 к вступительной статье, а также: Сорин В. «Рабочая

группа»: («Мясниковщина») / Предисл. Н.И.Бухарина. М., 1924.

9. В 1905 г. Троцкий, Ф.И.Дан, А.С.Мартынов были сотрудниками газеты «Начало», пропагандировавшей лево-радикальную линию петербургского Совета рабочих депутатов. Это существенно противоречило традиционному «реформизму» меньшевиков, хотя именно меньшевики и определяли «максималистскую» (по мнению Богданова) позицию «Начала», близкую к большевистской. Примечательно, что редактируемая Богдановым петербургская большевистская газета «Новая жизнь» с точки зрения популярности уступала «Началу», о чем не без удовольствия вспоминал позже Троцкий (Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т.1. С.204). Казалось бы, арестант делает комплимент Троцкому, указывая, что тот действовал как большевик, даже будучи меньшевиком, но на самом деле Богданов просто высмеивает своих официальных критиков, которые в партийной печати называли его меньшевиком, противопоставляя Троцкому.

10. Вероятно, имеется в виду группа, занимавшаяся проблемами «культурного строительства» пролетариата, которая сложилась в кругах, близких к Социалистической академии. В 1924 г. издавался журнал «Октябрь мысли» — орган «Общества культурной смычки» и Общества по изучению культуры современности «Октябрь мысли» (№№1-6), названный Л.Л.Авербахом «откровенно ревизионистским журнальчиком» (Октябрь. 1925. №9. С.138).

11. Имеется в виду Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова, где преподавал Богданов. Есть свидетельства, что «в Свердловском университете Богданов руководил кружком своих сторонников» (Гониман С.Л. Теория общества и теория классов Богданова // Под знаменем марксизма. 1929. №12. С.27).

12. Громан Владимир Густавович (1874-1932?) и Базаров Владимир Александрович (1874-1939) — социал-демократы, как и Богданов отошедшие от политики. В 1920-е гг. — известные ученые-экономисты. В 1926 г. предложили метод планирования и оценки государственной экономики, основанный на «тектологических» принципах, который был признан антимарксистским. Сталин в 1929 г. на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов указывал: «Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода» (Соч. М., 1952. Т.12. С.171-172).

13. Богданов полагал, что «русская медицина всего теснее связана с немецкой», однако «в деле переливания крови Германия отстала от более западных стран: развивать эту операцию в нынешнем веке начали американцы, а широкое распространение она впервые получила с 1916 года, благодаря затратному методу на фронте Антанты». В связи с

этим, указывал Богданов, «немцы заняли по отношению к цитратному методу отрицательную позицию, а со стороны их русских учеников уже имеются попытки с истинно-русским усердием прямо опорочить его, не входя в изучение вопроса. Между тем, именно для России, с ее слабой техникой, этот способ, пока что, прямо незаменим» (Борьба за жизнеспособность. М., 1927. С.109). Литературу вопроса, использованную Богдановым, см.: Там же. С.105-109.

14. Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870-1928) — в 1890-х гг. с Богдановым и Базаровым организовывал марксистские кружки в Туле, с 1904 г. — большевик, один из лидеров фракции, первый нарком финансов, член ЦРК и т.п. В соавторстве с Богдановым написал «Курс политической экономии» (1910-1919 гг.), перевел труды К.Маркса.

15. «Под знаменем марксизма» — ежемесячный философский и общественно-экономический журнал, выходивший в 1922-1944 гг.

16. Дволайцкий Шолом Моисеевич (1893-1937) — экономист, член Президиума Социалистической Академии, преподавал в Коммунистическом университете. Участвовал в подготовке переиздания богдановского «Краткого курса экономической науки», выпущенного в 1920 г. Его замечание, переданное Богдановым, не просто шутка: основное содержание журнала «Под знаменем марксизма» — околонучная полемика, причем в значительной мере это полемика с Богдановым (см., напр.: Grille D. Lenins Rivale: Bogdanov und seine Philosophie. Koln, 1966. S.233-236). Аргументы сокрушителей «богдановщины» сводились, обычно, к тому, что Богданов «давно является оппортунистом теоретически и ренегатом политически, его роль в рабочем движении давно сыграна, и лично он никакого отношения к рабочему классу не имеет» (Под знаменем марксизма. 1923. №8/9. С.285).

17. Судя по этой фразе, Дзержинский грубо и весьма тенденциозно искажает воззрения Богданова на характер революционного процесса, сформулированные в статьях 1917-1918 гг. Характеризуя государственный строй, складывавшийся сразу после Октябрьского переворота, Богданов писал: «Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению; но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз — военный потребительный коммунизм» (Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С.342). Для Богданова военный коммунизм — форма принудительно-централизованного управления, возникшая в капиталистических странах, благодаря специфическим условиям мировой войны, в России же ее база — отнюдь не «передовой капитализм», а власть радикалов-ленинцев, или «максималистов», как называл их Богданов.

18. Дзержинский имел в виду высылку, что, кстати, не выходило за рамки закона. Ст. 49 УК РСФСР гласила: «Лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной

средой социально-опасными, могут быть лишены по приговору суда прав пребывания в определенных местностях на срок не свыше 3-х лет». С точки зрения чисто формальной, эту статью, входившую в Общую часть УК, суд мог применить лишь при вынесении приговора за правонарушения, предусмотренные соответствующими статьями Специальной части УК, но на практике вопрос о высылке решался «компетентными органами» внесудебно, поскольку формулировка «связь с преступной средой» в законодательстве не раскрывалась, а значит, рассмотрение суда не подлежало. Дабы еще более облегчить юридическое оформление этой процедуры, ВЦИК принял 10 августа 1922 г. декрет, разрешающий НКВД для «лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям», в тех случаях, «когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке» (СУиР. №51. Стлб.646). «В дополнение и развитие» ВЦИК 16 октября 1922 г. предоставил специальной комиссии, созданной при НКВД, «право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки» пресловутых «социально-опасных», т.е. в первую очередь — «деятелей антисоветских политических партий», равным образом и тех, кого сочли бы способствующими деятельности таких партий (СУиР. №77. Стлб.969).

19. См.: РЦХИДНИ, ф.259, оп.1, ед.хр.32.

20. Доклады со сходными названиями Богданов читал довольно часто. Не исключено, что речь идет о тезисах, упомянутых Я.А.Яковлевым (Правда. 1923. 4 января). Показательно, что после смерти Ленина, когда в полемике с воззрениями Троцкого на искусство партийные публицисты вновь сочли актуальными концепции Богданова, был издан сборник его работ (О пролетарской культуре. М.; Л., 1924) — в 1922 г. о том и речи быть не могло.

21. Имеется в виду гл. «Военный коммунизм трудовых классов», см.: Начальный курс политической экономии: Введение в политическую экономию в вопросах и ответах. М.; Пг., 1923. С.122-125.

22. Смидович Петр Гермогенович (1874-1935) — партийный функционер, в 1918 г. — председатель Моссовета, занимал ответственные посты в армии, хозяйственном аппарате и т.п. Друг и соученик Богданова и Базарова по тульской гимназии. Будучи с 1920 г. членом Президиума ЦИК, он имел возможность обратиться непосредственно к секретарю Президиума А.С.Енукидзе. Троцкий, относившийся к Енукидзе без особой симпатии, указывает все же, что тот охотно выступал в роли ходатая, особенно если речь шла о представителях большевистской «старой гвардии» (Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С.233-242). Не исключено, что непричастность Богданова к оппозиции вызвала сомнение даже у друзей и защитников. По воспоминаниям А.А.Малиновского, Смидович, когда его в первый раз попросили заступиться за старого това-

рица, ответил: «Не могу поручиться за невиновность Александра — он такой конспиратор, что у него ничего не поймешь» (сообщено А.Б.Рогачевским). С другой стороны, именно эта репутация Богданова может косвенно свидетельствовать о том, что ОГПУ сработало топорно: маловероятно, чтобы столь опытный конспиратор так небрежно хранил уличающие его документы.

23. Ст. 161 УПК гласит: «Принятая в отношении обвиняемого мера пресечения отменяется или изме-

няется, когда отпадает необходимость в мерах пресечения вообще или меры пресечения, ранее избранной». Соответственно любая проволочка с освобождением не противоречила тогдашнему законодательству.

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания М.П.Одесского и Д.М.Фельдмана.

Б.Янгфельдт

«Крикогубый Заратустра» Предварительные заметки о влиянии Ницше на молодого Маяковского

[Маяковский] или погибнет, как Ницше, или закричит «осанна», как Достоевский, — этот вдохновенно косноязычный поэт русской революции, ее пророк и паяц, <...> вместе с нею неустанно творящий ее крестный путь <...>.

Н.Устрялов
1920

Характеризуя духовную атмосферу в России на рубеже столетий, Д.С.Святополк-Мирский отмечал, что «влияние Ницше и французского и английского эстетизма сливалось с влиянием Ницше и Достоевского»¹. Вопрос о влияниях в русской культуре начала века достаточно сложен. Однако, всякий раз, когда упоминаются вместе Маяковский и Ницше — и особенно «Заратустра» — в сознании современников Маяковского естественно возникало имя Достоевского. Эта генеалогическая связь была очевидна, например, для Николая Устрялова, философа и религиозного мыслителя, утверждавшего, что Маяковский «несомненно может сказать о себе словами известного героя Достоевского — “меня всю жизнь Бог мучил”. <...> он — типичный герой Достоевского»².

Как известно, Ницше, в свою очередь, был большим поклонником творчества Достоевского. Перед нами, таким образом, три писателя схожего духовного кроя: все они, по словам Устрялова, — «религиозные натуры», все они ставят и пытаются решить «проклятые вопросы» о Человеке, Боге, Бытии, Времени. Что касается отношения Маяковского к Ницше и Достоевскому, мы имеем дело с отождествлением с идеями, характерными для этих двух метафизического склада писателей и их главных героев. Полностью соглашаясь с устряловским определением Маяковского как «типичного героя Достоевского», можно добавить, что он в высшей степени является и «героем Ницше» и «типом

Заратустры»³. «Для Ницше существовал лишь один вопрос: “Господи, отчего ты покинул меня?”» — пишет Л.Шестов⁴. Если аналогичным образом свести к единой формуле суть духовных исканий Маяковского, шестовское определение «нищевского вопроса» будет весьма уместным.

В 1910-е гг. имя Ницше было у всех на устах и употреблялось к месту и не к месту; любопытно, что несмотря на это, футуризм, и в особенности Маяковский, часто рассматривались современной критикой именно как нищевские явления⁵. «Футуристы — наследники и продолжатели Ницше», — писал критик А.Закржевский⁶, и Генрих Тастевен отмечал, что «в сущности антиисторическое настроение футуризма было выражено Ницше в его этюде “О пользе и вреде истории для жизни”, в котором можно видеть в зародыше некоторые идеи футуризма»⁷. И А.Крученых в книге «Стихи В.Маяковского» писал, что «безумие нас не коснется хотя, как имитаторы безумия, мы перешеголяем и Достоевского и Ницше!»⁸.

Стремление отождествить Маяковского и Ницше было особенно заметным в годы гражданской войны, в частности у таких философствующих критиков, как Р.Иванов-Разумник, Н.Устрялов и Н.Чужак: «Маяковский — это “крикогубый Заратустра” сегодняшнего дня, но настолько обезумевший от боли, что сам безумный Ницше перед ним кажется слишком уравновешенным и “литературным”»⁹. Отсылая к тем же самым строкам из «Облака в штанах», Устрялов, в статье «Религия Революции», отмечает, что поэт «впрямь во многом напоминает <...> певца сверхчеловека с его орлом и змеей, тоже воспевавшего солнце и разбивавшего старые скрижали. Как и Ницше, Маяковский — религиозная натура, убившая Бога»¹⁰. Иванов-Разумник, теоретик «скифства», вопрошает, ссылаясь на поэму «Человек»:

«<...> что-же видит он в *этом человеке?* Кто он? “Ангел” ли Гердера? Сверхчеловек ли Ницше? Или просто “blonda bestia” опошленного ницшеанства?» И заключает, что «футуризм с самого начала склонен был восторгаться идеалом “blondae bestiae”, восхищаться собою, как его предтечей, провозвестником, апостолом»¹¹. Владимир Силлов (впоследствии лефовский критик и одна из первых жертв большевистского варианта ницшеанства) в 1921 г. напечатал статью под названием «Революция Духа» с подзаголовком «Ницше и Маяковский», где утверждает, что Маяковский — «Исполнение проповеди Ницше»¹². И когда Маяковский в 1925 г. посетил Америку, газета «Нью-Йорк Таймс» писала о нем как о поклоннике философии Ницше¹³.

На самом деле можно говорить об определенном духовном родстве между немецким философом и русским поэтом. Прежде всего, Маяковский отождествлял себя с Заратустрой как олицетворением того, что Андрей Белый называл в своей статье о Ницше «трагическим индивидуализмом»¹⁴. Белый, в частности, пишет: «Теоретическая философия определяет “Я” из противоположения его в “Не Я”. Здесь “Я” превращается в субъект, а “Не Я” — в объект»¹⁵.

В своем анализе бинарного характера поэтического мира Маяковского Роман Якобсон, почти дословно повторяя слова Белого, отмечает, что «точным соответствием этой вражды была бы антиномия “я” и “не я»»¹⁶. Развивая свою мысль, Якобсон (в другой статье) говорит о Маяковском, как о «метафорическом поэте» (в отличие от «метонимического» Пастернака): «Лирический импульс <...> задается “я” (“мной”) поэта. В метафорической поэзии образы внешнего мира должны резонировать этому первоначальному импульсу <...>. Метафора устанавливает продуктивную ассоциацию путем аналогии или контраста. Лирический герой видит себя в противостоянии антагонисту, смертельному врагу — образу многогранному, как все, чем занят метафорический лиризм»¹⁷. Это «я» принимает различные формы: поэт — Пророк, проповедник новых истин, Тринадцатый апостол, оставленный карающим Богом; он же козел отпущения, мученик и искупитель; но одновременно он — бунтарь и пария; и он — Заратустра, ставящий свою Трагедию на базарной площади современного города.

«“Я” Маяковского символизирует не только поэта», говорит Л.Стальбергер, «но

и мученика — козла отпущения, который <...> жертвует собой для всех людей. <...> Человек <...> — создание, являющееся одновременно создателем, конечное, являющееся потенциально бесконечным, животное, являющееся частично божественным»¹⁸. Человек, осознающий этот парадокс, а также то, что страдание есть часть создания, может реагировать по-разному, и Стальбергер намекает на то, что реакция Маяковского, подобно реакции Ницше, была скорее «героическим противоборством» — которое, «хотя и может начаться, как нигилизм, но превзойдет его в попытке создать “новые ценности” и новый миф или новую веру»¹⁹. Другими словами, «мое я есть нечто, что должно превозмочь» (перевод Изразцова) — фраза, повторенная Маяковским в «Облаке»: «И чувствую — “я” для меня мало». (И Ницше, и Маяковский выделяют слово Я курсивом или кавычками). Есть, как мы видим, несомненное сходство между поэтическим «я» Маяковского и Заратустрой; то же самое можно сказать о мишенях духовной борьбы Маяковского, о символах и воплощениях «не-Я».

Трагическое по сути своей мироощущение Маяковского было точно отмечено Пастернаком по поводу «Владимир Маяковский», пьесы, носящей имя самого поэта: «Трагедия называлась “Владимир Маяковский”. Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания»²⁰.

Отвечая незадолго до премьеры трагедии «Владимир Маяковский» в декабре 1913 г. на вопрос, почему пьеса носит имя самого автора, Маяковский сказал: «Так будет называть себя тот поэт в пьесе, который обречен страдать за всех»²¹. Образ поэта как «козла отпущения» и «искупителя» — возможно, самый мощный и последовательный в творчестве Маяковского. Поэт, один, часто презираемый и оставленный толпой, должен страдать за всех и готов нести бремя других именно потому что он — поэт (ср. слова «Старика с одной ошипанной кошкой» в трагедии: «Ты один умешь петь»).

Л.Шестов в своей книге о Достоевском и Ницше пишет, что «людям трагедии, “оставленным”, приходится вести двоякую борьбу: и с “необходимостью”, и со своими ближними, которые еще могут приспособляться и потому, не ведая, что творят, держат сторону самого страшного врага

человечества»²². Это и есть Маяковский: одинокий «я», борющийся с врагом человека, чьи имена легион — «необходимость», «мещанство», «быт» — «мой неодолимый враг», «Повелитель Всего», как его называет поэт. Чувство одиночества у поэта — воистину космических размеров: «Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека!» («Несколько слов обо мне самом», 19:3).

Пьеса «Владимир Маяковский», однако, не единственная «трагедия» в творчестве Маяковского: напомним, что первоначальное название «Облака в штанах» — «Тринадцатый апостол», с подзаголовком «Трагедия». Еще до того, как поэма вышла отдельной книгой, Маяковский дважды печатал выдержки из нее, называя их «фрагментами трагедии» и «второй трагедией Маяковского», таким образом устанавливая прямую связь с пьесой. Следовательно, оба названия были воплощениями его поэтического «я»: «В. Маяковский» и «Тринадцатый апостол»²³.

После канонизации Маяковского в СССР имена Достоевского и Ницше практически не упоминались в связи с его творчеством. В 1966 г. Л.Ю.Брик указала на очевидные отголоски Достоевского в творчестве Маяковского, но это ее «предложение исследователям» не могло найти отклика среди ученых²⁴.

Что касается Ницше, ситуация еще хуже. В.Перцов в своем трехтомнике²⁵ упоминает имя Ницше только в сочетании с определенными эпитетами, такими как «философ человеконенавистничества», «апостол декаданса», «идеолог мещанства» и «философский лакей капитализма»²⁶. Сопоставляя цитаты, явно свидетельствующие о влиянии Ницше на Маяковского, Перцов тем не менее называет поэта «антиницшеанцем»²⁷. С другой стороны, Н.И.Харджиев утверждает, что «вопрос о воздействии Ницше <...> на раннего Маяковского может стать темой специального исследования», с оговоркой, правда, что речь идет о влиянии Ницше «как поэта», не как мыслителя²⁸.

Перцов, однако, несмотря на шоры, мешающие ему видеть очевидное, снабжает нас одним бесценным сведением: «Книгу Ницше <т.е. "Заратустру"> он хорошо знал. Она сохранилась среди книг, принадлежавших поэту, у старшей сестры его Людмилы Владимировны»²⁹. Неясно, сохранились ли на этой книге подчеркивания, пометы и т.п., или Перцов просто исходит из того, что раз книга имелась в

библиотеке поэта, поэт обязательно и читал ее.

Однако и без этого ясно, что Маяковский читал «Заратустру»; его собственное творчество слишком часто отсылает к Ницше, чтобы можно было в этом сомневаться. Маяковский отождествляет себя с Заратустрой дважды — в «Облаке в штанах» (1915) —

Проповедует,
мечась и стенья,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!

и в статье «О разных Маяковских» (в том же году), где, ссылаясь на «Облако», он спрашивает: «Разве он не только для того позволяет назвать себя Заратустрой, чтоб непреложнее были слова, возвеличивающие человека?» (1, 346³⁰). Мы знаем, что Ницше входил в круг чтения О. и Л.Бриков³¹, но ко времени знакомства с ними (в июле 1915 г.) Маяковский уже закончил «Облако в штанах». Дискуссии с Бриками о Ницше могли бы иметь значение для поэмы «Флейта-позвоночник», над которой поэт работал осенью 1915 г. В этой поэме есть несколько весьма «ницшеанских» фрагментов (см. ниже), показывающих, что Маяковский в это время уже «хорошо знал» «Заратустру». Если существует во «Флейте-позвоночнике» «ницшеанский подтекст», связанный с Л.Ю.Брик, это скорее всего мучительная любовь к ней, породившая ноты «ницшеанской» трагедии в поэме.

Неизвестно, когда Маяковский впервые прочел «Заратустру» (или в чьем переводе, Антоновского или Изразцова³²), но можно предположить, что это было не позднее 1913 г., когда появляются первые отголоски Ницше в его творчестве. Неизвестно, читал ли Маяковский другие работы Ницше, впрочем, идеи, изложенные в «Рождении трагедии», могли быть ему знакомы. Возможно, он узнал о Ницше через вторичные источники, например, эссе А.Белого «Фридрих Ницше», в котором нетрудно найти формулировки, близкие Маяковскому.

Следы Ницше можно также найти в стихотворении «Несколько слов обо мне самом» (1913), где поэт беседует с солнцем, отождествляя его с Богом-Отцом. Подобная беседа ведется и в стихотворении «Кофта фата» (1914) и в более поздних вещах. Принято считать, что солнце служит здесь архетипической метафорой неизменной Природы, символом самого Создания, «регулятором <...> упорядоченного потока дней»³³, но я предлагаю рассмот-

реть многочисленные разговоры поэта с солнцем и в свете обращений Заратустры к светилу.

Тот факт, что Маяковский действительно читал «Заратустру», значительно облегчает нам задачу. Но говоря о влиянии, стоит задать себе вопрос, каким читателем был Маяковский. В отличие от символистов или акмеистов, он не был «ученым поэтом»; похоже, что он читал немного, не систематически, и в выборе книг во многом зависел от других³⁴. «Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги» (1, 20). Позже эту роль играл О.М.Брик³⁵.

Случай, рассказанный Р.О.Яacobсоном, свидетельствует о том, как Маяковский использовал источники: весной 1920 г., по возвращении Яacobсона из Ревеля, Маяковский «заставил меня повторить несколько раз мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг нее в то время дискуссии. Освобождение энергии, проблематика времени, вопрос о том, не является ли скорость, обгоняющая световой луч, обратным движением во времени — все это захватывало М-го. Я редко видел его таким внимательным и увлеченным. <...> Вскоре он рассказывал, что готовит поэму — Четвертый Интернационал (потом она была переименована в Пятый), и что там обо всем этом будет»³⁶. Маяковский не был систематическим читателем, подобно всем поэтам он использовал прочитанное для собственных целей (ср.: «Иногда книга помогает мне, иногда я — книге». — 13, 195). Не следует поэтому искать у Маяковского хорошо аргументированное, последовательное отношение к философии Ницше (или же полемику с ней); речь идет о влиянии более общего характера, а также о чисто словесных и образных параллелях. Маяковский впервые прочел Ницше когда ему было двадцать лет, к этому времени он писал стихи всего два года и только годом раньше напечатал свои первые стихотворения. Он был более открыт для непосредственного влияния, нежели поэты с уже сформировавшимся мировоззрением.

* * *

Вопрос о «трагедийности» поэзии Маяковского важен не только потому, что Ницше — автор «Рождения трагедии» (которое, возможно, Маяковский никогда не читал), а потому, что главные «ницшеанские» темы в творчестве Маяковского намечены впервые в трагедии «Владимир Маяковский» (1913).

Для поэта, занятого основными экзистенциальными вопросами, многие их этих тем — естественный реквизит. Но обработка их и текстуальные совпадения свидетельствуют о прямом влиянии Ницше, и в первую очередь «Заратустры».

Заратустра зовет людей любить «страну детей» (3, 178³⁷): «Настоящее и прошлое на земле — ах! друзья мои, это и есть самое невыносимое для меня; и я не мог бы жить, если б не был я провидцем того, что должно придти. <...> Я хожу среди людей, как среди обломков будущего: того будущего, что вижу я» (3, 120); «Последователей ищет созидающий, а не трупов, а также не стад и не правоверных. Созидающих так же, как он, созидающий, ищет тех, кто пишут новые ценности на новых скрижалях» (3, 15). И предчувствуя рождение нового человека, он спрашивает: «И кто же он, кто некогда должен прийти?!» (3, 138).

Тема будущего заложена в самом слове *футуризм*; и в случае с Маяковским она не только лозунг, но и суть его творчества: только будущее может освободить человека от цепей быта, от пошлости, от обыденщины; персонаж «В.Маяковский» в трагедии несет свою душу «к обеду идущих лет» (Т, 1-6), и в «Облаке в штанах» поэт восклицает:

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрзанный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Цитата — из конца второй, самой «ницшеанской» части поэмы, где тема будущего переплетается с темой презрения к ценностям прошлого и настоящего и борьбы с ними. Это здесь поэт говорит о себе как о «крикогубом Заратустре», и здесь же мы найдем знаменитый возглас:

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihil»
(О, 211-212)

— строки, звучащие эхом «Заратустры»: «Разучилась я вере в слова, ценности и великие имена» (3, 242) говорит тень Заратустры и заключает: «Перемена ценностей — это перемена созидающих. Постоянно уничтожает тот, кто должен быть созидателем» (3, 47).

В этой же части поэт сравнивает себя со Златоустом:

Я,
 златоустейший,
 чье каждое слово
 душу новородит,
 именнит тело <...>
 (О, 296-300).

Возможно, это просто дань русской православной традиции, но вероятнее — отголосок слов Заратустры: «я люблю того, кто бросает золотые слова впереди своих дел <...>, кто оправдывает людей будущего» (З, 8).

Другой важнейшей темой является богоборчество (теснейшим образом связанное с темой богохульства). Вопрос о богоборчестве Маяковского уже подробно обсуждался³⁸ и здесь не будет анализироваться. «Весть Заратустры о том, что Бог умер, глубоко заложена в раннем творчестве Маяковского», заключает Э. Браун³⁹. Не подлежит сомнению, что из всех «вестей» Ницше именно эта была особенно близка Маяковскому. Бог Заратустры — суров, несправедлив, карающ. Настоящим верующим является, на самом деле, богохульствующий поэт-бунтарь: «О, Заратустра, ты благочестивее, чем ты думаешь, при таком безверии! <...> разве не само твое благочестие не дозволяет тебе более верить в Бога?» (З, 231-232). Бог Маяковского также неизменно связан с «жестоким расправой», «наказанием», «громом», «судом», «инквизицией». Раннее творчество Маяковского — один длинный монолог, обращенный к Богу: поэт говорит с Ним, охотится за Ним, навещает Его в небесах, угрожает Ему.

Иногда текстуальные параллели между Ницше и Маяковским поразительны. Чародей в «Заратустре» обращается к Богу с презрительными словами, называя Его «бесстыдным вором» (З, 223). Это обвинение имеет точную параллель в эпилоге трагедии, где «В. Маяковский», сомневаясь, как св. Фома, восклицает: «Это я / попал пальцем в небо, / доказал: / он вор!» (Т, 172).

Одновременно Маяковского, подобно другому пророку, презирают современники: «Видишь — опять / голгофнику оплеванному / предпочитают Варавву?» (О, 503-505). Маяковский — Христос, Тринадцатый апостол, проповедник новых истин, так как Бог — представитель старой веры. В «Заратустре» вводится тема распятия как естественное развитие метафоры: «Добрые⁴⁰ д о л ж н ы быть фари-сеями», говорит Заратустра, «д о л ж н ы распинать того, кто находит себе свою собственную добродетель! <...> кто

разбивает скрижали и старые ценности, <...> кто пишет новые ценности на новых скрижалях, <...> они распинают все человеческое будущее!» (З, 187; разрядка Ницше). В «Облаке в штанах», та часть, в начале которой Маяковский говорит о себе как о «крикогубом Заратустре», развивается в образ, где пророка (= Маяковского = Заратустру сегодняшнего дня) распинают:

Это взвело на Голгофы аудиторий
 Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
 и не было ни одного,
 который
 не кричал бы:
 «Распни,
 распни его!»
 <...>
 на каждой капле слезовой течи
 распял себя на кресте
 (О, 329-335, 354-355).

Самый очевидным примером влияния «Заратустры» на поэзию Маяковского можно считать текстуальную параллель между упомянутой выше «жалобой Чародея» и монологами поэта во «Флейте-позвончичке», «Облаке в штанах» и «Человеке». Чародей обращается к Богу «злорадному, незнакомому», «ревному», «бесстыдному», «вору» и «грабителю» — «необоримому врагу», «мучающему» Чародея, который называет себя «пленником». О степени зависимости Маяковского от монолога Чародея свидетельствуют следующие примеры:

И так лежу я, извиваясь,
 согнувшись, мучаясь, постигнутый всеми
 мучениями, что на меня наслал ты,
 безжалостный охотник,
 неведомый мне Бог!
 (З, 223)

Если правда, что есть ты,
 боже,
 боже мой,
 если звезд ковер тобою выткан,
 если этой боли,
 ежедневно множимой,
 тобой ниспослана, господи, пытка,
 судейскую цепь надень.
 Жди моего визита.
 (Ф, 69-77).

В «Заратустре» Бог не хочет убивать, а хочет только мучить человека, разбить ему сердце:

Рази же глубже,
 еще раз попади в меня и сердце
 разбей и проколи!
 <...>
 Да, убивать не хочешь ты,
 а только мучить, мучить хочешь!
 (З, 223).

На первую часть цитаты Маяковский отвечает в последней части «Облака в штанах»:

Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
<...>
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!
(О, 701-703; 707-708)

А вторая часть цитаты имеет своей параллелью следующие строки:

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова,
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!
(О, 693-698)

В четвертой строфе, Чародей говорит о себе как о «пленнике»:

Я пленник гордый твой,
за облаками скрывшийся разбойник!
Скажи же, наконец, чего,
чего, грабитель, от меня ты хочешь?

Как? Выкупа?

Ср. монолог в «Человеке»:

Я в плену.
Нет мне выкупа!
<...>
Их тот же лысый
невидимый водит,
главный танцмейстер земного канкана.
То в виде идеи,
то черта вроде,
то богом сияет, за облако канув.
(Ч, 193, 732-737)

Возможно, влиянием Ницше можно объяснить и тему «танца», постоянно сопряженную в творчестве Маяковского с религиозными метафорами. «Я бы поверил только в такого бога, который умел бы танцевать» (З, 31) — говорит Заратустра, чье имя значит «звездный танцор». В «Облаке в штанах» танцует Саломея; «выпляшет до конца / количества лет» поэта; и «вина такие расставим по столу, / чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу / Хмурому Петру-Апостолу» (О, 656-657, 673-675). И «тот же лысый / невидимый» в «Человеке», как мы видели раньше — «главный танцмейстер земного канкана».

В формулировке «обезумевший бог» кричащий о «жестокой расправе» Маяковский комбинирует тему несправедливого и карающего Бога с темой «безумия». «Безумный», «безумие», «обезумевший»; «сумасшедший», «сумасшествие» — центральные эпитеты в ранней поэзии Маяковского. «Безумие» является и одной из главных характеристик сверхчеловека, ко-

торый «сознал безумие свое» (З, 241). Обращаясь к народу на базарной площади, Заратустра даже утверждает, что он *есть* безумие: «Где то безумие, что надо бы привить вам? Смотрите, я учу вас о сверх-человеке: он — эта молния, он — это безумие!» (З, 7). «Безумие», таким образом, характерный признак пророка, синоним молодости, любви, свободной воли («Безумством и освобождает себя и плененная воля». — З, 121)), творчества — и антоним Бога: «Лучше совсем без Бога, лучше самому быть Богом!» (З, 231). Кроме того, «безумие» нужно для того, чтобы превзойти человека и текущее существование, быт: «Нравственно все распределено по праву и наказанию. Ах, где же избавление от потока вещей и от наказания “существованием”? Так проповедовало безумие» (З, 121-122).

Эти слова могли бы быть произнесены Маяковским, живущем в мире, «завоеванном» «вещами», где «сумасшествие» — атрибут поэта и бунтаря. Футурист Маяковский — «сумасшедший» («Ничего не понимают», 1914), «В. Маяковский» в трагедии «обвенчается» своим «безумием» (Т, 76), и героя «Облака в штанах» преследует «мысль о сумасшедших домах» (О, 375), после чего тема «сумасшествия» первой части поэмы разрешается окончательно: «Уже сумасшествие!» (О, 483). Тема эта встречается во многих произведениях Маяковского и возвращается в последней части «Человека», где поэт опять сходит с ума, открыто отсылая к «Облаку в штанах»: «Да здравствует / — снова! — / мое сумасшествие!» (Ч, 828). Можно было бы привести еще множество примеров.

Тема «вечного возвращения» обсуждалась учеными⁴¹ в связи с поэмой «Человек», где в двух последних главах («Возвращение Маяковского» и «Маяковский векам») поэт возвращается на землю после долгого пребывания в небе, с разочарованием обнаруживая, что жизнь не изменилась, что быт и пошлость по-прежнему царят. Но у Ницше речь идет о «вечном возвращении» одних и тех же событий; его идея была на самом деле выражением жизнеутверждения. Доктрина Ницше была бы неприемлемой для Маяковского. Несмотря на это, Стальбергер считает, что «в этом мифе о возвращении с повторением прошлых событий соблазнительно рассмотреть поэтическое варьирование концепции Ницше о “вечном возвращении”»⁴².

На самом деле, различия очевидны: возвращение или воскрешение Маяковского должны произойти в трансформированной вселенной, а не в копии старой. Но Маяковский мог использовать сам «прием» возвращения героя на землю после стольких-то лет с целью понять, что произошло с человеком в его отсутствие; подобно Заратустре, который спустился со своей горы, потому что он «хотел знать, что случилось с человеком в отсутствие его: стал ли он более великим, или меньше прежнего» (З, 145). Так же как в «Заратустре», где дома (гостиные и спальни) — символы неизменяющейся действительности, Маяковский посещает дом, где жила его любимая. Но в спальне он находит чужую пару, инженера Николаева и его голую жену. Там, где раньше царила любовь (eros) и поэзия, теперь царят посредственность и обыкновенная плотская любовь (libido) — недаром подчеркивается профессия мужа; тот факт, что жена «голая», разумеется, тоже не случаен. Мир не просто остался прежним, но стал еще более пошлым. Можно предположить, что реакция Маяковского не слишком отличалась от ответа Заратустры на вопрос, поставленный в начале главы: «Все измелъчало!». Заратустра вздыхает и устремляет взор в даль, а Маяковский, сходящий с ума от любви и боли, убегает в «века», на костер своей «немыслимой любви».

* * *

В заключение хотелось бы указать на несколько поразительных образных параллелей. Само место действия пьесы, городская площадь, явно напоминает «базарную площадь» в «Заратустре». Первое действие описано, как «Праздник нищих». Тема толпы и восстания нищих, играющая столь важную роль в «Заратустре» (гл. «Об избавлении»; «Добровольный нищий»), звучит и в трагедии «Владимир Маяковский» и в «Облаке в штанах» — так же как книга Ницше, пьеса основана на антагонизме поэта-пророка и толпы. Антипод толпы, герой пьесы поэт «В. Маяковский», говорит о себе как о «последнем поэте» (ср. слова Заратустры о «последнем человеке») и выражается «словами, простыми, как мычание» (ср. в «Заратустре»: «<...> м о и слова — слова грубые, презрительные и простые». — З. 1(5)).

Близко связана с темой нищих — тема «калек». Гротескные фигуры трагедии — люди без ушей, голов, ног, глаз, «с двумя поцелуями» и т. д. — взяты из главы «Об

избавлении»: «Одному недостает глаза, другому — уха, третьему — ноги; но есть и такие, что утратили язык, или нос, или голову <...> люди, которые не что иное, как один большой глаз, или один большой рот, или одно большое ухо, или вообще одно что-нибудь большое — калекми наизнанку называю я их» (З, 119)⁴³. Развивая тему «плевка» и «плевать» (гл. «О прохождении мимо») и скрещивая ее с темой «калек», Маяковский создает образ максимальной гротескной силы: «плевки вырастают в огромных калек».

В поэзии Маяковского можно найти немало образов, восходящих прямо к «Заратустре». Так, Заратустра говорит о человеке как о канатном плясуне: «Человек — это канат, натянутый между животным и сверх-человеком, — канат над пропастью» (З, 5) «<...> канатный плясун <...> пошел по канату, протянутому между двумя башнями и висевшему над базарной площадью и народом» (З, 11). У Маяковского мы находим следующий образ:

Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался на ней.
(Ф, 234-235)

Второй пример связан с темой смерти и самоубийства: «О, если бы пришли проповедники с к о р о й с м е р т и ! » (З, 59)

Два слова, «скорая» и «смерть», набранные в русском переводе в разрядку и должны были привлечь внимание даже самого поверхностного читателя. «Гнилое» в тексте Ницше становится в «Облаке в штанах» «заплесневшим», но в основном образ сохраняется:

Дай им,
заплесневшим в радости,
скорой смерти времени <...>
(О, 513-515)

* * *

В этой статье я попытался указать на некоторые из самых очевидных параллелей между творчеством Ницше и Маяковского. Вопрос о влиянии Ницше на молодого Маяковского очень важен для изучения и понимания творческой генеалогии поэта; однако эти скромные заметки являются едва ли не первой попыткой подобного исследования. Более подробный стилистический анализ может, на мой взгляд, только подтвердить тезис, что Ницше в целом, а «Заратустра» в частности, служили важными стимулами для становления Маяковского как поэта.

Примечания

В тексте статьи приняты сокращения:

З — «Так говорил Заратустра».

О — «Облако в штанах»

Ч — «Человек»

Т — Трагедия «Владимир Маяковский»

Ф — «Флейта-позвоночник»

1. Mirsky D.S. Russia. A Short Cultural History. 1942. P.273.

2. Устрялов Н. «Религия Революции» // Под знаком революции (Харбин). 1925. С.282. Перепеч. из: Окно (Харбин). 1920. №2.

3. Поэтому две пронительнейших книги о Достоевском — «Миросозерцание Достоевского» Н.Бердяева (М., 1921) с ее анализом концепции «Революции Духа» и «Достоевский и Ницше» Л.Шестова (СПб., 1903), где автор точно вскрывает анатомию трагедии, — являются и превосходными введениями к изучению духовного мира Маяковского.

4. Шестов Л. Достоевский и Ницше. С.194.

5. Так, например, футуристический возглас «С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!» (из манифеста «Пощечина общественному вкусу», 1912) несомненно воспринимался современниками как вариация «горной темы» в «Заратустре». Влияние Ницше на Маяковского и русский футуризм в целом отмечалось Кристиной Поморской: «Even a superficial glance at the Futurist ideology immediately shows the influence of or convergence with Nietzsche, especially his persistent and renowned concept of a superman in "Also sprach Zarathustra". Majakovskij's poetry in particular reflects this myth in numerous variations» (Pomorska K. Majakovskij's Cosmic Myth // Myth in Literature / Ed. by A.Kodjak, K.Pomorska, S.Rudy. Columbus, Ohio, 1985). См. также Rosenthal B.G. A New Word for a New Myth: Nietzsche and Russian Futurism // The European Foundations of Russian Modernism / Ed. by P.Barta. Lewiston, 1991.

6. Закржевский А. Рыцари безумия. Киев, 1914. С.37.

7. Тастевен Г. Футуризм. М., 1914. С.53.

8. Крученых А. Стихи В.Маяковского. [Пг.], 1914. С.13. Ср. комментарий К.Баумгарт: «Im Grunde wollten die Futuristen nur konsequenter als Nietzsche sein <...>» (Baumgarth C. Geschichte des Futurismus, Reinbeck bei Hamburg 1966. S.128).

9. Чужак Н. «Тринадцатый апостол» // Чужак Н. К диалектике искусства. Чита, 1921. С.64.

10. Цит. по: Под знаком революции. Харбин, 1925. С.283. Перепеч. из: Окно (Харбин). 1920. №2.

11. «Футуризм» и «вещь» // Книга и революция. 1921. №8/9. С.26, 27.

12. Статья была напечатана в журнале: Юнь (Владивосток). 1921. №1.

13. The New York Times. 1925. Sept. 11. Цит. по: Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. М., 1972. Т.III. С.53-54.

14. Белый А. Фридрих Ницше // Белый А. Арабески. М., 1911. С.68.

15. Там же. С.74.

16. Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris, 1975. С.14. Впервые — Berlin, 1931.

17. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С.328-329.

18. Stahlberger L. The Symbolic system of Majakovskij. The Hague, 1964. P.67.

19. Ibid. P.67.

20. Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б. Избранное. М., 1985. Т.II. С.204.

21. Цит. по: Каменский В. Жизнь с Маяковским. М., 1940. С.54.

22. Шестов Л. Достоевский и Ницше. С.229.

23. Даже Перцов признает что «для широких кругов буржуазной интеллигенции ницшевский Заратустра был своего рода «тринадцатым апостолом»» (Перцов В. Указ соч. Т.I. С.248).

24. Брик Л. Предложение исследователям // Вопросы литературы. №9. 1966. С.203-208. См. также: Shapiro-Corten I. The Influence of Dostoevskij on Majakovskij's Poem «Pro eto» // Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students. Cambridge, Mass., 1968. P.76-83.

25. Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. М., 1969-1972. Т.I-III.

26. Перцов В. Указ. соч. Т.I. С.248, 249.

27. Там же. С.249.

28. Харджиев Н. Заметки о Маяковском // Тренин В., Харджиев Н. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С.207.

29. Перцов В. Указ. соч. Т.I. С.248.

30. Все ссылки на непозитические произведения Маяковского даются в скобках в тексте (Маяковский В. Полное собрание сочинений. М., 1955-1961. Т.1-13), для поэм же указаны строки.

31. Брик Л. Из воспоминаний // С Маяковским. М., 1934. С.62-63.

32. Вопрос этот не так важен, пока обсуждается общее влияние Ницше на творчество Маяковского, но он становится центральным, когда речь пойдет о текстуальных параллелях. Я пользуюсь здесь переводом Антоновского (издания 1911 г.), т. к. Перцов цитирует этот пер. од — может быть потому, что именно эта книга сохранилась в библиотеке Маяковского, хотя исход. из этого нельзя. Эта неуверенность создает очевидную текстологическую проблему. Однако, оба переводчика сохранили переложение А.Бобрищевым-Пушкиным «Жалобы Чародея», которое имело прямое значение для построения Маяковским своих монологов, обращенных к Богу. Ссылки на «Заратустру» даются в скобках.

33. Stahlberger L. Op. cit. P.117.

34. См.: Брик Л. Маяковский и чужие стихи // Владимир Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С.328-354.

35. Там же. С.331.

36. Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов. С.20.

37. Здесь и дальше в тексте ссылки даются сокращенно в скобках на издание: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1911 (перевод Ю.М.Антоновского).

38. См., напр.: Stahlberger L. Op. cit.

39. Brown E.J. Majakovsky: Poet in the Revolution. Princeton, 1973. P.178.

40. В словаре Ницше «добрые» — синоним «бессильных», «немощных». См.: Шестов Л. Указ. соч. С.218.

41. См.: Stahlberger L. Op. cit. P.141, а также ссылки на него в книге Э.Брауна (p.162).

42. Stahlberger L. Op. cit. P.141.

43. На эту параллель указал Н.Харджиев (Указ. соч. С.207). Вяч. Вс. Иванов предполагает, что возможно влияние и Гоголя (Об одной параллели к гоголевскому Вию // Труды по знаковым системам. №5. Тарту, 1971. С.138-141). Однако, учитывая ницшеанскую «атмосферу» пьесы, влияние Гоголя приходится здесь считать вторичным.

А.В.Валуженич

О.М.Брик Материалы к библиографии

Библиографию работ Осипа Максимовича Брика я начал составлять в середине 1970-х гг. Первый ее вариант я выслал Л.Ю.Брик и В.А.Катаняну, от которых вскоре получил ответ. «Что касается О.М.Брика, — писала мне Л.Ю.Брик 13 декабря 1977 г., — то его библиография очень велика. <...> Полной библиографии у нас еще нет. <...> Пришлем и библиографию Брика, которая без конца дополняется». В другом письме (от 2 февраля 1978 г.): «Библиографию составляли разные люди, в разных странах и делились со мной своими находкам, которыми я и делюсь с Вами». Тогда же я и получил от Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна библиографию по О.М.Брику, насчитывавшую 202 позиции. Взяв эту библиографию за основу, я продолжил свою работу. В конце 1980 г. я познакомился с библиографией работ О.М.Брика, составленной Б.Янгфельдом (Стокгольм), — наиболее полной на то время (330 позиций)¹. После уточнений и дополнений мне почти на треть удалось увеличить количество позиций (притом, что мною не учитывались неопубликованные сценарии и либретто Брика, описанные Б.Янгфельдом, а некоторые позиции были исключены²).

Настоящая библиография, таким образом, описывает все известные составителю на сегодня прижизненные публикации работ О.М.Брика; большая их часть просмотрена de visu (за исключением некоторых, отмеченных звездочками). Посмертные отечественные публикации Брика, как правило, представляют собой переиздания его произведений, написанных в соавторстве с В.Маяковским, перепечатки его теоретико-литературных работ в различных хрестоматиях и антологиях, а также публикации его текстов, написанных для «Окон ТАСС» в сборниках, посвященных Великой Отечественной войне. Нами не учитывались и посмертные публикации Брика в зарубежных изданиях.

Из неразысканных работ О.М.Брика следует упомянуть прежде всего его роман «Король борцов»: Л.Ю.Брик вспоминала, что в студенческие годы

Брик с двумя товарищами написал «роман под заглавием “Король борцов”, три выпуска которого (по образцу Ната Пинкертонна, “с соответствующей картинкой на обложке”) вышли из печати, после чего дальнейшая публикация романа прекратилась»³. Очевидно, Брик и его друзья использовали псевдоним, нам не известный. Мною не разыскан и плакат о жизни и творчестве Маяковского с текстом Брика, который анонсировался в «Литературной газете» в 1936 г.⁴ Не разысканы также некоторые «Окна ТАСС» с текстами Брика времен Великой Отечественной войны. Художник Н.Денисовский писал мне 5 декабря 1978 г.: «О.М.Брик работал в Окнах ТАСС» с первого дня войны. Тексты подписывались “Литбригада”, независимо от того, кому текст принадлежал. Потом О.М.Брик уехал и возобновил работу в “Окнах ТАСС” в качестве литературного редактора». Принимая во внимание, что Брик уехал из Москвы в эвакуацию в Молотов 25 июля 1941 г., можно предположить, что среди вышедших в течение первого месяца войны «Окон ТАСС», подписанных «Литбригада», есть и часть с текстами Брика.

1. Jangfeldt B. Osip Brik: A bibliography // Russian literature. 1980. Vol. VIII. №6. P.579-604. Необходимо упомянуть и библиографию, составленную Р.Циглер (Вена): Ziegler R. Zu einer Bibliographie der Werke von O.M.Brik // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 5. Некоторый библиографический материал по Брику описан и в книге: Barooshian V.D. Brik and Mayakovsky. The Hague, 1978.

2. Таковы, например, позиции 8 (рецензия в «Летописи», подписанная «С.Б.»), 147 (описание перевода, отредактированного Бриком), 179 (неточное описание) и 300 (в указанном номере «Известий» при перепроверке статья Брика не выявлена).

3. Альманах с Маяковским. М., 1934. С.62.

4. Литературная газета. 1936. 12 февраля.

Хлеба! // Взят: Альм. — Пг., 1915. — Декабрь. — С.12-13. — Подпись: О.Б.

В связи с поэмой В.Маяковского «Облако в штанах».

[Рецензия] // Летопись. — 1916. — №9. — С.311. — Рец. на кн.: Седьмое покрывало: Сб. стихов. — Одесса, 1916. — Подпись: О.Б.

[Рецензия] // Там же. — 1916. — №10. — С.348-349. — Рец. на кн.: Миклашевский К.М. Кроважидный Турка и Волшебник Магги: Комедия в 3-х д. — Пг., 1916. — Подпись: О.Б.

[Рецензия] // Там же. — С.314. — Рец. на кн.: Аулсендер С. Сердце воина: Рассказы. — Пг., 1916.

[Рецензия] // Там же. — 1917. — №1. — С.325. — Рец. на кн.: Тимковский Н. Соч. Кн.8: Дворянская берлога. — М., [1916].

[Рецензия] // Там же. — Рец. на кн.: Окулов А. На Амыле-реке и др. рассказы. — М., 1917.

«На революцию»: (Обращение к рабочим и солдат. орг. и полит. партиям) // Русская воля. — 1917. — 28 марта. — Утр. вып. — Соавт.: Л.Бруни, В.Ермолаева, И.Зданевич, Э.Лассон-Спирова, М.Леданто, А.Лурье, Н.Любовина, В.Маяковский, В.Мейерхольд, В.Томлин, С.Толстая, В.Шкловский.

[Рецензия] // Новая жизнь. — 1917. — 7 (20) мая. — Рец. на журн.: Русская свобода. — 1917. — №1.

В Комитете по народному образованию // Там же. — 1917. — 1(14) июня. — Подпись: Б.

О проекте Закона о Государственном комитете по народному образованию и его совместной деятельности с Министерством народного просвещения.

Купля-продажа и художественные сокровища // Там же. — 1917. — 25 июня (8 июля).

По поводу статьи А.Бенуа «Закрепление художественных сокровищ» (Новая жизнь 1917. №50).

[Рецензия] // Там же. — 1917. — 13 (26) авг. — Рец. на кн.: Гирс А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. — Пг., 1917. — Подпись: О.Б.

Демократизация искусства // Летопись. — 1917. — №7/8. — С.298-302.

[Рецензия] // Там же. — С.329. — Рец. на кн.: Гликман Е. [Стихотворения]. — Саратов, 1917; Далматова О. Стихи. — [М.], 1917.

Моя позиция // Новая жизнь. — 1917. — 5 (18) дек.

Отрицательная оценка политики большевиков в области культуры.

Большевики и авторское право // Там же. — 1917. — 15 (28) дек.

Критические заметки о Декрете об авторском праве.

«Народное просвещение» // Там же. — 1917. — 24 дек. (8 января 1918).

В связи с выходом журнала Комиссариата по народному просвещению.

Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. — Вып.2. — С.24-62.

То же: Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. — Пг., 1919. — С.58-98.

* Новые отделы Комиссариата по просвещению // Новая жизнь. — 1918. — 3(16) янв.

* Рабочий театр Российской Республики // Там же. — 1918. — 5(18) янв.

Автономное искусство // Вечерняя звезда. — 1918. — 22 янв.

Одобрительная оценка выступления А.Луначарского на Третьем съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Утро о России»: Искусство и жизнь // Там же. — 1918. — 23 янв.

Отчет о благотворительном концерте в пользу политических заключенных, в частности, о выступлении Д.Мережковского.

Материальная нужда художественной молодежи // Там же. — Подпись: О.Б.

Пролетарская поэзия // Там же. — 1918. — 25 янв. — Подпись: О.Б.

* Три театра // Новая жизнь. — 1918. — 31 янв (13 февр.)

Улица: [Зарисовки] // Вечерняя звезда. — 1918. — 23(10) февр.

[Рецензия] // Там же. — Рец. на альманах: Стремнины. — М., 1918. — №2. — Подпись: О.Б. О «Воспоминанье» В.Бросова.

Неуместное политиканство // Книжный угол. — 1918. — №2. — С.28-29.

О «политических темах» в поэзии.

От Центрального Бюро по организации празднования Октябрьской революции / Члены комитета постановки: В.Маяковский, В.Мейерхольд, К.Малевич, П.Левбедев, Л.Жевержеев // Вестник общественно-политической жизни, искусства, театра и литературы. — 1918. — 12 окт. — Печаталось также под названиями: «Обращение к актерам», «Обращение к артистам», «Товарищи актеры! Обращение».

То же: Красная газета. — 1918. — 12 окт. — Веч. вып.; Северная коммуна. — 1918. — 12 окт. — (Веч. прибавление); Северная коммуна — 1918. — 13 окт.; Известия Олонцкого губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. — Петрозаводск, 1918. — 15 окт.; Маяковский В. Материалы и исследования. М., 1940. — С.192 (в статье А.Февральского «“Мистерия-буфф”: Опыт литературной сценической истории пьесы»).

В связи с «Мистерией-буфф» В.Маяковского.

Заявление по поводу «Мистерии-буфф» // Жизнь искусства. — 1918. — 21 нояб. — Соавт.: В.Баранов-Россинэ, П.Ваулин, А.Карев, А.Матвеев, Н.Пунин, И.Школьник, С.Чехонин, Д.Штеренберг и др.

Дренаж искусству // Искусство коммуны. — 1918. — 7 дек.

Художник-пролетарий // Там же. — 1918. — 15 дек.

Вы правы, товарищ Муштаков! // Там же. — 1918. — 22 дек.

«Летучий театр» // Там же. — 1918. — 22 дек. — Соавт.: В.Маяковский.

То же: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т.12. — С.20-22; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1939. — Т.3. — С.379-380.

Уцелевший бог // Искусство коммуны. — 1918. — 29 дек.

Художники 3-й категории // Там же. — Подпись: О.Б.

Художник и коммуна // Изобразительное искусство. — 1919. — №1. — С.25-26.

Наш долг // Художественная жизнь. — 1919. — №1. — С.3-4.

Без руля // Искусство коммуны. — 1919. — 5 янв.

Полемика со статьями В.К. и В.Г. в журнале «Внешкольное образование» (1919. №1).

Довольно соглашательства // Там же. — 1919 — 12 янв.

Есть над чем подумать // Там же. — 1919. — 2 февр.

Полемика со статьей М.Хатова в «Красной газете» (1919. №26).

Налет на футуризм // Там же. — 1919. — 9 февр.

Ответ на статью П.Бессалько «Футуризм и пролетарская культура» (Грядущее. 1919. №10).

Как это случилось // Там же. — Подпись: О.Б. О №1 журнала «Москва».

Аполлоновские навыки // Там же. — Подпись: О.Б.

Ответ на статью Л.Пумпянского «Пролетарские художники» (Пламя. 1919. №39).

[Тезисы по докладу «Музеи и пролетарская культура»] // Там же. — 1919. — 18 февр.

Легкость мысли // Искусство. — 1919. — 1 апр.

Не терпит отлагательства // Там же. — 1919. — 8 июля.

[Рецензия] // Пролетарская культура. — 1920. — №13. — С.102-104. — Рец. на кн.: Брюсов В. Краткий курс науки о стихе. — М., 1919.

Барин, поп и кулак в народных сказках: [Предисловие] // Брик О.М. Барин, поп и кулак: Народные сказки. — М.: Гос. изд-во, 1920. — С.3-22. — («Красная книжка»; №30). — 150000 экз.

Дело всех // Агит-Роста. — 1921. — 12 авг. О сборе продналога.

Восемьдесят процентов кислого // Там же. — 1921. — 14 авг.

О новейшей русской литературе и поэзии: Заметки // Новый путь. — Рига, 1921. — 30 окт. — Подпись: Л.Б.*

О творчестве В.Маяковского, С.Есенина, Вс.Иванова, В.Александровского.

* Москва голодающим детям // Там же. — 1921. — 11 нояб. — Подпись: Л.Б.

Трудное начало: 4-х годовичные литературные и поэтические итоги // Там же. — 1921. — 12 нояб. — Подпись: Л.Б.

В порядке дня // Искусство в производстве. — М., 1921. — С.7-8.

«Окно Роста» №966 / Худож.: М.Черемных. — М., 1921.

В чем кризис // Еженедельник Центрального дома работников просвещения искусств. — 1922. — №2. — С.9-10.

«Железная пята» // Театральная Москва. — 1922. — №22. — С.7. — Подпись: О.Б.

О спектакле по пьесе Д.Лондона, поставленном «Тереватом».

Агит-холл // Эрмитаж. — 1922. — №4. — С.5-6.

[Коллективное заявление о журнале «Эрмитаж»] // Там же. — 1922. — №4. — С.13. — Соавт.: В. Масс, В. Мейерхольд, Л.Рейснер, В.Раппапорт, З.Райх, В.Тихонович, Н.Фореггер.

Мой глоссарий // Там же. — 1922. — №5. — С.11; №6. — С.8-9. — Подпись: О.Б.

Эстетическая уголовщина // Там же. — 1922. — №7. — С.9.

По поводу статьи В.Шершеневича «Желтый билет халтуры».

Мой глоссарий // Там же. — 1922. — №8. — С.9. — Подпись: О.Б.

«Измы» и культ-работа // Еженедельник Центрального дома работников просвещения и искусств. — 1922. — №9/10. — С.10-11.

* Публикации в рижской газете «Новый путь» выявлены Б.Янгфельдом. По ряду признаков можно предположить, что они написаны О.М.Бриком; в печать были переданы Л.Ю.Брик и опубликованы за ее подписью (инициалами), чтобы упростить процедуру получения авторского ордера.

В защиту НЭПа // Театр и студия. — 1922. — №1/2. — С.2-3.

О неприличном // Зрелища. — 1922. — №5. — С.10.

Художник-коммунист Жорж Гросс // Красная нива. — 1923. — №1. — С.20.

За что борется Леф? // ЛЕФ. — 1923. — №1. — С.3-7. — Соавт.: Н.Асеев, Б.Арватов, Б.Кушнер, В.Маяковский, С.Третьяков, Н.Чужак.

То же: От символизма до «Октября». — М., 1924. — С.161-169; Литературный критик. — 1936. — №4. — С.113-146 (в статье О.Брика «Маяковский — редактор и организатор: (Материалы к литературной биографии)»; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т.12. — С.49-54; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1939. — Т.2. — С.485-490.

Наша словесная работа // ЛЕФ. — 1923. — №1. — С.40-41. — Соавт.: В.Маяковский.

То же: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т.12. — С.61-63; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1939. — Т.2. — С.497-499.

В производство! // ЛЕФ. — 1923. — №1. — С.105-108. — Подпись: О.Б.

Непопутчица: [Рассказ] // Там же. — 1923. — №1. — С.109-142.

То же отд. изд.: М.; Пг.: Госиздат; ЛЕФ, 1923. — 36 с. — 3000 экз.

Т.н. «Формальный метод» // ЛЕФ. — 1923. — №1. — С.213-215.

Ответ тов. Чужаку // Известия. — 1923. — 15 апр.

По поводу статьи «О непопутчицах» (Там же. 1923. 12 апр.)

Услужливый эстет // ЛЕФ. — 1923. — №2. — С.92-103. — Рец. на кн.: Сидоров А. Искусство книги. — [М., 1922].

Искусство объявлять // Журналист. — 1923. — №5. — С.26-28.

Сосновскому // ЛЕФ. — 1923. — №3. — С.4.

Уважаемый, товарищ редактор! // Там же. — 1923. — №3. — С.40а. — Соавт.: С.Третьяков, Н.Асеев, Н.Чужак и др.

«Се человек» // Огонек. — 1923. — №19. — С.11-12.

Об альбоме рисунков Г.Гросса

Школа конструктивизма // Там же. — 1923. — №20. — С.6.

Балет — «скетинг-ринг» Леже: (Искусство Запада) // Зрелища. — 1923. — №19. — С.12-13.

Германские художники и театр: (Искусство Запада) // Там же. — 1923. — №20. — С.8-9.

Не так просто! // Там же. — 1923. — №21. — С.7.

К всенародному театру: (Искусство Запада) // Там же. — 1923. — №21. — С.10-11.

«А ля рюс»: (Искусство Запада) // Там же. — 1923. — №22. — С.10-11.

Судьба танца: (Искусство Запада) // Там же. — 1923. — №23. — С.10-11.

Это не юбилей // Там же. — 1923. — №30. — С.11.

По поводу юбилея В.Э.Мейерхольда

Механический балет: (Искусство Запада) // Там же. — 1923. — №58. — С.8-9.

АПС! // Там же. — 1923. — №61. — С.4.

Соглашение Московской ассоциации пролетарских писателей и группы Леф // ЛЕФ. — 1923

(обл.1924). — №4. — С.4-5. — Соавт.: В.Маяковский, Ю.Лебединский, Л.Авербах, С.Родов.

То же: На посту. — 1924. — №1. — Стб. 283-286.

Развал Вхутемаса: Докладная записка о положении Высших Художественно-Технических Мастерских // ЛЕФ. — 1923 (обл.1924). — №4. — С.27-28. — Соавт.: А.Родченко, А.Лавинский, В.Степанова, Л.Попова и др.

Проз-работа // Там же. — 1923 (обл.1924). — №4. — С.59. — Подпись: Б.

Островский — студентам // Студент. — 1924. — №1. — С.7.

В Московский Совет раб., красн. и кр. депутатов: [Письмо от 24 мая 1924 г.] // Вечерняя Москва. — 1924. — 26 мая. — Соавт.: В.Маяковский, Н.Асеев, А.Родченко, В.Степанова, В.Жемчужный, Быков, Б.Кушнер, А.Лавинский, С.Сенькин, Г.Клуцис. *В связи с похоронами Л.Поповой.*

Художник-конструктор Любовь Сергеевна Попова // Огонек. — 1924. — №25. — С.10.

То же под назв. «Художник-конструктор Л.С.Попова»: Каталог посмертной выставки художника-конструктора Л.С.Поповой. — М.: Комиссия по увековечению памяти художницы-конструктора А.С.Поповой, 1924. — С.7-12.

Любовь Попова // Зрелища. — 1924. — №89. — С.9.

Фотомонтаж // Заря Востока. — Тифлис, 1924. — 21 сент.

Какая нам нужна реклама // Журналист. — 1924. — №10. — С.61-62.

Реклама стихом // Там же. — 1924. — №10. — С.61-62.

«Не в театре, а в клубе!» // ЛЕФ. — 1924. — №1(5). — С.22.

От картины к ситцу // Там же. — 1924. — №2. — С.27-34.

[Изложение доклада на совещании работников ЛЕФа] // Советское искусство. — 1925. — №1. — С.93-95.

[Ответ на анкету «Что говорят писатели о постановлении ЦК РКП(б)»] // Журналист. — 1925. — №8/9. — С.33.

Человек бьет человека // Кино. — 1925. — 22 сент.

Факт против анекдота // Вечерняя Москва. — 1925. — 14 окт.

Против кино-драмы: (Частное мнение) // Кино. — 1925. — 27 окт.

Настежь ли? // Там же. — 1925. — 24 нояб.

Почему понравился «Цемент» // На литературном посту. — 1926. — №2. — С.30-32.

То же: Литература факта. — М., 1929. — С.84-88.

Брюсов против Ленина // На литературном посту. — 1926. — №5/6. — С.28-30.

Об ответе В.Брюсова на статью В.Ленина «Партийная организация и партийная литература» («Свобода слова» // Весы. 1905. №11).

Последний крик // Советский экран. — 1926. — №7. — С.3-4.

О советском киноплакате.

Картины, которые нам показывают // Советское кино. — 1926. №2. — С.9.

Чего не видит глаз // Там же. — С.22-23.

Фото-кадр против картины // Советское фото. — 1926. — №2. — С.40-42.

Писси Пук // Советский экран. — 1926. — №17/18. — С.4.

О пьесе К.Эйштейна «Дурная вест».

«Нет и неизвестно» // Кино. — 1926. — 6 апр. Фото в кино // Советское кино — 1926. — №4/5. — С.23.

Кино в театре Мейерхольда // Советский экран. — 1926. — №20. — С.6-7.

100% брака // Там же. — 1926. — №25. — С.3.

Кино и киношки // Там же. — 1926. — №27. — С.3.

Конкурс под лозунгом «Советская фильма на советском экране» // Кино. — 1926. — 29 июня.

Ще раз! // Новый зритель. — 1926. — №27. — С.5-6.

О положении в советской эстраде.

«Без перемен» // Там же. — 1926. — №28. — С.7.

О советской оперетте.

«Синяя блуза» и эстрадники // Там же. — 1926. — №29. — С.7.

Свои и чужие // Там же. — 1926. — №30. — С.12.

«Отвратительный» жанр // Там же. — 1926. — №31. — С.6.

Об оперетте.

Зачем же к чорту? // Там же. — 1926. — №32. — С.7.

Пусть резвятся.: («Омоложенный Адоляр» в Музыкальной комедии) // Там же. — 1926. — №33. — С.10.

Коммерческий расчет // Кино. — 1926. — 24 авг.

Одна из нескольких // Журналист. — 1926. — №8/9. — С. 53-54.

«Евграф — искатель приключений» // Новый зритель. — 1926. — №38. — С.6.

К премьере во МХАТе-2-ом.

«Гроза» в Камерном // Там же. — 1926. — №39. — С.7.

[Ответ на анкету «Мастера о сценарии»] // Кинофронт. — 1926. — №9/10. — С.12.

Отдайте помещение! // Новый зритель. — 1926. — №41. — С.9.

На холостом ходу: («Зойкина квартира» в студии им. Вахтангова) // Там же. — 1926. — №45. — С.13-14. — Подпись: Б.

Сегодня и завтра «Синей блузы» // Синяя блуза. — 1926. — №47/48. — С.1-16.

Читатель! // Новый ЛЕФ. — 1927. — №1. — С.1-2. — Без подписи*.

За политику! // Новый ЛЕФ. — 1927. — №1. — С.19-24.

За новаторство! // Там же. — С.25-28.

Противокиноядие // Там же. — 1927. — №2. — С.27-30.

Ближе к факту // Там же. — С.32-34.

То же: Литература факта. — М., 1929. — С.78-83.

[Выступление] / Протокол о Полонском: (Выписка из стенограммы заседания сотрудников журнала «Новый ЛЕФ» от 5 марта 1927 г.) // Новый ЛЕФ. — 1927. — №3. — С.46.

Ритм и синтаксис // Там же. — С.15-20; №4. — С.23-29; №5. — С.32-37; №6. — С.33-39.

* Атрибутировано Б.Янгфельдтом на основании указателя содержания «Нового ЛЕФа», см.: Новый ЛЕФ. 1928. №12. С.48. В Полном собрании сочинений В.Маяковского в 13 т. приписано В.Маяковскому.

- Победа факта // Кино. — 1927. — 5 апр.
О фильме «Падение династии Романовых» (режиссер Э.Шуб).
- Полпобеды // Там же. — 1927. — 12 апр.
О фильме «Третья Мещанская» («Любовь втро-ем»; режиссер А.Роом).
- [Ответ на анкету «На подступах к советской комедии»] // Там же. — 1927. — 19 апр.
- [Записная книжка ЛЕФа] // Новый ЛЕФ. — 1927. — №5. — С.4-5. — Подпись: О.Б.
- Женская-видовая // Советский экран. — 1927. — №21. — С.3-4.
- Радио-Май: (Рев. гротеск в 3 эпизодах) // Синяя блуза. — 1927. — №5/6. — С.2-9. — Соавт.: Н.Асеев, В.Маяковский.
- Джаз-банд: [Из «Записной книжки ЛЕФа»] // Новый ЛЕФ. — 1927. — №6. — С.10-12. — Подпись: О.Б.
- Против жанровых картинок // Кино. — 1927. — 5 июля.
- По существу сценарного кризиса // Советское кино. — 1927. — № 8/9. — С.11-12.
- Мы — футуристы // Новый ЛЕФ. — 1927. — №8/9. — С.49-52.
- Против романтики // Там же. — 1927. — №10. — С.1-2.
- Учить писателей // Там же. — С.33-37.
То же: Литература факта. — М., 1929. — С.180-185.
- Остаюсь верен! // Кино. — 1927. — 8 нояб.
- Фиксация факта // Новый ЛЕФ. — 1927. — №11/12. — С.44-50.
- [Выступление на совещании «ЛЕФ и кино»] // Там же. — С.63-66, 67, 69, 70.
- Радио-Октябрь: Рев. гротеск в 3 карт. — М.: Моск. театральн. изд-во, 1927. — 16 с. — 3000 экз. — Соавт.: В.Маяковский.
- То же: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т.4. — С.405-425; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1939. — Т.3. — С.289-313.
- Эстрада перед столиками: (В поисках новой эстрады) // М.; Л.: Книгопечат, 1927. — 24 с. — 10000 экз.
- Против «творческой» личности // Новый ЛЕФ. — 1928. — №2. — С.12-14.
То же: Литература факта. — М., 1929. — С.75-78.
- За легкий жанр // Новый ЛЕФ. — 1928. — №2. — С.34-39.
- От картины к фото // Там же. — 1928. — №3. — С.29-33.
- «Одиннадцатый» Вертова; «Октябрь» Эйзенштейна // Там же. — 1928. — №4. — С.27-33. — (Ринг «ЛЕФа»).
- «Синяя блуза» и Моссельпром // Синяя блуза. — 1928. — №4. — С.53-55.
- Разгром Фадеева // Новый ЛЕФ. — 1928. — №5. — С.1-5.
То же: Литература факта. — М., 1929. — С.88-93.
- [Ответ на анкету «Писатели о толстых журналах»] // На литературном посту. — 1928. — №20/21. — С.90.
- Симуляция невменяемости // Новый ЛЕФ. — 1928. — №7. — С.1-3.
- Внимание! // Комсомольская правда. — 1928. — 20 окт.
- Тезисы Маяковского // Жизнь искусства. — 1928. — №41. — С.5. — Подпись: Б.
В связи с критикой В.Маяковским ЛЕФа.
- Литературные итоги 1928 года // Там же. — 1928. — №48. — С.5.
- Потомок Чингис-хана: (Отрывок из 7-й части) // Советский экран. — 1928. — №46. — С.12-13.
- Предисловие // Арватов Б. Социологическая поэтика — М.: Федерация, 1928. — С.7-12.
- [Комментарии] // Маяковский В. Собрание сочинений. — М.; Л.: Госуд. изд-во, 1928. — Т.1. — С.31-56. — Без подписи.
- Не теория, а лозунг // Печать и революция. — 1929. — №1. — С.25-31.
О теории «социального заказа».
- Долой аполитизм!: [Ответ на анкету] // Книга и революция. — 1929. — №12. — С.48-49.
В частности, об организации РЕФа.
- Разложение сюжета // Литература факта. — М., 1929. — С.219-222.
- Поэт Владимир Владимирович Маяковский: [Послесловие]; [Примечания] // Школьный Маяковский. — М.; Л.: ГИЗ, 1929. — С.91-104.
То же: Школьный Маяковский. — 2-е изд. — М.; Л.: ГИХЛ, 1931. — С.91-103.
- Досадная ошибка // Книга и революция. — 1930. — №2. — С.28.
Об ошибках в комментировании произведений В.Ленина.
- Краткая биография и общественно-литературный путь Маяковского: (Примерный материал для докладчиков); Тематика Маяковского: а) до революции; б) после революции // Клубный репертуар. — 1930. — №5. — С.28-31.
- Как читать стихи Маяковского: [Предисловие] // Там же. — С.32. — Подпись: О.Б.
- Поэт пролетарской революции // Пионер. — 1930. — №14. — С.15-16.
- Пародийный лозунг // Литературная газета. — 1930. — 15 авг.
- За литературную олимпиаду // Там же. — 1930. — 20 авг.
- Ученик Маяковского // На литературном посту. — 1931. — №1. — С.29-30.
О творчестве С.Кирсанова.
- Сценарные мытарства // Советское искусство. — 1931. — 18 апр.
- [О «Литературной газете»] // Литературная газета. — 1931. — 5 мая.
- Маяковский детям // Книга молодежи. — 1931. — №9. — С.50-52.
- В архив еще рано: О немом кино // Вечерняя Москва. — 1931. — 12 нояб.
- Полтинник? Не носите! // Там же. — 1931. — 16 нояб.
- Взбунтовавшийся семинарист // Там же. — 1931. — 1 дек.
К 70-летию со дня смерти Н.Добролюбова.
- Форма и содержание // Там же. — 1931. — 11 дек.
О необходимости большего разнообразия в начинках для пирожков.
- Не отстанем! // Литературная газета. — 1931. — 18 дек. — Соавт.: Н.Асеев, В.Катанян, С.Кирсанов, П.Незнамов.
- Факт, а не реклама // Вечерняя Москва. — 1931. — 18 дек.
- Школа гостеприимства: (15 тысяч китайских церемоний) // Там же. — 1931. — 22 дек.

- Контрабанда с примечаниями // Там же. — 1931. — 30 дек.
- Есть куда плюнуть // Вечерняя Москва. — 1932. — 3 янв.
- О недостаточном количестве плевательниц в Москве.
- Удобно ли? // Там же. — 1932. — 18 янв.
- О новом порядке расчетов с покупателями в московских магазинах.
- Капуста на дрожжах // Там же. — 1932. — 24 янв.
- О спекуляции капустой.
- Мастер, клиент и кресло // Там же. — 1932. — 28 янв.
- О новом порядке расчетов с клиентом в московских парикмахерских.
- Нельзя ли по-русски? // Там же. — 1932. — 7 февр.
- О меню московских кафе и ресторанов.
- «Ты у меня пообедает!» // Там же. — 1932. — 13 февр.
- О недостатках обслуживания в столовой ОГИЗА.
- Путь Кулешова // Кино. — 1932. — 12 мая.
- Работой, а не дискуссиями // Там же. — 1932. — 18 мая.
- В связи с постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».
- Октябрьская поэма Маяковского // 30 дней. — 1932. — №10/11. — С.79-84.
- Арагон Л. Музыка будней; Песня ловцов жемчуга: Стихи / Пер. с фр. // Литературная газета. — 1932. — 17 дек.
- [О своих творческих планах] // Там же. — 1932. — 29 дек.
- Маяковский — художник // Владимир Маяковский: [Альбом]. — М.: Гос. изд-во изобраз. искусств, [1932]. — С.7-10.
- Кто автор? // Кино. — 1933. — 4 марта. — Соавт.: Н.Агаджанова-Шутко, Л.Арнштам, Н.Зархи, А.Мачерет, В.Пудовкин, А.Роом, М.Чиаурели, Н.Шенгелая, Э.Шуб, С.Эйзенштейн, Л.Эсакия, С.Юткевич.
- Поэт и театр // Советское искусство. — 1933. — 14 апр.
- Арагон Л. Коммунисты правы: Глава из поэмы / Пер. с фр. // Красная новь. — 1933. — №4. — С.61-65.
- Арагон Л. Солдаты идут: Стихи / Пер. с фр. // Интернациональная литература. — 1933. — №4. — С.53.
- Медвежья услуга // Литературный критик. — 1933. — №2. — С.169-175.
- Полемика с оценкой А.Селивановским (Литературная газета. 1933. 29 апреля) книги стихов В.Луговского «Жизнь» (М., 1933).
- Две повести Георгия Шторма // Там же. — 1933. — №3. — С.140-143.
- О «Повести о Болотникове» и «Трудах и днях Михаила Ломоносова».
- Наши тезисы к выступлениям на съезде // Литературная газета. — 1933. — 23 мая.
- Писатель и театр // Театр и драматургия. — 1933. — №5. — С.10-11.
- О занимательности // Кино. — 1933. — 4 июня.
- За кинодраматургию // Там же. — 1933. — 4 июля.
- «Камаринский мужик»: К постановке в Малом оперном театре // Советское искусство. — 1933. — 14 июля.
- О задумчивом бормотании // Литературный критик. — 1933. — №7. — С.112-115. — Рец. на кн.: Лавров Л. Золотое сечение. — [М.], 1933.
- О книге В.Шкловского «Чулков и Левшин» // Литературная газета. — 1933. — 23 июля.
- Красные ангелы // Кино. — 1933. — 28 окт.
- О сценарии А.Мачерета «Окрыленные люди».
- Свое лицо // Там же. — 1933. — 10 нояб.
- О фильме «Великий утешитель» (режиссер Л.Кулешов).
- Большая удача // Литературная газета. — 1933. — 11 нояб. — Рец. на кн.: Дементьев Н. Овладение техникой. — М., 1933.
- Мужик в опере // 30 дней. — 1933. — №11/12. — С.74-76.
- Новая поэма Асеева // Литературная газета. — 1933. — 11 дек.
- О поэме «Гундоровский полк» (Знамя. 1934. №10).
- Камаринский мужик: Опера в 4 актах и 8 карт. / Текст в опер. обработке: О.Брик; Музыка: В.Же-лобинский. — Л.: Малый оперный театр, 1933. — 72 с. — 3000 экз.
- Кольбельная песня / Из оперы «Камаринский мужик»; Текст: О.Брик. Для голоса и ф-но. — Л.: Тритон, 1933.
- Монолог Болотникова / Из оперы «Камаринский мужик»; Текст: О.Брик. Для голоса и ф-но. — Л.: Тритон, 1933.
- Песнь Алены / Из оперы «Камаринский мужик»; Текст: О.Брик. Для голоса и ф-но. — Л.: Тритон, 1933.
- Актуальность прошлого // Камаринский мужик: Программа и материалы к спектаклю. — Л.: Малегот, 1933. — С.4-5.
- * Особое мнение: Комедия в 3 д. // М.: Всероссийскому драм., 1933. — Соавт.: О.Леонидов.
- Альманах памяти Багрицкого // Литературная газета. — 1934. — 18 февр. — Соавт.: Н.Асеев, С.Кирсанов.
- О необходимости издания альманаха памяти поэта.
- Дурная чувствительность // Там же. — 1934. — 16 марта. — Рец. на кн.: Уткин И. Избранные стихи. — М., 1933.
- Довольно работать «вглухонемую» // Кино. — 1934. — 22 марта.
- О документальных фильмах «Имени Ленина», «Две лишние буквы» и «Жить зажиточно» (режиссер М.Слуцкий).
- Тайна трех букв // Литературная газета. — 1934. — 8 апр. — Соавт.: В.Катанян.
- О книгах, издаваемых Московским товариществом писателей (МТП).
- Из литературного наследия В.Маяковского: [Предисловие к публикации] // Там же. — 1934. — 14 апр.
- Маяковский-художник // Тихоокеанский комсомолец. — Хабаровск, 1934. — 14 апр.
- [О государственном займе] // Литературная газета. — 1934. — 16 апр.
- Забывтая тема // Кино. — 1934. — 16 апр.
- О сценарии К.Виноградской «Анка».
- Баловни // Литературная газета. — 1934. — 28 апр.
- О положении писателя в СССР.
- Ленин в стихах Маяковского // Литературный критик. — 1934. — №4. — С.106-116.
- То же: Neue Deutsche Blätter. — Прага, 1934. — Сент.— Нем.

Заметки о кинохронике // Советское кино. — 1934. — №4. — С.18-21.

О Прутков, ты бессмертен! // Литературная газета. — 1934. — 16 мая. — Рец. на кн.: Митрейкин К. Штурм неба. — [М.], 1934.

Проба на качество: [Изложение выступления на первом вечере журнала «Красная новь», посвященном советской поэзии] // Там же. — 1934. — 16 мая.

Колхоз и нечистая сила // Кино. — 1934. — 16 мая.

О сценарии Ф.Эрмлера, В.Портнова и М.Большинцова «Крестьяне».

Плоды сепаратизма // Там же. — 1934. — 22 мая.

О фильме «Восстание рыбаков» (режиссер Э.Пискатор).

Не будем замалчивать // Литературная газета. — 1934. — 26 мая.

О поэме А.Жарова «Два паспорта» (Новый мир. 1934. №1).

О пользе творческих объединений // Литературный критик. — 1934. — №5. — С. 155-160.

Стиль и тема // Литературная газета. — 1934. — 10 июня. — Рец. на кн.: Гаузер Г. 9 лет в поисках необыкновенного. — М., 1934.

Дух простокваши // Там же. — 1934. — 26 июня.

Полемика со книгой О.Бескина «Формализм в живописи» (М., 1933), в частности, с его оценками творчества А.Гышлера, Д.Штеренберга, А.Шевченко, А.Древина, Н.Удальцовой, П.Филонова и др. См. отклики: Динамов С. Адвокат формализма // Правда. 1934. 28 июня; От редакции // Литературная газета. 1934. 30 июня.

Асеев и оборонная тема // Знамя. — 1934. — №6. — С. 222-231.

Специфика и штамп // Литературная газета. — 1934. — 30 окт.

О комедии Н.Адуева «Как ее зовут?».

Арагон Л. Февраль: Отрывок из стихотворения / Пер. с фр. // Там же. — 1934. — 6 нояб.

«Уже при социализме» // Там же. — 1934. — 10 нояб.

Тигр и стрептококки // За индустриализацию. — 1934. — 12 дек. — Рец. на кн.: Сельвинский И. Тихоокеанские стихи. — [М.], 1934.

Камаринский мужик: Драматическая поэма в 8 эпизодах // Альманах с Маяковским. — М., 1934. — С.130-194.

Ранее в отрывках: Литературная газета. — 1932. — 23 дек.; Огонек. — 1933. — №22. — С.8-9.

Именины: Опера в 3 д., 5 карт. / Либретто: О.Брик; Музыка: В.Желобинский. — Соч. 22. Клавираусгуг. — Л.: Гос. Малый оперный театр, 1934. — 200 экз.

Евгений Базаров: Предис. по роману И.С.Тургенева «Отцы и дети» / Предисл. авторов — М.: ЦЕДРАМ, 1934. — 56 с. — 1150 экз. — Соавт.: О.Леонидов.

[Веерт Г., Гартман М., Гервег Г., Готтшталль Р., Мейснер А., Фаллерслебен Г. фон, Фогль И.Н., Франкль Л.-А., Швенда Ю.(?), Эмма Э. / Пер. с нем.] // Шиллер Ф.П. Поэзия германской революции 1848 г.: Ист.-лит. очерк. — М., 1934. — С.37-39, 43, 53-54, 73, 115-118, 123, 128, 135-136, 143-144, 146-147, 154-157, 211, 235-240.

Знаменательный успех // Знамя. — 1935. — №1. — С.187-192.

О фильме «Чапаев» (режиссеры С.и Д.Васильевы).

В мастерской Владимира Маяковского // Смена. — 1935. — №3. — С.16.

О Маяковском // Буденовец. — 1935. — 13 апр.

О биографии поэта // Литературный Ленинград. — 1935. — 14 апр.

То же: Социалистический пригород. — 1935. — 14 апр.

В мастерской стиха // Северо-кавказский большевик. — Пятигорск, 1935. — 14 апр.

Вечера, книги, выставки: [Беседа с К.Соколовским] // Там же.

Поэт революционной обороны // Смена. — 1935. — 14 апр.

В ногу с временем: (К 5-летию со дня смерти В.В.Маяковского) // Экономическая жизнь. — 1935. — 18 апр.

[Приветствие Э.-Э. Кишу] // Литературная газета. — 1935. — 30 апр.

Книга, которую надо написать: (К пятилетию со дня смерти В.Маяковского) // Художественная литература. — 1935. — №5. — С.1-3.

Владимир Владимирович Маяковский: (1894-1930) // Красноармеец. Краснофлотец. — 1935. — №7. — С.12-13.

Литературный брак // Художественная литература. — 1935. — №11. — С.32-33. — Рец. на кн.: Рудерман М. Штрафная жизнь. — М., 1935.

Повесть и либретто // Именины: Сб. статей и материалов к постановке оперы в Гос. академич. малом оперном театре. — Л., 1935. — С.18-20.

О своем либретто по повести Н.Павлова.

Блок и Маяковский // Литературный Ленинград. — 1936. — 1 янв.

Где трехминутки? // Кино. — 1936. — 26 янв. О короткометражных научно-популярных фильмах.

* Реклама должна объяснять // За пищевую индустрию. — 1936. — 11 февр.

[Предисловие к сценарию В.Маяковского «Дети»] // Кино. — 1936. — 26 февр. — Подпись: О.Б.

Поэт советской эпохи // Литература в школе. — 1936. — №2. — С.15-29.

Сделать все выводы // Литературная газета. — 1936. — 10 марта.

В связи со статьями «Правды» о «формализме» и «натурализме».

О Маяковском // Огонек. — 1936. — №10. — С.1-2.

Тема Маяковского // Советское искусство. — 1936. — 11 апр.

Маяковский о «фиасках» и «апогеях» // Литературный Ленинград. — 1936. — 14 апр.

Народный поэт // Большевицкая смена. — Новосибирск, 1936. — 14 апр.

«Нигде кроме — как в Моссельпроме» // За пищевую индустриализацию. — 1936. — 14 апр.

Маяковский и царская полиция // Пионерская правда. — 1936. — 14 апр.

То же: Сталиногорский пролетарий. — 1937. — 14 апр.; Рабочая Балахна. — 1937. — 15 апр.; Серп и молот. — Клин, 1936. — 16 апр.

Почему говорят, что Маяковский писал непонятно? // Пионерская правда. — 1936. — 14 апр.

То же под назв. «Как читать стихи Владимира Маяковского»: Большевицский натиск. — 1939. — 16 апр.

Поэт революционного пролетариата // За коммунистическое просвещение — 1936. — 16 апр.

Маяковский — редактор и организатор: (Материалы к литературной биографии) // Литературный критик. — 1936. — №4. — С.113-146.

То же под загл. с изм. и доп. «Маяковский и литературное движение 1917-1930 гг.: Комментарии»:

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1937. — Т.12. — С.405-432.

Очерк стихом // Наши достижения. — 1936. — №4. — С.138-143.

Сочинения Маяковского. Том второй // Литературное обозрение. — 1936. — №6. — С.7-10. — Ред. на кн.: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1936. — Т.2.

Маяковский о газетном языке // В помощь районной газете. — 1936. — №7. — С.34-36.

Маяковский о газетной работе // В помощь фабрично-заводской газете. — 1936. — №7. — С.29-31.

Москва горит: [1-я редакция] // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1936. — Т.11. — С.209-236. — Соавт.: В.Маяковский*.

То же: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1939. — Т.3. — С.315-340.

Ранее в отрывках: Красная газета. — 1930. — 17 апр. — Веч. вып.; Литературная газета — 1930. — 21, 28 апр.; Цирк и эстрада. — 1930. — №11. — С.1-3.

См. также 2-ю редакцию: Клубный репертуар. — 1930. — №5. — С.6-16.

То же: Проектор. — 1930. — №12. — С.18-19 (отрывки); Маяковский В. Собрание сочинений. — М.;Л.: Госуд. изд-во, 1931. — Т.9. — С.207-235; Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. — М., 1936. — Т.11. — С.237-265.

Из теории и практики сценариста // Как мы работаем над киносценарием — М., 1936. — С. 41-53.

О своей работе над сценарием «Потомок Чингис-хана».

Любимое оружие: [Предисловие] // Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается. — М.: Гослитиздат, 1936. — С.3-8.

То же в сокр.: Каменский рабочий. — Каменск, Свердлов. обл., 1937. — 18 апр.

Народный поэт: [Предисловие] // Маяковский В. Урожайный марш. — М.:Гослитиздат, 1936. — С.7-10.

Песня беглых холопов: («Птица-синица») / Из оперы В.Желобинского «Камадинский мужик»; Текст: О.Брик. Для хора и ф-но. — Л.: Тритон, 1936.

Остановились на полпути // Кино. — 1937. — 4 янв.

О цикле научно-популярных фильмов режиссера В.Жемчужного.

Маяковский и Пушкин // Вечерняя Москва. — 1937. — 9 февр.

К экранизации «Евгения Онегина» // Кино. — 1937. — 17 февр. — Соавт.: О.Леонидов.

О своей работе над сценарием.

Бальзак по Эггерту // Там же. — 1937. — 4 апр.

О судьбе сценария «Пираты», написанного для режиссера К.Эггерта.

Есть ли у Маяковского «типы» // Советское искусство. — 1937. — 11 апр.

То же: Рабочий путь. — Смоленск, 1937. — 14 апр.

Поэт-большевик: К 7-ой годовщине смерти

* Факт причастности О.М.Брика к работе В.В.Маяковского над меломимой «Москва горит» (в частности, ее 1-й редакции) известен в исследовательской литературе давно. Составитель счел возможным включить в настоящую библиографию описания всех публикаций «Москвы горит», хотя степень участия Брика в создании произведения еще не выяснена.

В.В.Маяковского // Лесная промышленность. — 1937. — 13 апр.

Маяковский — лирик // За коммунистическое прощение. — 1937. — 14 апр.

То же: Коммуна. — Воронеж, 1937. — 14 апр.

Певец революции // Пионерская правда. — 1937. — 14 апр.

То же: За ударные темпы. — Щелково, 1937. — 18 апр.

Кабинетная поэзия // Литературная газета. — 1937. — 10 июля. — Подпись: О.Б.

О сборнике В.Эрлиха «Необычайные свидания друзей» (М., 1937).

Поэт революции // Вечерняя Москва. — 1937. — 21 окт.

Поэт-патриот // Харьковский рабочий. — 1938. — 13 апр.

То же: На страже. — 1938. — 20 июля.

Ранний Маяковский // Северный комсомолец. — Архангельск, 1938. — 14 апр.

Любовь к Родине // Коммунар. — Грязовец, 1938. — 14 апр.

То же без назв.: Маяковский В. Стихи о Родине. — М.: Журн.-газ. об-ние, 1938. — С.3-6. — (Б-ка «Огонек»; №8).

Вспоминая Маяковского // Курортная газета. — Сочи, 1938. — 14 апр.

Война в стихах Маяковского // Удмуртская правда. — 1938. — 14 апр.

Поэзия Маяковского // Прикамская коммуна. — Чистополь, 1938. — 18 апр.

О критике сценария // Кино. — 1938. — 17 мая.

Вклад в мировую литературу // Курортная газета. — Сочи, 1938. — 26 июня.

Наш поэт // Ленинградская правда. — 1938. — 18 июля.

То же: Дновец. — Дно, 1938. — 20 июля.

Поэт-боец // Лесная индустрия. — 1938. — 18 июля.

То же: Сталинская правда. — Пушкин, Моск. обл., 1938. — 20 июля.

Слушайте, товарищи потомки! // Советское искусство. — 1938. — 14 апр.

Театр публициста // Там же. — 1938. — 18 июля.

Неудачная пьеса // Там же. — 1938. — 26 июля.

О пьесе Б.Лавренева «Начало пути».

Маяковский на сцене: К 8-ой годовщине со дня смерти В.Маяковского // Декада московских зрелищ. — 1938. — №11. — С.8.

Владимир Маяковский: [Вступит. ст.] // Маяковский. Стихи. Поэмы. Проза. — М.;Л.: Детиздат, 1938. — С.5-32.

[Предисловие] // Певец революции: (Для детей старш. шк. возраста) — М., 1938. — С.1-2. — (Микрофон. материалы Всес. Радиокomiteта; №41. Сектор дет. вещания). — Стеклогр. изд. На правах рукописи. — 110 экз.

«Таджикская песня»: («Шах-девица»): Для голоса с ф-но (№15569г) / Сл.: О.Брик.; Муз.: З.Фельдман. — М.: Музгиз, 1938.

Творческие пути советской кинокомедии: (Из речи) // Кино. — 1939. — 11 июня.

«Синяя птица» // Там же. — 1939. — 23 авг. О сценарии Е.Помещикова и Б.Ласкина.

«Командиры запаса» // Там же. — 1939. — 23 сент.

О сценарии С.Кананькина.

Владимир Маяковский: Театрализованный рассказ

о жизни и творчестве с чтением стихов, инсценировками и пением // Затеишник. — 1940. — №3. — С.1-21.

Глазами поэта // Кино. — 1940. — 11 апр.

Талантливейший поэт советской эпохи // На страже. — 1940. — 12 апр.

Поэт-большевик // Социалистическое земледелие. — 1940. — 14 апр.

Співець дружби народів // Коммунист. — Киев, 1940. — 14 апр. — Укр.

Маяковский—сценарист // Искусство кино. — 1940. — №4. — С.8-9.

Маяковский и музыка // Советская музыка. — 1940. — №4. — С.51-59.

Поэт Владимир Маяковский // Дружные ребята. — 1940. — №4. — С.15-18.

«Поставщики подсобного материала» // Звезда. — 1940. — №7. — С.158-163. — Соавт.: О.Леонидов. *О судьбе своего киносценария «Белый пудель».*

«Ученье — свет, а неученье — тьма» // Искусство кино. — 1940. — №10. — С.57-58.

ИМО — Искусство молодых // Маяковскому: Сб. воспоминаний и статей — Л., 1940. — С.88-107.

* Поэт-новатор // Маяковский В.В. Две поэмы. — М., 1940. — С.3-8. — Нем.

Как это было // Детфильм. — 1941. — 9 янв. *О работе над сценарием «Отчаянная голова» («Сибиряки») для режиссера Л.Кулешова.*

По поводу жанра // Кино. — 1941. — 24 янв. *О фильме «Гибель «Орла»» (режиссер В.Журавлев).*

Новое в арифметике: [Фельетон] // Звезда. — Молотов, 1941. — 12 авг.

«Эрзац»: [Стихотв.] // Там же. — 1941. — 17 авг.

То же: Эстрадный сборник. — Молотов, 1941. — №1. — С.43.

Арийский брак: [Стихотв.] // Звезда. — Молотов, 1941. — 23 авг.

То же: Эстрадный сборник. — Молотов, 1941. — №1. — С.44-46.

Как они утку стряпали: [Цирковой этюд] // Эстрадный сборник. — Молотов, 1941. — №1. — С.34-37.

Политграмма: [Цирковой этюд] // Там же. — С.38-42.

Бандитские жены: [Стихотв.] // Звезда. — Молотов, 1941. — 31 авг.

На боевые темы // Там же. — 1941. — 5 сент. — Рец. на кн.: В бой за Родину!: Сб. стихов. — Молотов, 1941; Трутнева Е. Птицы: Пьеса. — Молотов, 1941; Юркина М. Подозрительный: Пьеса. — Молотов, 1941.

Выстрел Коллета: [Стихотв.] // Там же. — 1941. — 7 сент.

Зиме навстречу: [Стихотв.] // Там же. — 1941. — 18 сент.

Странная история: [Стихотв.] // Там же. — 1941. — 12 окт.

[Рецензия] // Там же. — 1941. — 21 окт. — Рец. на кн: Трутнева Е., Новикова З., Асанова Н. Юные патриоты. — Молотов, 1941.

Путеобходчик Мальцев: [Стихотв.] // Сталинская путевка. — Молотов, 1941. — 7 нояб.

* Маяковский // Маяковский В.В. Избранные стихотворения. — М., 1941. — С.5-16. — Нем.

Счастливым путем: [Стихотв.] // Сталинская путевка. — Молотов, 1942. — 1 янв.

Фашистскому сброду — подарки к Новому году: [Стихотв.] // Там же.

Знамя Ленина: [Стихотв.] // Там же. — 1942. — 21 янв.

Лыжная, уральская: [Стихотв.] // Звезда. — Молотов, 1942. — 22 февр.

Случай в Копенгагене: [Стихотв.] // Сталинская путевка. — Молотов, 1942. — 23 февр.

Советским женщинам: [Стихотв.] // Там же. — 1942. — 8 марта.

Баллада об испанце: [Стихотв.] // Звезда. — Молотов, 1942. — 10 марта.

Наше слово: [Стихотв.] // Там же. — 1942. — 19 марта.

Иван Грозный: Историческая трагедия. — Молотов, 1942, — 72 с. Тираж 5000 экз.

1943: [Стихотв.] // Сталинская путевка. — Молотов, 1943. — 1 янв.

Случай в Кунгуре, как было в натуре: [Стихотв.] // Там же. — 1943. — 5 янв. — Подпись: О.Б.

Правдивые зарисовки в энской столовке: [Стихотв.] // Там же. — 1943. — 30 янв. — Подпись: О.Б.

Уточнил: [Юмореска] // Крокодил. — 1943. — №24. — С.7.

Сложная комбинация: [Юмореска] // Там же. — 1943. — №28. — С.5.

Неприятный казус: [Юмореска] // Там же. — 1943. — №29. — С.6.

В гестапо: [Юмореска] // Там же. — 1943. — №40. — С.4. — Подпись: О.Б.

О том, чего нет // Там же. — 1943. — №46/47. — С.6.

О выставке «Героический фронт и тыл» в Третьяковской галерее.

Окно ТАСС №654 (№740) / Худож.: В.Айвазян. — М., 1943. — 27×117 см. — 600 экз

Окно ТАСС №662 (№748) / Худож.: В.Соколов. — М., 1943. — 185×107 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №681 (№767) / Худож.: М.Соловьев. — М., 1943. — 178×82 см. — 700 экз.

Окно ТАСС №688 (№774) / Худож.: С.Костин. — М., 1943. — 160×82 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №692 (№779) / Худож.: Г.Савицкий. — М., 1943. — 165×87 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №693 (780) / Худож.: К.Лихачев. — М., 1943. — 145×102 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №699 (№787) / Худож.: В.Ладыгин. — М., 1943. — 170×112 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №700 (№788) / Худож.: Н.Денисовский. — М., 1943. — 207×80 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №701 (№789) / Худож. П.Саркисян. — М., 1943. — 130×110 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №712 (№800) / Худож.: Н.Денисовский. — М., 1943. — 120×124 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №717 (№805) / Худож.: В.Лебедев. — М., 1943. — 157×85 см. — 600 экз.

Окно ТАСС № 719 (№808) / Худож.: В.Люшин. — М., 1943. — 123×113 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №720 (№809) / Худож.: С.Костин. — М., 1943. — 176×87 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №737 (№827) / Худож.: П.Соколов-Скала. — М., 1943. — 122×125 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №746 (№837) / Худож.: П.Саркисян и В.Люшин. — М., 1943. — 130×104 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №770 (№863) / Худож.: П.Соколов-Скала. — М., 1943. — 179×87 см. — 600 экз.

То же: М., 1944. — 42×20 см. — Хромолит. — 20000 экз.

Картина вышла на улицу: (Из опыта работы в редакции военно-оборонного плаката — «Окна ТАСС») // Знамя. — 1944. — №2. — С.187-191.

О языке // Крокодил. — 1944. — №2. — С.7. — Подпись: Брикар. Соавт.: А.Каранович.

Сердечные друзья: [Скетч] // Фрицебойка. — 1944. — 1 янв. — Прилож. к газ. «В бой за Родину».

Окно ТАСС №782 (№886) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1944. — 137×140 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №794 (№899) / Худож.: Кукрыниксы. — М., 1944. — 165×87 см. — 600 экз.

То же: М., 1944. — 41×20 см. — Хромолит. — 20000 экз.

Окно ТАСС №824 (№935) / Худож.: С.Костин. — М., 1944. — 181×86 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №832 (№946) / Худож.: П.Соколов-Скала. — М., 1944. — 215×82 см. — 1140 экз.

То же: М., 1944. — 50×20 см. — Хромолит. — 20000 экз.

Окно ТАСС №835 (№949) / Худож.: А.Волков. — М., 1944. — 142×180 см. — 900 экз.

Окно ТАСС №839 (№954) / Худож.: М.Соловьев. — М., 1944. — 126×125 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №850 (№937) / Худож.: М.Соловьев. — М., 1944. — 123×125. — 600 экз.

Окно ТАСС №859 (№976) / Худож.: М.Соловьев. — М., 1944. — 130×124 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №880 (№1009) / Худож.: В.Люшин. — М., 1944. — 140×175 см. — 620 экз.

Окно ТАСС №883 (№1013) / Худож.: А.Пржецлавский. — М., 1944. — 125×140 см. — 600 экз.

Окно ТАСС №906 (№1036) / Худож.: К.Вялов. — М., 1944. — 135×123 см. — 820 экз.

Окно ТАСС №924 (№1056) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1944. — 184×85 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №935 (№1067) / Худож.: К.Вялов. — М., 1944. — 135×120 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №941 (№1073) / Худож.: С.Костин. — М., 1944. — 173×87 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №951 (№1084) / Худож.: Н.Денисовский. — М., 1944. — 130×119 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №969 (№1102) / Худож.: Кукрыниксы. — М., 1944. — 162×87 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №979 (№1117) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1944. — 130×124 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №999 (№1140) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1945. — 137×84 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №1006 (№1147) / Худож.: П.Соколов-Скала. — М., 1945. — 170×87 см. — 850 экз.

Окно ТАСС №1007 (№1148) / Худож.: В.Милашевский. — М., 1945. — 148×87 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №1014 (№1157) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1945. — 156×81 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №1017 (№1160) / Худож.: В.Ладягин. — М., 1945. — 138×87 см. — 650 экз.

Окно ТАСС №1044 (№1178) / Худож.: П.Саркисян. — М., 1945. — 142×123 см. — 850 экз.

О.В.Егошина, В.Ф.Спиридонов
Литература начала века в зеркале психиатрии

Незнакомый образ знакомого предмета в чем-то расширяет наше представление о самом предмете, о способах его восприятия. И в данной статье нас интересует отражение литературы начала века в доньне не привлекавшем внимание исследователей зеркале существовавшего в 1920-х гг. нашего века малоизвестного направления психиатрии, носящего название эвропатологии. Из самых разных возможностей рассмотрения литературы (как корпуса текстов, как криптограммы духа и т.д.) представители данного подхода увидели в ней (и шире — в искусстве и науке в целом) материал для клинического анализа, проявление болезни, предмет профессионального интереса психиатра. Особенно их интересовали два момента: генезис гениальности и собственно патологические черты авторов художественных произведений.

Сейчас нас поражает сам принцип подобной работы с литературными текстами и документами: наивность исходных посылок, простота, с которой делаются обобщения и выписываются рецепты. Вызывает завистливое удивление доверчивость исследователей, которые всегда верят автору «на слово» или выбирают выдающихся ученых для своего анализа на основании решения комиссии по улучшению быта ученых (точнее — «особого совещания по выдаче так называемого дополнительного академического обеспечения»¹). Статьи, о которых пойдет речь, трудно назвать «научным» разбором (да и вообще разбором) художественного творчества. Но независимо от этого они, безусловно, являются документом своей эпохи и кроме того — частью литературы своего времени.

Данное направление исследований не получило широкой известности, не может похвастаться ни особо значимыми результатами, ни крупными учеными. Просуществовав менее десяти лет, оно подверглось разгрому вместе со многими другими направлениями психиатрии и было благополучно забыто, не оставив после себя практически ничего, кроме нескольких десятков статей. Однако, ключевая проблема подхода — источники и природа художественного творчества — по-прежнему остается актуальной.

«Гений или замечательный человек есть результат двух скрещивающихся биологических родовых линий, из которых одна линия предков (примерно скажем — линия отцовских предков) является носителем потенциальной одаренности, а другая же линия предков (материнская) является носителем психотизма или психической ненормальности. Это био-генетический закон гениальности»² — эти слова принадлежат д-ру Г.Сегалину, главному редактору выходив-

шего в Свердловске с 1925 по 1930 гг. специализированного журнала «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», в котором, как сообщалось в предисловии к изданию, сотрудничали ведущие отечественные психиатры, а также ряд зарубежных специалистов. За пять лет коллективной работы психопатологические черты были найдены у Пушкина, Лермонтова, Иисуса Христа, Флобера, Льва Толстого, Магомета, Бетховена, Эдгара По, Гоголя, Гаршина, Есенина и многих других.

У основоположника советской литературы Максима Горького один из постоянных авторов журнала московский психиатр д-р И.Б.Галант обнаружил следующие душевные заболевания: суицидоманию (стремление к самоубийству), делирий (нарушение сознания, сопровождающееся галлюцинациями, бредом, двигательным возбуждением), пориоманию (патологическую страсть к бродяжничеству), психопатологию сновидной жизни (нем. Traumleben).

На основании анализа литературных текстов и некоторых биографических источников (которые создавались с опорой на те же самые тексты³) он пришел к выводу, что предки Горького имели ярко выраженные патологические черты. «Жестокость была основной чертой большинства индивидов двух семей — Кашириных (со стороны матери) и Пешковых (со стороны отца)».

Дедушка Горького по отцу Савватей Пешков за жестокое обращение с солдатами был сослан в Сибирь⁴.

Отец Горького Максим Пешков получил жестокость в наследство «в виде утонченного садизма, который находил свое выражение в наслаждении страхом, нарочно вызываемом им в окружающих людях». Из этого Галант делает вывод, что предки Горького по линии отца «никак иначе не могут быть определены, если не как психопаты».

Дедушка Каширин был в молодости вспыльчив и «бил жену до крови, иногда целыми днями». В старости заболел старческим слабоумием.

Бабушка Акулина Ивановна — единственная светлая фигура среди предков Горького — «гениальная женщина, насколько вообще существует народный гений». Единственное пятно на ее светлом облике — непатологический алкоголизм.

«Мать Варвара Васильевна Каширина была самая обыкновенная, заурядная женщина не без сильной примеси психопатических черт». Незадолго до смерти, взволнованная, что Алексей не вызвал отчима к ней, она схватила его за волосы, взяла в другую руку длинный гибкий нож, сделанный из пилы, и с размаха несколько раз ударила Алексея плашмя.

Подводя итоги обзора, Галант меланхолически замечает: «Мы встретили в предках Горького: душевные болезни, психопатии, алкоголизм, дегенератив-

ные типы. Такая отягченная наследственность не могла не отразиться на знаменитом потомке⁵. Собственно, потому он и стал Горьким.

Основная идея данного направления психиатрической науки чрезвычайно проста: существуют реальные факторы (патология и одаренность), передающиеся по наследству, сочетание которых в определенных пропорциях предопределяет появление психологических типов, способных на экстраординарные достижения в области художественного или научного творчества. При этом источником выявления врожденных черт может служить анализ как биографического материала (воспоминаний, дневников, писем современников и т.п.), так и художественных текстов изучаемого автора. И тот, и другой вид источников приобретают здесь силу *медицинского* документа, создающего основу для настоящего диагноза, хотя он и ставится «задним числом».

«Александр Блок.

По отцовской линии.

Прадед — Иван Леонтьевич, врач времен Елизаветы Петровны, мекленбургский выходец, прибыл в Россию в 1755 г. Лейбхирург. Литератор...

Дед — Лев Александрович. Правовед, служил в Сенате и был предводителем дворянства. Был большой ловелас и скупой. Душевнобольной. Окончил жизнь в психиатрическом заведении.

Бабушка — ее отец Александр Львович Черкасов, губернатор г. Москвы, был человеком из ряда вон жестоким и деспотичным...

Тетка Ольга — музыкальна, играла на фортепиано.

По линии матери.

Прадед со стороны бабушки (жены Бекетова) Григорий Сылчу Карелин — чрезвычайно талантливый и энергичный исследователь Средней Азии, естествоиспытатель, был сослан Аракчеевым в Оренбург за смелую шутку.

Мать была девушкой необыкновенной, веселая проказница, смешила сестер до упаду.

Ее странности проявились с 14 лет. Однажды увидела утопленника, с ней сделался припадок, не могла держаться на ногах, ее водили за руки: 3 дня не могла ни есть, ни спать и смотрела перед собой неподвижным взглядом и молчала (мутизм).

«Леонид Андреев.

По линии отца.

Отец был землемер. По характеру это был человек с патологической психикой. Часто сильно и запойно пьянствовал, в это время он доходил до буйных скандалов и до драк, скандальная роль в которых принадлежала ему. Был очень суров и жесток, так что в семье его все боялись.

Умер от кровоизлияния в мозг сравнительно молодым (42 года).

По линии матери.

Про свою линию материнскую сам Леонид Андреев в своей автобиографической записке говорит: «...Пылкое фантазерство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников»...

Мать, урожд. Пацковская, была очень эксцентрическая с чудачествами, изобличавшими в ней шизоидную натуру⁶.

В каком же виде отражается литература в зеркале психиатрии? Точнее, существует ли здесь какое-то

ее особое изображение? На примере целого ряда текстов мы можем констатировать наличие специфической профессиональной деформации, особого психиатрического взгляда на литературу, характеризующегося определенной целостностью. И дело даже не в том, что литературные персонажи привлекаются для иллюстрации клинических описаний, а с помощью научных теорий объясняются мотивы и поступки действующих лиц. Это не главное и не слишком характерно для эвропатологов, хотя подобных примеров существует достаточно много⁷. Описание патологии и ее влияния — вот что становится центральным самодовлеющим моментом анализа. Цель такого исследования — разоблачить патологию, сделать ее явной в любом, даже самом невинном облике. В теории З.Фрейда невротиками (актуальными, а не потенциальными!) являются все без исключения, психологической нормы не существует. Но неврозы поддаются излечению посредством психоанализа (для специалиста этот тезис требует определенных оговорок, но мы не будем углубляться в тонкости). Не так обстоит дело здесь.

Патология есть постоянно действующий фактор. «Никто не изучает аномальную психику гениально или талантливо одаренных людей с их аномальным творчеством... В творчестве всегда есть аномальное и патологическое⁸. Как явствует из многочисленных примеров и био-генетического закона гениальности, в данном случае речь идет о пограничных, а то и болезненных состояниях сознания, имеющих раз и навсегда данную наследственную природу и с большим трудом поддающихся врачебному воздействию.

Для изучения «всей патологии великих <людей> и всей патологии гениального и одаренного творчества, которые объединяются в одно понятие⁹, предлагалось создать специальную науку — эвропатологию. «Под эвропатологией мы понимаем всякую патологию, которая связана и сопровождается, так или иначе, с творчеством и с творческой личностью». «Точно так же как сексуальная жизнь общества создает сексуальную психопатологию, на принципах которой может быть регулируема сексуальная жизнь людей».

Из целого ряда разнородных необходимостей создания новой науки особого внимания заслуживает необходимость историческая: «Необходимость государственным и общественным органам руководиться каким-либо научным критерием при регулировании вопросов, касающихся одаренного творчества, одаренной личности. До сих пор применяемый принцип государственного или частного «меценатства» должен замениться эвропатологической экспертизой... не с точки зрения «хорошо» или «плохо», а с точки зрения: соответствует ли это произведение или этот талант законам симптоматики данного творческого типа или это есть симуляция таланта, симуляция творческого произведения»¹⁰.

Из этого пассажа становится понятной еще одна важная черта «психиатрического» взгляда, особенно заметная при анализе литературных персоналий: пристальный интерес не к возможностям творческого сознания, а к нормам и ограничениям, которые налагают на него патологические особенности психики. Требование научных критериев, представление о существовании устойчивых творческих типов и опасность симуляции таланта (т.е. таланта в каком-то

одном устойчивом понимании) обнажают и социальную ангажированность данного направления, и небольшую агрессивность его последователей (тот, кто не с нами, тот...), и его ориентацию на распространенные житейские предрассудки и не слишком развитые эстетические оценки. Заметим также, что творческое сознание и шире — вся душевная жизнь — напоминают здесь скорее механизм, чем живую субстанцию.

Конкретные эвропатологические анализы быстро и резко изменили основные постулаты подхода. Был сделан вывод о том, что патология креативна (или напрямую способствует творчеству), норма же творчески бесплодна. Однако такой ход мысли приводит к настойчивым поискам патологии в любой творческой деятельности. Более того, при его последовательном проведении от нее ничего кроме болезненного дефекта и не остается: если тщательно соскоблить тонкую «пленку» сознания, откроются патологические бездны.

Д-р В.С.Гриневич в своей статье «Искусство современной эпохи в свете психопатологии» считает большим все современное ему искусство. Центральный тезис статьи: «Думая очень мало о содержании творчества, все эти многочисленные “исты” специализировались на чисто внешней стороне создаваемого ими нового стиля. Это бегство от реальности в сторону формальных тенденций, собственного душевного аппарата. Это аутизм — симптом шизоидной психики». Таким образом, все творчество «истов» (кубистов, экспрессионистов, имажинистов и т.д.) имеет шизоидную природу. Статья посвящена обоснованию этого тезиса.

Особый акцент сделан на перечислении симптомов. Во-первых, уход от реальности. «Мы видим, как бегут так называемые крестьянские поэты — Клюев, Есенин, Орешин, — от социализма в Китеж-град, в Испанию... в созданный ими фантастический, мало подвижный мир изыаной канонной Руси».

Далее. «Современные художники возвращаются к архаически-примитивному диалогическому способу мышления, свойственному дикарям и душевнобольным шизофреникам». Иллюстрируя это положение, Гриневич сопоставляет стих Велимира Хлебникова, иронически именуя его «современным Пушкиным» в кавычках, с реальными стихами пациента психиатрической клиники, находя, что в обоих случаях «стихотворение превращается в ряд первобытных звуков, лишенных смысла».

«Чувство реальности у дикаря и больного шизофреника ослаблено. Дикарь проецирует свои чувства во внешний мир». То же самое легко обнаруживается и в искусстве. «С историей он запанибрата, с революцией на “ты”, на бога бросается с сапожным ножом (Маяковский)».

Кроме этого, «дикарь и шизофреник, не обладая мышлением причинным, склонны к мышлению магическому. Новая русская литература также полна мистико-церковного содержания и оформления. При чем религия братается с эротикой. Эротизм переходит в цинизм (как у Мариенгофа, Клюева, Есенина, “Серрапионовых братьев”, Никитина). “Я чувствую, что вся революция пахнет половыми органами” — крылатый афоризм Пильняка... За цинизмом ранних стихов Маяковского, цинизмом Есенина и даже Эренбурга видится одна из главных особенностей

шизоидной психики — безверие или потухание веры, отсутствие аффективной целеустремленности».

Автор считает, что одной из главных особенностей современного искусства является склонность к стилизации. «Стремление к стилизации пронизывает всю современную литературу. Андрей Белый располагает слова зигзагами, треугольниками, колонками, лестницами. У Пильняка сумбурно повторяются одни и те же лирические вставки. У Маяковского используется стилизационный механизм в виде симметричной, зеркальной расстановки слогов и их повторения. Эта склонность к стилизации является механизмом шизоидным, аутистическим». «В стилизованном произведении находится примирение между “Я” и внешним миром».

В статье перечислены еще некоторые признаки, которые якобы доказывают основную мысль. «Шизофреник все сводит к схеме. Современные кубисты, экспрессионисты, мерзисты, так именно и укладывают все в схему». Амбивалентность образов — тоже признак шизоидности; «склеивание образов в речи с образованием новых слов — “неологизмов”» — тоже и т.д.

Искусство предстает в виде огромного сумасшедшего дома. Все писатели — шизоиды и легко классифицируются на основании этого основного признака. «На одном полюсе группа шизоидов-гиперэстетиков, мечтательных, сентиментальных, нежных, с мимозоподобной тонкостью чувств, а от нее ряд переходов к противоположному полюсу аффективной тупости, душевной опустошенности и безразличия»¹¹. Кстати, примером колебаний между этими двумя полюсами автор считает жизненный путь и самоубийство Есенина.

Мир, который встает со страниц эвропатологических статей, отличается целым рядом специфических особенностей. Мы можем назвать его тотальным: он полностью охватывает человека. Для находящегося внутри него он замкнут и всеобъемлющ: патология выступает единственной (но достаточной) побудительной причиной и принципом объяснения. Этот мир отличается фатальной предопределенностью и невозможностью его покинуть: душевная болезнь действует независимо от ваших индивидуальных усилий и знания о ней. Субъект не имеет здесь никакой свободы, он привязан к проявлениям своей большой или тяготеющей к болезненным состояниям «натуре». При этом он не может «выздороветь», т.е. измениться. И если вы не принимаете такого объяснения, значит, вы недостаточно знаете об особенностях патологии.

Именно в этом мире мыслимо единственное в своем роде биологическое определение интеллигенции. «Нам делается понятным в биологическом смысле туманное понятие “интеллигенции”. С эвропатологической точки зрения под “интеллигенцией” мы должны понимать те группы по гальтоновской лестнице одаренности, которые характеризуются как эвропозитивные группы»¹². (По Ф.Гальтону, это группы, которые начинаются от многочисленных представителей средней одаренности и простираются вплоть до редко встречающейся группы гениев). Таким образом, интеллигентность с одной стороны выступает как другое название одаренности, а с другой — является врожденным (и наследуемым!) качеством и опирается на наследственную отягощенность.

Давно замеченный парадокс тридцатых годов (дискредитация и уничтожение носителей и буквально до запятой воплощение их раскритикованных идей) находит здесь еще одно подтверждение. Эвропатологический взгляд на интеллигенцию (в первую очередь творческую) как на нечто сомнительное, болезненное, отягощенное тяжелой «наследственностью», неустойчивое, неспособное самостоятельно оценить продукт своего труда и потому нуждающееся в постоянной опеке и руководстве, на долгие годы стал определяющим в государственной политике. Во взаимоотношениях чиновника от культуры и художника легко узнается психиатр и его не совсем нормальные пациенты. Врач определяет вид и степень заболевания и назначает лечение. Литературные тексты теряют самостоятельную ценность и становятся свидетельствами «душевного» здоровья сочинителя, его способности правильно понять и отобразить происходящие преобразования жизни.

Зеркало психиатрии не искажает образ литературы, но находит для нее совершенно неожиданный ракурс: она предстает ловушкой для доверчивых авторов. Чтобы иметь возможность создать художественное произведение и вступить в регламентированное взаимодействие с чиновником от культуры, писатель *должен* «оказаться» больным, поскольку литература (и шире — вся творческая деятельность) — место приложения нездоровых способностей. В противном случае (здоровый или недостаточно отягощенный шизоидностью) он будет признан «попутчиком» или, что более вероятно, «симулянтом таланта».

В аналогичной по сути ситуации оказывается и исследователь. Обнаружив патологию у Горького и Льва Толстого, Тургенева и Достоевского, разобравшись с декадентами и экспрессионистами, европатологи могли бы продолжить анализ и отыскать отягощенную наследственность у официально признанных авторов (например, у деятелей РАППа). Но они не позволили себе такой дерзости, поэтому их научная позиция отличается заметной двусмысленностью: либо патологическое происхождение необходимо для становления лишь социально «неблизких» авторов, а пролетарские писатели могут обойтись и без него, либо признанные советские писатели просто абсолютно нормальны, а следовательно, в свете европатологических воззрений, бездарны. «А это значит, что мы постепенно научаемся смотреть на патологические явления диалектически»¹³.

Примечания

1. Филипенко Ю.А. Евгеническое исследование ленинградских ученых. Цит. по: Сегалин Г.В. К патогенезу ленинградских ученых и деятелей искусств // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). Свердловск, 1928. Т.4. Вып.3. С.4.
2. Сегалин Г.В. Патогнез и биогнез великих и замечательных людей // Там же. 1925. Т.1. Вып.1. С.29.
3. Егوشина О.В. Формирование образа Максима Горького и его драматургическое творчество 1898-1904 гг.: Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. искусств. М., 1993.
4. Даже на фоне жестокостей военной службы николаевского времени бесчеловечное обращение деда Горького с солдатами было столь вопиющим, что закончилось для него разжалованием и ссылкой в Сибирь.
5. Галант И.Б. Генеалогия Максима Горького, а также общая характеристика личности Горького в связи с его наследственностью и с переживаниями детства // Клинический архив гениальности и одаренности. 1925. Т.1. Вып.4. С.115-127.
6. Сегалин Г.В. Патогнез и биогнез великих и замечательных людей // Там же. 1925. Т.1. Вып.1. С.55-70.
7. Очень характерны в этом отношении и достаточно старые работы Леонгардта, Блейера, Гринингера, и многие современные публикации.
8. Сегалин Г.В. О задачах европатологии // Клинический архив гениальности и одаренности. 1925. Т.1. Вып.1. С.10.
9. Сегалин Г.В. Вступление // Там же. С.4.
10. Сегалин Г.В. О задачах европатологии // Там же. С.7-11.
11. Гриневиц В.С. Искусство современной эпохи в свете психопатологии // Там же. 1928. Т.4. Вып.1. С.34-50.
12. Сегалин Г.В. Кривая одаренности по Гальтону и европатология // Там же. 1928. Т.4. Вып.3. С.42.
13. Сегалин Г.В. О задачах европатологии // Там же. 1925. Т.1. Вып.1. С.17.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Мережковский Д.С. Наполеон / Послесл. А.Н.Николюкина. — М.: Республика, 1993. — 319 с. — Тираж 51000 экз.

Переизданием этого биографического романа, впервые вышедшего в 1929 г., наши издатели продолжают штурмовать творческое наследие Мережковского. Вспомним, как еще недавно советские издательства, словно соревнуясь друг с другом, выпускали дореволюционные исторические романы писателя. Творчество Мережковского эмигрантского периода представляет, несомненно, более широкое поле для их деятельности. Но напрасно автор послесловия уверяет, что «Наполеон» в России издается впервые; насколько нам известно, первое с 1929 г. переиздание романа вышло в 1992 г. в Нальчике тиражом 100000 экз.

Стереоскоп: Антология петербургской фантастики / Сост. Е.Белодубровский, Д.Равинский. — СПб.: СПбФК, 1992. — 156 с. — Тираж 50000 экз. — (Петербургское легкое чтение).

Сборник продолжает серию, открытую Санкт-Петербургским фондом культуры в 1991 г. книгой «Язывы Петербурга: Сборник газетного фельетона конца XIX — начала XX вв.» (составление, подготовка текста и комментарии Л.Я.Лурье). В этой книге были собраны произведения, жанр которых с некоторой натяжкой можно было бы определить как «физиологический очерк». Авторы — некогда известные петербургские газетчики В.О.Михневич (1841-1890), А.А.Бахтияров (1851-1916), Н.Н.Животов (1858-1900) и Ю.Ангаров.

Новая книга серии подготовлена с тем же вкусом к забытым именам и произведениям. Публикуются рассказы С.А.Ауслендера из цикла «Петербургские апокрифы» («Ночной принц», «Туфелька Нелидовой», «Филимонов день»), А.П.Иванова (1881-1933) — «Стереоскоп» (высоко оцененный в свое время М.Волошиным), С.Михайлова — «Крюков канал», А.А.Измайлова — «Букинист», И.С.Лукаша — «Черт на гауптвахте», «История одной треуголки», «Карта Германии», «Куранты».

Крюков Ф.Д. Казацкие мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Г.М.Миронова. — М.: Художественная литература, 1993. — 446 с. — 50000 экз. — (Забытая книга).

Продукция издательства «Художественная литература» впервые появляется в «Обзорах» «DV», и в высшей степени символично, что аннотируемое нами издание — из серии «Забытая книга». Если же говорить о Федоре Крюкове, а не об издательстве «Художественная литература», то к этому писателю вряд ли уже можно применить эпитет «забытый»: за «перестроечные» годы вышло по крайней мере два издания его сочинений (в 1990 г. в Краснодаре и Москве; московский сборник, кстати, был подготовлен известным шолоховедом Ф.Г.Бирюковым). В «худлитовской» книге — рассказы и очерки 1894-1915 гг., повесть «Неопалимая купина», воспоминания о П.Ф.Якубовиче, Н.Ф.Анненском и др. произведения, частью уже переиздававшиеся в указанных сборниках. Кажется, будто составители сознательно обходят стороной произведения Крюкова 1918-1920 гг., рассыпанные по страницам донской прессы. Дождемся ли мы их переиздания?

Осоргин М. Мемуарная проза / Сост., вступ. ст. и примеч. О.Г.Ласунского. — Пермь: Пермская книга, 1992. — 285 с. — Тираж 5000 экз. — (Литературные памятники Прикамья).

С некоторым запозданием мы выполняем обещание, данное читателю еще в «нулевом» номере, и помещаем аннотацию на эту книгу М.Осоргина. В сборник вошли очерки и отрывки из книг писателя, посвященные детству и юности, которые писатель провел на Каме. Книга снабжена довольно подробным биографическим предисловием, небольшим по объему, но емким комментарием.

Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году / Британский Бизнес-Клуб; Российский независимый институт социальных и национальных проблем. — М., 1992. — Тираж не указан. — 256 с.

Сборник составили политические фельетоны, анекдоты, карикатуры, афоризмы и пр., опубликованные в 1917 г. в московских и петроградских журналах «Барабан», «Бич», «Бомба», «Будильник», «Журнал журналов», «Искры», «Новый Сатирикон», «Огонек», «Стрекоза», газетах «Вечернее время»,

«Биржевые ведомости», «Правда», «Простая газета», «Рабочий путь», «Русское слово» и «Утро России». Выявление и отбор текстов произвел коллектив сотрудников Российского независимого института социальных и национальных проблем; руководитель — А.П.Ненароков.

Среди авторов как известные, так и забытые сатирики того времени — Н.Тэффи, А.Аверченко, А.Бухов, А.Грин, О.Л.Д'Ор, А.Амфитеатров, И.Гуревич, Б.Мирский, С.Полынов, А.Флит, М.Ефимов, А.Куприн, В.Севский, В.Стариков, А.Тамарин [Окулов], Е.Зозуля, М.Ольминский, Е.Дольский, В.Черный [Брнев Н.Н.], М.Линский [Шлезингер] и др.; иллюстрации — Ю.Анненкова, Б.Антоновского, Дени, С.Заборовского, В.Лебедева, Моора, М.Формаковского, Н.Радлова, Ре-ми, С.Судейкина и др.

Несколько игривое оформление книги и предисловие В.В.Журалева, содержащее самую общую характеристику периода и включенных в сборник текстов, как нам показалось, диссонирует масштабу работы, проделанной составителями; ими же были сделаны краткие подстрочные примечания, раскрывающие некоторые исторические реалии, и подготовлены биографические справки об авторах.

Русская кармическая поэзия XX века / Сост. и вступ. ст. Э.А.Обуховой. — Харьков: Изд-во «Основа» (при Харьковском государственном университете), 1993. — 208 с. — Тираж не указан.

«Идея сборника, объединившего сто пятьдесят произведений русских поэтов, беспрецедентна и является в известной мере ключом, попыткой их толкования. Стержень книги — мысль о кармическом мироощущении у русских поэтов» (из издательской аннотации). «Все поэтические тексты так или иначе проникнуты глубиной мыслью о карме: от состояния анамнезиса до осознания причин повторения ситуации (круженья)» (из вступительной статьи).

Книгу составили наиболее «кармические», как оказалось, стихотворения Д.С.Мережковского, Ф.Сологуза (циклы «Звезда Маир» и «Когда я был собакой»), А.А.Блока (в том числе — «На поле Куликовом», «Шаги Командора»), Н.С.Гумилева («Озеро Чад» и др.), А.А.Ахматовой, О.Э.Мандельштама, В.Ф.Ходасевича, К.Д.Бальмонта, М.И.Цветаевой, Д.Л.Андреева.

Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. — Томск: Водолей, 1992. — 128 с. — Тираж 12000 экз.

Этой книгой молодое томское издательство заявило о своем существовании и сразу же заставило о себе говорить. «В Томске наконец появилось издательство с интеллигентным лицом», — констатировал обозреватель газеты «Сибирская книга» (1992. №1). Книга представляет собой переиздание одноименного сборника 1908 г., дополненное не вошедшими в него переводами и вариантами переводов.

Струве Н. Осип Мандельштам. — Томск: Водолей, 1992. — 272 с. — Тираж 10000 экз.

Переиздание известной работы, впервые на русском языке появившейся в автопереводе с французского в 1990 г. в Лондоне.

Шарль Бодлер. Цветы зла и Стихотворения в прозе в переводе Эллиса. — Томск: Водолей, 1993. — 400 с. — Тираж 10000 экз.

Сборник воспроизводит два издания произведений Бодлера, вышедших в 1907 и 1910 гг. Переводы Эллиса (Л.Л.Кобылинского, 1879-1947) — первое, что появилось из его творческого наследия за последние 80 лет — как раз со времени его отъезда из России.

На третьей дошедшей до нас книге «Водолея» появилась информация, которая, может быть, что-то разъясняет в направлении и неожиданной для сегодняшнего дня ориентации нового издательства: «Учредитель издательства “Водолей” — Томская областная научная библиотека им. А.С.Пушкина». Среди книг, планирующихся в томском издательстве — сборник «Шпет в Сибири», повесть С.М.Соловьева «История Исминия» и др.

Булгаковский сборник: Материалы по истории русской литературы XX века / Сост. И.Белобровцева, С.Кульяс. — Таллинн, 1993. — 148 с. — Тираж 300 экз.

В сборник, подготовленный филологическим факультетом Таллиннского педагогического университета в 1992 г., вошли статьи, посвященные разным аспектам творчества Булгакова. В статье С.Митюрева и Р.Санжаровского «Достоевский и Булгаков: “Двойник” и “Дьяволиада”» (с.5-15) прослеживаются сюжетные, образные и др. параллели в произведениях писателей, на основе анализа которых делается вывод: «Творческая переключка Булгакова и Достоевского свидетельствует не только о литературных ориентациях автора “Дьяволиады”, но оказывается переключкой двух социальных систем — николаевской казенщины и большевистского абсурда <...>» (с.14). «Генетическая» близость «Мелкого беса» Сологуба и «Мастера и Маргариты» — тема работы Л.Спроге «Передоновский кот и Бегемот из свиты Воланда» (с.22-29). В заметках Ю.Гельперина «М.Булгаков и Честертон» (с.48-51) выявлены черты сходства в сюжете и функциях действующих лиц «Мастера и Маргариты» и «Человека, который был Четвергом», а также философская полемика концепций этих произведений. Статья С.Доценко «Гелла — кто она?» (с.16-21) посвящена происхождению мотивов, связанных с образом героини булгаковского романа: среди возможных источников исследователь называет русские апокрифические легенды об Иродиаде и некоторые произведения Ремизова 1900-х гг.

Одна из интереснейших работ сборника — исследование И.Белобровцевой и С.Кульяс «Роман М.Булгакова “Мастер и Маргарита” как эзотерический текст: “Масонский” слой романа» (с.30-39). Насыщенность булгаковского текста масонскими прояснениями авторы объясняют следующим образом: «Создавая особый социально-психологический образ художника, альтернативный по отношению к предлагаемому ортодоксальным искусством ряду литературных героев, М.Булгаков обратился среди прочего и к оккультной традиции. При этом оккультный мир романа складывался из разрабатываемых одновременно трех направлений — магия, алхимия, масонство,

где масонству отводилась не меньшая роль, чем остальным компонентам триединства. Все события, персонажи, детали романа оказались в точке взаимопересечения ассоциаций, относящихся к этим трем пластам» (с.37-38). Отметим и работу О.Г.Костанди «Архитектоника романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита"» (с.40-47), исследующую категории пространственного мышления писателя в их связи с композиционной структурой булгаковского произведения. Заключают статейный раздел сборника работы А.Мейера «Музыка в романе "Мастер и Маргарита"» (с.52-56) и Е.Невоструевой «"Аида" в "Мастере и Маргарите"» (с.57-61).

В отделе «Публикации» — первая редакция булгаковской пьесы «Блаженство» (с.70-119); ранее публиковалась только третья редакция. Предисловие и текстологический комментарий — В.И.Лосева (с.65-69, 120-147); подготовка текста В.Волкова.

Поэтический мир Велимира Хлебникова: Межвузовский сборник научных трудов / Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ин-та. 1992. — Вып.2. — 173 с. — Тираж 200 экз.

В сборник, составленный по материалам Хлебниковских чтений, состоявшихся в Астрахани в 1987 и 1989 гг., вошли работы: Тартаковский П.И. «"Единая книга" В.Хлебникова в структуре поэмы "Азы из Узы"» (с.3-12); Никитаев А.А. «Мнимые числа в творчестве Велимира Хлебникова» (с.12-21); Митурич М.П. «В.Хлебников и П.Митурич» (с.22-31); Емельянов В.А. «Проблема образа автора в рассказе В.Хлебникова "Николай"» (с.31-37); Ланцова С.А. «"Некарнавальный" карнавал В.Хлебникова: "Горе и Смех"» (с.37-45); Кожевникова Н.А. «О тропах В.Хлебникова» (с.46-56); Романенко А.П. «Теория языка Велимира Хлебникова в аспекте истории лингвистики» (с.57-67); Гарбуз А.В., Зарецкий В.А. «О мотивации некоторых текстов В.Хлебникова» (с.68-78); Викторин В.М. «Мотивы шаманства в поэзии В.Хлебникова» (с.78-84); Гервер Л. «Несколько замечаний по поводу спектакля "Настоящее": (Группа "Чет и нечет", 7 марта 1990 г.)» (с.85-91); Стахова Е. «Еще раз к проблеме соотношения слова и музыки: "Театр размеров" В.Хлебникова как музыкальный театр» (с.91-98); Колесова И.В. «Рождественская сказка "Снежничка" Велимира Хлебникова и весенняя сказка "Снегурочка" Александра Островского: (К вопросу о сценичности)» (с.99-110); Лоцилов И.Е. «О принципах работы Н.Заболоцкого с хлебниковской поэтической традицией» (с.111-119); Адаменко В.А. «Новый мифологизм в русском искусстве начала века: Хлебников и Стравинский» (с.119-127); Подольская Г.Г. «Б.Пастернак и В.Хлебников» (с.127-136); Аламдарова Э.Н. «В.Хлебников и Н.Асеев» (с.136-145); Спесивцева Л.В. «Образ Разина в поэме В.Хлебникова "Уструг Разина" и в стихотворении М.Цветаевой "Стенька Разин"» (с.146-151); Глинин Г.Г. «"Борис Годунов" А.С.Пушкина и поэма Хлебникова "Марина Мнишек": (Опыт сопоставительного анализа)» (с.152-159); Поляков Н.Н. «Нижневолжские мотивы в прозе Велимира Хлебникова» (с.160-168).

Завершает сборник библиография отечественных и зарубежных публикаций о В.Хлебникове за 1986-1991 гг. (с.169-170).

К проблемам истории русской литературы XX века: Сб. ст. / Под ред. Я.Шимака-Рейфера. — Краков, 1992. — 74 с. — Тираж не указан.

Сборник подготовлен кафедрой истории русской литературы XX века Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета и объединяет работы как известных ученых, так и дебютантов. Статья Я.Шимака-Рейфера «Литературоведение как игра» (с.11-20) с неожиданной стороны раскрывает книгу Б.Эйхенбаума «Мой современник» (1929). Статья Э.Корпала-Кириша «Опыт автотематического романа в прозе Бориса Пильняка» (с.23-30) основана на анализе таких произведений писателя, как «Материалы к роману», «Машины и волки». Художественный опыт Пильняка, по мнению исследовательницы, был близок исканиям Мейерхольда и Опояза и стимулировал «дальнейшие эксперименты в сфере активизации адресата художественного произведения» (леоновский «Вор», «Художник неизвестен» Каверина, поздний Катаев).

Х.Вашкелевич представила подборку материалов по ремизовскому «Обезвельволпалу» («Канцелярист обезьяньего царя Асыки Алексей Ремизов и его Обезвельволпал», с.41-50). А.Гильднер в статье «Литературные забавы в кругу издательства "Всемирная литература"» (с.53-62) проанализировала ряд шуточных произведений, созданных Блоком, Гумилевым, Шварцем и Замятиным в связи с их работой в издательстве. К.Руминская («К проблеме периодизации поэтического творчества Осипа Эмильевича Мандельштама», с.64-73) остановилась на произведениях поэта 1921-1925 гг.

«Свою меж вас еще оставлю тень...»: Ахматовские чтения. — М.: Наследие, 1993. — Вып. 3. — 235 с. — Тираж 1000 экз.

Третий, завершающий (?) выпуск Чтений, подготовленный в ИМЛИ РАН, составили в основном мемуарные тексты: Герштейн Э.Г. «Реплики Ахматовой» (с.4-11); Бабаев Э.Г. «Надпись на книге» (с.12-17); Зернова Р. «Иная реальность» (с.18-39); Хейт А. «Человек, а не легенда» (с.40-42); Каминская А.Г. «Памяти Аманды» (с.43-45); Верхейл К. «Несколько послеахматовских воспоминаний» (с.46-50); Найман А.Г. «Четыре стихотворения» (с.51-52); Волков С. «Вспоминая Анну Ахматову: Разговор с Иосифом Бродским» (с.60-101); Рейн Е. «Сотое зеркало» (с.102-116); Королева Н.В. «Анна Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов» (с.117-132); Кушнер А.С. «У Ахматовой» (с.133-141); Горбовский Г. «Видение в Комарове» (с.142-151); Мейлах М.Б. «...Свою меж вас еще оставив тень» (с.152-173); Ардов М.В. «Post scriptum» (с.174-179); Баженов М.Н. «Четыре московских инскрипта Ахматовой» (с.180-184); Петросов К.Г. «Шиповник Подмосковья...»: След земли коломенской в жизни и стихах Анны Ахматовой» (с.185-197); Гришунин А.Л. «Проводы Ахматовой в Москве 9 марта 1966 г.» (с.198-200).

Сборник включает подборку хрестоматийных фотографий и именной указатель ко всем трем выпускам Чтений. Как видно из содержания, сборник готовился давно, с академической неторопливостью — большая часть вошедших в него текстов уже не раз публиковалась в изданиях, выходящих гораздо

большим тиражом. И уже три года как вышел подготовленный М.М.Кралиным сборник «Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма» (Л., 1990). Целесообразность очередной перепечатки вызывает сомнения — неужели у имлийских (и не только имлийских) ученых не нашлось интересных статей и публикаций?

Текст и контекст: Русско-зарубежные литературные связи XIX-XX вв.: Сб. научн. тр. — Тверь, 1992. — 96 с. — Тираж 200 экз.

Сборник подготовлен в Тверском государственном университете и посвящен в основном литературе XIX в. В статье Л.В.Спицыной «Эстетическая мысль У.Морриса в восприятии русских писателей и критиков» рассматривается влияние работ английского критика на П.Кропоткина, Л.Толстого и др., а также на роман А.Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (с.41). В работе Ю.В.Доманского «Н.И.Костомаров и Дж.Оруэлл: Типология литературной “зоологической” сказки» (с.75-83) сделан сопоставительный анализ повестей «Скотский бунт» и «Звероферма». С.Н.Чумаков посвятил свою статью исследованию типологической близости произведений Д.Хармса и польского писателя К.И.Галчиньского («Галчиньский и Хармс: О природе сходного художественного явления», с.83-96).

Возвращенные имена: Писатели и поэты. Деятели культуры и искусства / Коми республиканская библиотека им. В.И.Ленина: Библиографический отдел; Отдел музыкальной литературы. — Сыктывкар, 1992. — 124 с. — Тираж 1000 экз.

Книга является продолжением одноименного рекомендательного библиографического указателя, вы-

шедшего в Сыктывкаре в 1990 г., и пополняет уже впечатляющую (по количеству) серию указателей по так называемой «возвращенной литературе». Читатель «DV» уже знаком с некоторыми из них по нашим аннотациям. Просматривая новое издание, в очередной раз жалеешь о том, что работа наших библиографов не скоординирована: расписаны те же издания, те же публикации и даже — с теми же ошибками. Не будем их перечислять, отметим только, что подготовленный в Сыктывкаре указатель отличается от ему родственных более широким кругом имен (например, включены художники Ю.Анненков, П.Филонов, театральные деятели Н.Эрдман, С.Волконский и др.) и наличием кратких биографических справок.

Каталог газет на русском языке (1917-1922 гг.), поступивших в основной фонд Отдела периодики ГПИБ России в 1990-92 гг. / Государственная публичная библиотека. — М., 1992 [1993]. — 102 с. — Тираж 200 экз. — Ротатор. изд.

Под этим суховатым и несколько даже дезориентирующим названием вышел указатель, чрезвычайно полезный в историко-литературной и библиографической работе. В книге описано 648 газет, ранее находившихся в фондах специального хранения: это издания оппозиционных большевикам партий, издания, выходившие на территориях, охваченных «белым движением», религиозные издания. Этот огромный пласт периодики все еще остается неисследованным, и вышедший указатель хоть в чем-то, но облегчит работу исследователя.

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные «De Visu» (март 1993 г.): Библиография; Вестник МУ: Сер.8. История; Вестник МУ: Сер.9. Филология; Вестник МУ: Сер.10. Журналистика; Военно-исторический журнал; Волга; Вопросы истории; Вопросы философии; Даугава; Детская литература; Дружба народов; Журналист; Звезда; Звезда Востока; Знамя; Известия СО РАН: История, филология и философия; Иностранная литература; Искусство кино; Кодры; Кубань; Лента; Литература в школе; Литературный Киргизстан; Литературная учеба; Литературное обозрение; Мир музея; Молодая гвардия; Москва; Музыкальная академия; Музыкальная жизнь; Наука и жизнь; Наука и религия; Наш современник; Нева; Неман; Новое время; Новый мир; Общественные науки и современность; Огонек; Октябрь; Отечественная история; Отечественные архивы; Подъем; Посев; Простор; Работница; Родина; Русская речь; Свободная мысль; Север; Сельская молодежь; Славяноведение; Слово; Смена; Современная драматургия; Согласие; Социологические исследования; Столица; Театр; Театральная жизнь; Фотография; Человек; Юность; Ясная Поляна.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Библиография:

В №2 — под заглавием «Посвящается Исааку Бабелю» избранная библиография писателя, составленная У.М.Спектором.

Там же — статья Л.В.Поликовской «Михаил Осоргин: Начало пути» (о ранних публикациях писателя 1890-х гг.); прилагается библиография «Публикации М.Осоргина в газетной периодике 1895—1901 гг.»

Там же — воспоминания Е.С.Шальмана «Трудом наполненная жизнь» о Т.Г.Цявловской, статья К.П.Богаевской и Е.С.Шальмана «Красота. Доброта. Щедрость» и библиография работ Т.Г.Цявловской, составленная В.В.Зайцевой.

Вестник новой литературы:

В №5 — стихотворения Е.Кропивницкого 1930-1970-х гг., сопровождаемые предисловием В.Кулакова «Е.Кропивницкий: “Я — поэт окраины”».

Там же — статья Е.Шварц «Реквием по теплому человеку, или Маяковский как богослов».

Вестник МУ: Сер.8. История:

В №2 — статья П.Иосифовой и Н.Цимбаева «“Русская идея” как элемент национального созна-

ния» (в основном, на материале работы В.Соловьева «Русская идея»).

Вестник МУ: Сер.9. Филология:

В №2 — статья Л.А.Колобаевой «Ахматова и Мандельштам: (Самосознание личности в лирике)».

Там же — обзорная статья А.Н.Захарова «Проблемы поэтики С.А.Есенина в отечественном и зарубежном литературоведении последних лет».

Там же — статья В.Н.Абросимовой «Первая английская биография Максима Горького и история издания ее перевода в России: (Из архивных разысканий)» о книге: Dillon E.Y. Maxim Gorky: His life and writings. L., 1902.

Там же — статья А.В.Злочевской «Проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века в освещении современной чехо-словацкой русистики».

Там же — под заглавием «Н.С.Трубецкой: Опыт праистории славянских языков» продолжение публикации писем Н.Трубецкого к Р.О.Якобсону (начало в №1; в этом номере — 7 писем 1924-1927 гг.), а также начало публикации писем Н.Трубецкого к Н.Н.Дурново (3 письма 1925 г.)

Волга:

В №3 — рецензия С.Орленко на книгу: Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х тт. СПб., 1991.

Там же — заметки О.Лойко о детских и юношеских годах В.Мейерхольда.

Даугава:

В №1 (январь-февраль) — очерки Ю.Д.Новоселова (1873-1955) «Анна Верман» (из рижской газеты «Сегодня», 1927, №186) и Б.Н.Шалфеева (1891-1935) «Верманский парк за сто лет» и «Четыре клада Верманского парка» (соответственно №187 и №194 «Сегодня» за 1927 г.); публикация [и предисловие] Ю.Абызова.

Там же — под заглавием «Три портрета Георгия Иванова» печатаются три статьи Г.Иванова: «Страх перед жизнью» (о К.Леонтьеве), «О новых русских людях» и «Встреча с Бермондт-Аваловым в Берлине» (соответственно в номерах «Сегодня» от 27 сентября 1927 г., 22 июля и 10 августа 1932 г., 10 декабря 1933 г.); предисловие и послесловие Б.Равдина.

Детская литература:

В №3 — статья Е.Путиловой «Ленинградская детская литература 20-х-30-х годов и мир детства» (о творчестве В.Бианки, М.Ильина, Г.Белых и Л.Пантелеева, М.Зошенко, Е.Шварца, С.Маршака, Д.Хармса, А.Введенского и др.)

Там же — статья Е.Щегловой «Не по-юбилейному...: К 125-летию М.Горького», посвященная защите М.Горьким Детского отдела ГИЗа в 1930 г.

Дидакт:

В №1 — рассказ А.Аверченко «Из-за двух копеек».

Звезда:

В №2 — стихотворения И.Анненского «В вагоне», «Среди миров» и «Петербург».

Знамя:

В №3 — статья Е.Добренко «Стой! Кто идет?!: У истоков советского манихейства» (о советской литературе об армии 1920-1930-х гг.)

Там же — под общим заглавием «Запрещенный смех» публикуются антибольшевистские рассказы писателей-«сатириконцев»: «Человек! Бутылку сельтерской!» А.А.Ренко, «Дело о гильотине» и «Миргород» А.Бухова, «Ретроспективный взгляд и удивление» и «Будущий день» Тэффи; вступление и публикация Р.Соколовского.

Истина и жизнь (Католический вестник):

В №3 — стихотворения Н.А.Павлович «Свет», «Ты думаешь — ты богата?», «Причащение» и «Оптина» (1960-е-1972 гг.)

Лепта:

В №2 — повесть В.Крейды «Сознайтесь, гражданин Блок», посвященная аресту А.Блока в 1919 г.

Там же — под заглавием «“Провидение вкуса”»: (Георгий Иванов — критик)» публикуются статьи Г.Иванова: «“Стихи о России” — Александра Блока» (Аполлон. 1915. №8/9), «Почтовый ящик» (Шех поэтов. Берлин, 1923. Вып.4), «В защиту Ходасевича» (Последние новости. Париж, 1927. №2542); рецензия на книги стихов А.Холчева «Гонг» и «Смертный плен» (Числа. Париж, 1930. Кн.2/3), рецензия на книгу стихов Б.Поплавского «Флаги» (Там же. 1931. Кн.5), «Без читателя» (Там же. 1931. Кн.5), «Вячеслав Иванов» (Возрождение. Париж, 1949. №5); «Памяти кн.С.А.Волконской» (Там же. 1950. №7), «Поэзия и поэты» (Там же. 1950. №10), «Литература и жизнь: (Маяковский, Есенин)» (Там же. 1950. №8); предисловие и составление В.П.Смирнова.

Там же — под заглавием «У меня взяли сердце...»: Неизвестные письма И.С.Шмелева А.В.Луначарскому публикуются 4 письма 1920-1921 гг., посвященные хлопотам об освобождении арестованного сына; вступительная статья и подготовка текста И.Тимашевой.

Там же — статья П.Толстогузова «Камень, который отвергли строители: (Идейное наследие евразийцев и сегодняшний день)»; к статье приложена краткая библиография евразийцев 1920-х гг.

Там же — стихотворение Саши Черного «Раздаватели венков».

Там же — стихотворение В.Ходасевича «Детская песенка».

Там же — рассказ И.Лукаша «Зоря».

Лехаим:

В вып. 13 (март-апрель) — рассказ И.Василевского (Не-Буквы) «Облава»; предисловие Р.Соколовского.

Литература в школе:

В №2 — статья В.Шербакова «Второе пришествие В.В.Розанова».

Там же — статья Е.А.Вольхиной «Маяковский сегодня» (о школьных уроках по творчеству поэта).

Литературная учеба:

В кн.2 — статья И.Лиснянской «Новогодняя ночь: (Из книги “Музыка “Поэмы без героя”»)» о сходстве

мелодики ахматовской поэмы и стихотворения М.Цветаевой «Кавалер де Гриз! Напрасно...» (1917).

Литературное обозрение:

В №3/4 — статья К.Поздняева «Расстрел по лимиту: Мифы и правда о трагической гибели Бориса Корнилова»; в статье приводятся материалы следственного дела поэта.

Там же — по рукописи публикуется «Некоторое количество разговоров (или Начисто переделанный темник)» А.Введенского; послесловие М.Мейлаха.

Там же — под заголовком «Э.Ренан и Россия» печатаются фрагменты статьи С.Н.Трубецкого «Ренан и его философия» (Русская мысль. 1898. Кн. 3) и предисловие П.М.Бицилли к книге: Ренан Э. Философские диалоги. Жрец Немейский. Одесса, 1919.

Мир музея:

В №1 — статья Т.Хлебянкиной «У Клычкова в Дубровках» (о музее С.Клычкова в Талдомском районе Московской области).

Молодая гвардия:

В №3 — статья И.Щеблыкина «Зигзаги приспособленчества: (Социально-философский смысл образа Грацианского): К 40-летию публикации романа Л.Леонова “Русский лес”».

Москва:

В №3 — статья В.Курбатова «Несвоевременный современник», защищающая М.Горького от критических выступлений последнего времени.

Там же — статья И.Ильина «О православии и католичестве» (печатается по его сборнику «О грядущей России», Джорданвилл, Нью-Йорк, 1991); послесловие Ю.Сохрякова.

Музыкальная академия:

В №1 — Л.Гервер, рецензия на книгу: Мандельштам О. «Полон музыки, музы и муки...». Л., 1991.

Там же — статья Г.Друбачевской «В саду... Над пропастью...», посвященная, в частности, спектаклям «Нищий, или Смерть Занда» (по пьесе Ю.Олеши) и «Вечер в сумасшедшем доме» (по произведениям А.Введенского, Д.Хармса, Н.Олейникова и Н.Заболоцкого) в театре «Эрмитаж», режиссер М.Левитин.

Музыкальная жизнь:

В №5 — статья В.Фрумкина «Песенные связи двух “социализмов” о родстве советских массовых песен 1920-1930-х гг. и нацистских, в частности: «Мы шли под грохот канонады...» (вольный перевод с немецкого М.Светлова), «Вперед, заре навстречу...» (перевод с немецкого А.Безыменского), «Авиамарш» (стихи П.Германа).

Народное образование:

В №2 — подборка материалов о педагогической деятельности А.Макаренко к 105-летию со дня его рождения; в том числе: статья М.Рощина «Педагогика здравого смысла» (в частности, об отношении М.Горького и Макаренко и истории издания «Педагогической поэмы») и статья Л.Чубарова «Его кредо — жизнь и творчество» (о художнике Б.Ф.Рыбченкове и его работе над иллюстрациями к первому изданию «Педагогической поэмы»; в тексте статьи

приведены два письма Макаренко художнику 1936 г.)

Наука и религия:

В №3 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало — в №№4-12 за 1992 г.и №1-2 за 1993 г.); в этом номере речь идет об истории средневекового Ордена тамплиеров и его обрядах в сопоставлении со взглядами московских анархомистиков 1920-х гг.

Наш современник:

В №3 — под заглавием «“И грозно озирает ширь...”: Геополитические мотивы в поэзии Брюсова» публикуется 7 стихотворений поэта: «То в этой распрекоковой...» (1904), «Крепись, о Русь, под шум ненастий...» (1904), «У райских врат, где ждут восторги...» (1915-1916; эти стихотворения печатаются впервые по автографам), «Проснувшийся Восток» (1911; печатается по книге: Брюсов В. Зеркало теней. М., 1912), «Туркам» (1915; по книге: Брюсов В. Семь цветов радуги. М., 1916), «К Варшаве» (1914; по «Русской мысли», 1914, №10), «Во дни великого страдания...» (год не указан; по книге: Брюсов В. Избранные стихи. М.;Л., 1933); вступительная заметка и публикация В.Молодякова.

Там же — под заглавием «Русская правда Ивана Ильина» к 110-летию со дня рождения И.А.Ильина печатаются в сокращении его статьи из сборника «О грядущей России» (Джорданвилл, 1991); предисловие Ю.Лисицы.

Нева:

В №2 — статья И.Сухих «Писатель с “философского парохода”» о М.Осоргине.

Там же — под заглавием «Последний интеллигент: К 85-летию со дня рождения Л.Н.Рахманова» печатается статья И.Меттера «О моем друге», а также переписка Л.Рахманова с К. и М.Чуковскими (1970), И.А.Ребриком (1977), К.Г.Паустовским (1956-1959); публикация Т.Л.Рахмановой.

Новое время:

В №11 — под заглавием «Справедливость без чудес» публикуется с сокращениями статья П.Новгородцева «Право на достойное человеческое существование» (1911).

Новый мир:

В №3 — под заглавием «А душа не тонет...» публикуются воспоминания А.Эфрон о матери (написаны предположительно в 1956 г.), а также 36 писем А.Эфрон 1956-1975 гг. И.Г.Эренбургу, Е.Я.Эфрон и З.М.Ширкевич, В.Ф.Пановой, А.А.Ахматовой, В.Н.Орлову, Э.Г.Казакевичу, П.Г.Антокольскому, Р.Б.Вальбе, Н.В.Канель; публикация, подготовка текста и комментарий Р.Б.Вальбе.

Там же — статья Г.Кружкова «“Ты опоздал на много лет...”: Кто герой “Поэмы без героя”?»

Там же — рецензия В.Микушевича «Дар черного дня» на книгу «Средь других имен» (М., 1990), а также на 12 выпусков серии «Поэты-узники ГУЛАГа» (М., 1991-1992): Ильзен (Грин) Е. Стихи; Соловецкая муза: Стихи и песни заключенных СЛОНа; Адамова-Слиозберг О. Путь; Бондарин С. Тебе дается день; Стрижевский Ю. Колючие снега; Баркова А.

Герои нашего времени; Чижевский А. Бесконечности; Фроловский М. Северная весна; Гаген-Торн Н. Отраженья; Муравьев В. Элегии и баллады; Виленский С. Каретный ряд; Колымский этап.

Там же — рецензия Ю.Каграманова на книгу: Флоренский П. Детям моим: Воспоминания. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.

Огонек:

В №12 — вкладка этого номера посвящена А.Вертинскому: письма, фотографии, воспоминания, в том числе фрагмент письма А.Вертинского к В.М.Молотову от 7 марта 1943 г. с просьбой о возвращении на родину; воспоминания Л.Вертинской о знакомстве с А.Вертинским; 4 письма А.Вертинского к Л.Вертинской (март-октябрь 1941 г.). Рубрику ведет С.Николаевич, публикация П.Крюкова.

Октябрь:

В №3 — продолжение «Иисуса Неизвестного» Д.Мережковского (начало — в №№11,12, 1992; №№1,2, 1993).

Там же — под заглавием «Заповедный круг римских воспоминаний...» публикуется переписка И.Н.Голенищева-Кутузова и Вяч. Иванова за 1928-1938 гг.; предисловие и комментарии И.Голенищевой-Кутузовой.

Посев:

В №2 — под общим заглавием «О причинах русской революции» печатаются две статьи конца 1940-х гг. И.А.Ильина: «Русская революция была катастрофой» и «Русская революция была безумием»; послесловие М.Н.

Там же — И.Ю.Шауб, статья «Созерцатель истины» (о С.Л.Франке).

Русская речь:

В №2 — под рубрикой «Антология поэзии "серебряного века"» печатаются 7 стихотворений В.Соловьева; предисловие и составление Н.В.Банникова.

Там же — под заглавием «Неизвестные стихи Маршака» впервые публикуются стихотворения С.Я.Маршака начала 1910-х гг., посланные им в редакцию газеты «Речь»; предисловие и публикация А.А.Колгановой.

Свободная мысль:

В №5 — статья М.Пьяных «Богоборец с сердцем Христа: 100 лет со дня рождения В.В.Маяковского».

Там же — статья В.Шевченко «Духовность, деятельность, культура» (о творчестве С.Л.Франка).

Там же — под рубрикой «Русский космизм» статья С.Семенович «"...Бесконечное приближение человечества к Богу": А.В.Сухова-Кобылин как мыслитель» и публикация отрывков из его «учения Всемира»: «Летание» (1900); «Две бесконечности: Математическая бесконечность. Спекулятивная бесконечность» (1899); «О единстве человечества во Вселенной» (1899); публикация С.Семенович.

Там же — под заглавием «Добро любит сообщать о себе» рецензия В.Нехотина на некоторые новые периодические издания, в том числе на первые три номера «De Visu».

Север:

В №3 — статья И.А.Ильина «Самобытность или оригинальничанье?!» («Русская мысль», Париж, 1927, кн.1), посвященная критике евразийства; публикация и вступительная статья А.А.Королькова.

Славяноведение:

В №2 — анонимная рецензия на книгу: Потхофер В. Данте в России. К восприятию Италии в русской литературе от романтизма до символизма (выходных данных не приведено).

Слово:

В №№ 1/2 и 3/4 — статья И.А.Ильина «О новом человеке».

В № 1/2 — статья В.Сапогова «Сочинял словесности...» о стихах художника Е.В.Честнякова; под заглавием «Ах, милое ты, кроткое дитя...» публикуются стихотворения Е.Честнякова; подготовка текста В.А.Сапогова.

Там же — под заголовком «Черный огонь» статья В.В.Розанова «О психологии терроризма» («Новое время», 1909, 25 июля); послесловие А.Н.Николюкина.

Там же — под заглавием «Поэт белой мечты» публикуются стихотворения И.И.Савина (1899-1927); предисловие Е.Данилова.

Там же — рецензия А.Трофимова «Евангелие от Михаила» на книгу: Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М., 1992.

В №3/4 — под заглавием «Странная вечность» статья В.Розанова «Возврат к Пушкину» (1912).

Современная драматургия:

В №1 — начало публикации «Дневника 1937 года» А.Афиногенова (печатается впервые); предисловие и публикация К.Н.Кириленко и В.П.Коршуновой.

Столица:

В №11 — рецензия Р.Должанского «Похвала скромности» на спектакль Театра им. Моссовета «Белая гвардия» (по «Дням Турбиных» М.Булгакова; режиссер П.Хомский).

Там же — заметка Н.Малинина «Зайцев в гостях у Цветаевой» о вечере в Доме М.Цветаевой, посвященном Б.Зайцеву.

Там же — заметка Н.Малинина об открытии музея-квартиры Андрея Белого на Арбате.

В №12 — заметка Н.Малинина «Главное — название оригинальное» о первом номере журнала «Мир Паустовского».

Там же — заметка Н.Малинина о юбилейном вечере в Литературном музее, посвященном 100-летию В.Шкловского.

Там же — заметка Н.Малинина о вечере в Доме ученых, посвященном М.Пришвину.

Театр:

В №1 — статья Е.Спицовой «Стерлигов и обзриуты», посвященная художнику В.Стерлигову (1904-1973).

Там же — новый «опыт реконструкции» пьесы Ю.Олеши «Смерть Занда»; автор реконструкции и предисловия В.Роговин.

В №2 — рецензия О. Богомоловой «Спектакль в стиле точность» на постановку в Театре им. Моссовета пьесы Л. Андреева «Собачий вальс» (режиссер А. Житинкин).

Форум:

В №2 — впервые печатается «новелла в стихах» Г. Шенгели «Стыд» (1937); публикация М. Шаповалова.

Там же — отрывок из романа П. Н. Краснова «От двуглавого Орла к красному знамени» (печатается по тексту 3-го издания: Рига, 1930); предисловие «Писатель-атаман Войска Донского П. Н. Краснов» А. Брежнева.

Человек:

В №2 — окончание публикации глав из книги Г. П. Федотова «И есть, и будет: (Размышления о России и революции)»; начало — в №1; публикация и комментарии Д. Бона.

Там же — статья Б. П. Вышеславцева «Бессмертие, перевоплощение и воскресение» (опубликована в сборнике «Переселение душ», Paris, 1991).

Там же — под рубрикой «Поэты русского зарубежья — соотечественникам» стихотворения Владимира Смоленского (1901-1961); предисловие и публикация А. Богословского.

Там же — под заглавием «В поисках собственного достоинства» к 90-летию со дня рождения публикуются дневниковые записи Б. Поплавского 1930-1931 гг.; вступительная статья «Все испытать самому...» и публикация А. Богословского.

Юность:

В №2 (вышел в марте) — глава из книги Н. Зернова «Русское религиозное возрождение XX века» (начало в №1).

Там же — под заглавием «Под каменным небом» публикуются рассказы Н. Ульянова «Солнце», «Последний», «Первого призыва» и «Мистер Ган» (из его книги «Мантуанская ночь»); предисловие А. Богословского.

* * *

В марте 1993 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер «религиозно-философского, историко-художественного и литературного журнала» «Мъра» (издательство «Глаголь», главный редактор В. И. Чернышев, редакционная коллегия: Г. М. Прохоров, С. А. Гриб, Т. А. Шумовский). Тираж первого номера 100 экземпляров; журнал предполагается издавать 6 раз в год. Название нового издания поясняет цитата из Евангелия, вынесенная в качестве эпиграфа: «...Ибо какою мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк 6,38).

Журнал открывается оригинальным произведением С. А. Гриба «Переписка из пяти углов», посвященным памяти Я. С. Друскина. Это — по определению автора «документ духовной жизни, возникший при обсуждении проблемы крещения» между Я. Друским, В. Вургафником, С. Грибом, А. Менем, Д. Дудко и др.; в основу «Переписки...» положены фрагменты их писем, бесед и пр., приведены стихотворения С. Вакуленко (поэта, по определению автора, «духовно близкого» Я. Друскину). В Приложении к «Переписке...» — «Несколько штрихов к портрету Я. С. Друскина», написанные С. Грибом по случаю 10-летия со дня его смерти (с. 28-31) и библиография сочинений Друскина (8 позиций).

Большую часть номера занимают историко-культурные исследования, написанные с академической обстоятельностью. Это работы Г. Г. Сильницкого «Исихиазм: Традиции, развитие, актуальность», Г. М. Прохорова «О чувстве вечного в русской литературе XIV-XV вв.» (заключенное его же рассказом «Как я был мухой»), В. С. Федорова «Отшельник из Силь-Мария» (о Ницше), Т. А. Шумовского «Размышления: Русский язык. Ороксология. Идолотворение» (о русских словах тюркского происхождения), А. Н. Маркова «Новое о рисунках М. Ю. Лермонтова: Из альбомов А. М. Верещагиной» (поиск возможных героев рисунков поэта). Очевидно, «Мъра» — попытка петербургских академических ученых (и ученых академической ориентации) создать альтернативный существующим изданиям РАН журнал, в котором реализовались бы их научные и философские интересы. (Отметим, что, судя по биографическим справкам, большая часть авторов «Мъры» — сотрудники академических институтов, в том числе — Пушкинского Дома.)

Художественная литература (кроме уже упомянутых выше стихотворений С. Вакуленко и рассказа Г. М. Прохорова) представлена повестью В. И. Чернышева «Разговоры с бабой Шурой» и подборкой его стихотворений; впервые на русском языке печатается книга К. Гамсуна «На заросших тропинках» (1948; перевод Г. М. Прохоровой).

Номер иллюстрирован работами художницы Т. А. Козьминой на евангельские темы, выполненными методом трафаретной печати (шелкография). В той же уникальной технике сделана Т. Козьминой и обложка номера.

Журнал издан на роскошной бумаге. Нам не известна цена этого номера, но, судя по всему, она должна быть немалой (если, конечно, весь крохотный тираж не разоидется по друзьям авторов и редакторов). В №2 журнала анонсированы продолжение публикации Гамсуна, работы Т. Шульговского и исследование «О религиозных воззрениях и метафизике Мережковских». Но, судя по объявлениям, которыми пестрят страницы «Мъры», издательство «Глаголь» не собирается ограничивать свою деятельность только изданием журнала: в его планах двухтомник «Корпус сочинений Дионисия Ареопагита» (с параллельными текстами на греческом и научным аппаратом), десяти томник «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях», книжная серия «Судьбы и история России» (в пяти из объявленных выпусках история России будет прослежена на материале истории дворянских родов Долгоруковых, Трубецких, Гагариных, Голицыных, Куракиных, Юсуповых, Волконских и Репниных. Издательство также планирует открыть в С.-Петербурге первый частный Русский университет.

Адрес журнала «Мъра»: 195267, Санкт-Петербург, ул. Ушинского, д. 23/2, кв. 58.

ГАЗЕТЫ

Газеты, просмотренные «De Visu» (март 1993): Аргументы и факты; Арт-фонарь; Век; Ветеран; Вечерний клуб; Вечерний Петербург; Вечерняя Москва; Восточный экспресс; Гласность; Голос; Голос Родины; Гудок; 24; Деловой мир; День; Домашнее чтение; Домострой; Еврейская газета; Известия; Книжное обозрение; Комсомольская правда; Крестьянская Россия; Крестьянские ведомости; Криминальная хроника; Культура; Куранты; ЛГ-Досье; Литературная газета; Литературная Россия; Литературные новости; Московская правда; Московские новости; Московский комсомолец; Московский литератор; Народная газета; Начало; Невское время; Неделя; Независимая газета; Патриот; Подмосковные известия; Подмосковье; Политика; Правда; Рабочая трибуна; Российская газета; Российские вести; Россия; Русская мысль; Русский вестник; Санкт-Петербургские ведомости; Сегодня; Семья; Смена; Собеседник; Совершенно секретно; Советская Россия; Сын Отечества; Третье сословие; Труд; Учительская газета; Федерация; Час пик; Экран и сцена; Эмиграция.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Аничков мост:

В №3(88) — статья Т.Никольской «И Робакидзе страстный пафос...» о писателе Г.Робакидзе (1884-1962); в частности, о его контактах с русскими символическими и популяризации новейшей русской литературы в 1910-х гг. в Грузии.

Аргументы и факты:

В №12 — рецензия Б.Любимова «Страшнее войны только Троицкий...» на спектакль Театра им. Моссовета «Белая гвардия» по М.Булгакову (режиссер П.Хомский).

Век:

В №8 — стихотворение К.Бальмонта «Мои звери».

Вечерний клуб:

В №47/48 — рецензия Н.Балашовой «Между пьесой и романом, между прологом и эпилогом» на спектакль Театра им. Моссовета «Белая гвардия» по пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных» (режиссер П.Хомский).

Вечерний Петербург:

В №54 — статья Ф.Балонова «Так вот где таилась гибель: Сегодня — годовщина смерти М.А.Булгакова» (о пьесе «Адам и Ева»).

В №68 — под рубрикой «Петербургский фотоальбом» статья Н.Гречук «Имена и лица» о напечатанных здесь же фотографиях А.Аверченко, Л.Андреева с женой, А.М.Андреевой (1905), Д.С.Мережковского.

В №69 — заметка П.Леонтьева «Дни Турбиных «истекли»» о спектакле по пьесе М.Булгакова в Театре им. В.Ф.Комиссаржевской в Петербурге.

В №71 — анонимная рецензия на книгу: Паустовский К. Золотая роза. М., 1991.

Вечерняя Москва:

В №43 — рассказ Н.Тэффи «Ревность»; публикация Н.Горячевой и И.Скоробогатовой.

В №60 — заметка Ю.К. «А перечитать стоит» (к 125-летию со дня рождения М.Горького).

В №61 — заметка Г.Сергеевой «Желтый ангел» о готовящейся постановке спектакля «Желтый ангел» по произведениям Н.Тэффи и А.Аверченко в Театре им. Моссовета (режиссер А.Житинкин).

Гласность:

В №12 — к 125-летию со дня рождения А.М.Горького заметка Н.Ковылина «Спутники поколений».

Голос Родины:

В №9 — статья Г.Мелихова ««Родная свеча на чужих дорогах»: А.Н.Вертинский в Китае» (о гастролях 1935 г.)

в №10 — рецензия В.Овсова «А.Аверченко, К.Бальмонт, И.Бунин и другие» на книгу: Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991.

Гудок:

В №53 — два фельетона М.Булгакова из газеты «Гудок» 1922-1926 гг.: «Развратник: (Разговорчик)» и «Кондуктор и член императорской фамилии».

В №56/57 — к 125-летию со дня рождения А.М.Горького заметка Е.Малюты «С нами и без нас».

День:

В №9 — под заглавием «Богом посланная конница...» 4 стихотворения литературоведа Р.М.Самарина (1911-1974) 1932-1961 гг.; публикация Н.Коллодкиной, вступление В.Мальми.

В №11 — печатается с незначительными сокращениями статья Г.Иванова «Литература и жизнь: (Маяковский, Есенин)» (впервые — «Возрождение», Париж, 1950; полностью опубликовано в журнале «Лепта», №2 за 1993 г.); в качестве предисловия печатается статья В.Смирнова ««Провидение вкуса»: Георгий Иванов — критик».

В №12 — под заглавием «Иван Ильин о прошлом и будущем России» печатаются отрывки из работ философа; публикация Ю.И.Сохрякова.

Домашнее чтение:

В №10 — стихотворение И.Бунина «Святой Прокопий» (1916).

Там же — под заглавием «Неизвестное интервью Шолохова» публикуется письмо (март 1957 г.) с записью беседы М.Шолохова с журналистом В.И.Коротеевым; публикация М.Тупикова, предисловие В.Сухнева.

Там же — впервые в России печатается стихотворение К.Бальмонта «К Анне Павловой кисти Сорина» (1922); предисловие Т.Селезневой.

Там же — рассказ Тэффи «Коготок уяз».

Известия:

В №47 — статья В.Баранова «Максим Горький и его трагедия» (о Горьком после революции).

В №52 — статья К.Кедрова «Бессмертие по Флоренскому» (о книге П.Флоренского «Мнимости в геометрии»).

Коммерсантъ-Daily:

В №50 — рецензия Е.Кретовой на премьеру спектакля «Желтый ангел» на Малой сцене Театра им. Моссовета (по произведениям Тэффи, А.Аверченко, А.Вертинского; режиссер А.Житинкин).

В №55 — информация об открытии 25 марта в Москве Музея Андрея Белого (Арбат, 55).

В №56 — статья Ю.Безъязычной «Русская идея» создана одновременно с «американской мечтой», извещающая, в частности, о выходе антологии «Русская идея» (М., 1993) с текстами В.Соловьева, В.Розанова, Н.Бердяева, А.Лосева и др.

Книжное обозрение:

В №10 — под заголовком «Великое разминовение» отрывок из книги А.Саакянц «Марина Цветаева: Жизнь и творчество», посвященный взаимоотношениям М.Цветаевой и Б.Пастернака.

Там же — незавершенные стихотворения М.Цветаевой: «Сам посуду: так топором рубила...» (1919); «Не в споре, а в мире...» (1921); публикация Л.Мнухина.

Там же — статья Н.Малыгиной «Голос из небытия: (О романе Андрея Платонова “Счастливая Москва”)

В №11 — статья Т.Кузовлевой «Пусть спорят» (о «женской поэзии» А.Ахматовой и М.Цветаевой).

В №13 — под заглавием «Помогите, или я погибну...» печатается письмо И.Шмелева А.Луначарскому от 21 декабря 1920 г., посвященное судьбе сына (полностью письма Шмелева Луначарскому публикуются в №2 журнала «Лепта»; вступительная статья; подготовка текста и публикация И.Тимашевой).

Там же — рассказ И.Лукаша «Зоря» (из цикла «Маленькие рассказы», полностью публикующегося в том же номере «Лепты»).

Культура:

В №№11/12 — статья В.Баранова «Горький и Сталин: Попытка противостояния».

Куранты:

В №53 — с незначительными сокращениями впервые публикуются воспоминания Н.Н.Полуянской о молодых годах Н.Бердяева; предисловие М.Рыбакова.

ЛГ-Досье:

В №3 — отрывок из книги М.Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро».

Литературная газета:

В №9 — заметка Н.Ивановой-Гладильщиковой о конференции «Бахтин и перспективы гуманитарных наук», прошедшей в РГГУ.

В №10 — статья В.Кондратьева «“Въхи” и мы» о значении идей сборника «Вехи» сегодня.

Там же — статья И.Шкляревского «Философия смеха» о творчестве С.Михалкова.

Там же — под заглавием «Горький, которого мы не знаем: К 125-летию со дня рождения М.Горького» печатается интервью И.Тосунян с заведующим архи-

вом Горького при ИМЛИ В.Бараховым (о новых поступлениях в архив).

Там же — два письма М.Горького к Сталину от 2 августа 1923 г. и [7-10 марта 1936 г.], посвященные, в частности, деятельности по организации Союза советских писателей и Первого съезда писателей и статьям «Правды» о «формализме» и «натурализме»; публикация В.С.Барахова.

В №12 — под заглавием «Марк Алданов: Из иконоборца он стал советской иконой» впервые на русском языке печатается очерк М.Алданова «Воспоминания о Максиме Горьком: (К пятилетию со дня его смерти)»; подготовка текста и публикация А.Чернышева.

Там же — под заглавием «“Велика была слава и велико одиночество”»: Из дневников Александра Афиногенова» впервые печатаются отрывки из дневника 1935 г., посвященные Горькому; публикация К.Н.Кириленко и В.П.Коршуновой.

В №13 — две стихотворных пародии В.Г.Короленько: «Тайна поэзии» (конец 1880-х — начало 1890-х гг.) и «Resignation bacchante: “Эллипсоид» (конец 1900-х гг.); публикация и вступительная заметка М.Г.Петровой.

Там же — рецензия Т.Рыбакиной «Путешествие в отцепленном вагоне» на спектакль Екатеринбургского Театра юного зрителя «Человек рассеянный» по произведениям С.Маршака (автор пьесы — Н.Скорород, режиссер — А.Праудин).

Литературная Россия:

В №11 — под заглавием «Жизнь пестрее была, чем в романе...» печатаются 6 стихотворений М.Волковой (1902-1983) 1939-1957 гг.

Там же — заметка В.Хохлова о вечера в ЦДЛ «Возвращение Алексея Ремизова».

В №12 — к 125-летию со дня рождения А.М.Горького под заглавием «М.Горький» впервые на русском языке публикуется фрагмент статьи Д.Святополка-Мирского «Литература в России большевиков» (журнал «The London Mercury» 1922, т.5, №27) и его же статья «Дело Артамоновых» (журнал «Версты», Париж, 1927, №2); предисловие, примечания и публикация В.Перхина, перевод с английского М.Бондаренко.

Литературные новости:

В №26/27 — рецензия Л.Иокар на книгу: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992.

Там же — окончание «Автобиографических заметок» И.Бунина (начало — в №23/24).

Там же — стихотворения А.Ахматовой («Долгим взглядом твоим истомленная...»), З.Гиппиус («Нелюбовь»), М.Цветаевой («Свиданье»), М.Петровых («Не взыщи, мои признанья грубы...»).

В №28 — письмо-отклик Ю.Айхенвальда «Пардон, мадам» по поводу статьи А.Саакянц «Уточнение смысла» («Независимая газета» от 24 декабря 1992 г.), в которой, по мнению Айхенвальда, незаслуженным нападкам подвергается Ю.Каган и работа о М.Цветаевой («ЛГ-Досье», 1992, №9).

Там же — окончание «Автобиографических заметок» И.Бунина.

Московская правда:

В №58 — статья Б.Мэрфи «Тихий Дон — конец мифа», автор которой поддерживает Л.Колодного в дискуссии об авторстве «Тихого Дона»; статья переведена с английского из новозеландского «Славянского журнала».

В №59 — анонимная заметка «Сегодня в ИМЛИ начинается конференция, посвященная 125-летию со дня рождения М.Горького».

Московские новости:

В №10 — заметка И.Горюновой «Юрий Любимов ставит “Доктора Живаго”».

Там же — Я.Меерзон, заметка «Спектакль для 12 зрителей» о спектакле «Чет-Нечет-Театра» «Зангези» по В.Хлебникову (режиссер А.Пономарев).

В №12 — статья В.Баранова «Вождь и смерть: К истории одного сталинского автографа» (на книге М.Горького «Девушка и Смерть»).

Московский литератор:

В №4 — под заглавием «О русском национальном самостоянии» печатается «беседа» Г.Могилевцева с И.А.Ильиным (в качестве «ответов» использованы цитаты из работ философа).

Мысль (газета марксистской платформы КПСС):

В №4(36) — перепечатка двух статей М.Горького из цикла «Несвоевременные мысли» («Новая жизнь», 1917, 18 и 27 апреля) с редакционным предисловием, рекомендуящим читателю судить самому, насколько актуальны сегодня эти горьковские тексты.

Народная газета:

В №55 — заметка А.Коновалова о литературном вечере в Орехово-Зуеве, посвященном творчеству С.Клычкова.

В №57 — к 125-летию со дня рождения А.М.Горького печатается статья Г.Блюмина «Умное сердце» (о доме Горького в Горках).

Невское время:

В №41 — статья А.Владимирской «Четверг, которого не было: (Маленькое наблюдение)» о попытке вычислить время действия романа В.Набокова «Дар».

В №57 — к 125-летию со дня рождения М.Горького печатается статья С.Лурье «Сказка о Буревестнике» (о противоречиях в жизни и творчестве писателя).

Независимая газета:

В №39 — статья А.Маргулева «“В молчаньи твоего ухода упрек невысказанный есть...”»: Цветаева и Пастернак».

В №40 — статья К.Икрамова «Трагедия затаенного стыда: К вопросу о трансформации источников» (о романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита»); публикация О.Икрамовой-Седельниковой.

В №44 — рецензия В.Шохиной «Феномен Анастасьева» на книгу: Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992.

В №45 — рецензия Г.Бирюкова «“Бул” Гаков и “Нема” Гакова» на премьеру «Белой гвардии» в Театре им. Моссовета (режиссер П.Хомский).

В №55 — неизвестная статья М.Горького из цикла «Несвоевременные мысли» (московское издание «Но-

вой жизни», 1918, 2/15 июня); публикация И.Вайнберга.

В №56 — полумемуарный рассказ И.Д.Сургучева «Горький и дьявол» (из журнала «Возрождение», 1955, №46).

В №57 — статья О.Егошиной «Максим Горький: Карикатура и анекдот», в которой рассматриваются мифы, складывавшиеся вокруг имени Горького.

Там же — статья С.Федякина «“Горький” ум Горького: Над страницами “Заметок из дневника”».

В №59 — рассказ А.Платонова «Герои режимной экономии: (Быль советских заштатных населенных пунктов)»; перепечатка из еженедельника «За 7 дней» (сентябрь 1926 г.); публикация и предисловие Р.Янгирова.

Там же — рецензия П.Г. «Труды Рерихов» на книги Н.К.Рериха «Россия» и «Обитель света», выпущенные Международным центром Рерихов.

Открытое образование:

В №2 (время выхода не указано) — статья Г.Федотова «В защиту этики» (печатается в сокращении по его книге «Новый град», Нью-Йорк, 1955; впервые в журнале «Путь», 1939); послесловие Ф.Чиренка.

Подмосковные известия:

В №43 — под заглавием «Как мучительно быть русским!» рецензия А.Шахматова на книгу В.Розанова «Опавшие листья» (выходные данные не приведены).

В №55 — к 125-летию со дня рождения А.М.Горького печатается подборка материалов, посвященных писателю: отрывок из воспоминаний Е.Кусковой о помощи Горького ее больному мужу в 1921 году («Последние новости», Париж, 1938); рассказ Тэффи «Цинга» (воспоминания о встрече с Лениным в 1905-1906 гг.; впервые в газете «Звено», Париж, 1924); под заглавием «Униженных я терпеть не могу...» отрывки из воспоминаний П.Пильского о Горьком (газета «Наша заря», Тяньцзинь, 1938); публикация А.Алешина и И.Хабарова.

В №60 — статья Е.Андрианова «Богородские краеведы и М.Горький».

Правда:

В №43 — статья Н.Трифоновой «Поэма века: К 75-летию “Двенадцати” А.Блока».

В №60 — статья В.Бушина «Максим Горький и другие: К 125-летию со дня рождения».

Российская газета:

В №59 — под заглавием «Шестикрылый серафим Даниила Андреева» впервые публикуется его стихотворение «Размах» (1950), а также интервью Т.Булкиной с вдовой Д.Андреева А.А.Андреевой.

Российские вести:

В №59 — к 125-летию со дня рождения М.Горького публикуется статья Н.Примочкиной «От обожествления — к осмыслению».

Там же — неизвестное ранее письмо М.Горького к В.М.Молотову (между 5 и 19 апреля 1935 г.), протестующее против продажи за границу архивных ценностей; публикация Е.Никитина.

Там же — под заглавием «Ленин был сделан из одного куска» печатается заключительный фрагмент статьи Л.Троцкого (название и источник публикации не указаны, датировано 28 сентября 1924 г.), в которой он полемизирует с Горьким в связи с его очерком «В.И.Ленин».

Русская мысль (Париж):

В №3969 — продолжение публикации дневниковых записей Б.Зайцева 1939-1945 гг. «Дни» (начало — в №3961).

Там же — статья Е.Пастернака «Вечность на порогах смут», посвященная памяти Ж.Л.Пастернак.

Там же — статья В.Иванова «В поисках Вахтангова» к 110-летию со дня рождения режиссера.

Там же — под шапкой «Памяти Дмитрия Дмитриевича Бушена» печатаются статьи Б.Лосского «Последний из “Мира искусства”» и А.Васильева «Памяти художника».

В №3970 — продолжение «Дней» Б.Зайцева.

Там же — статья А.Иванова «Смешное в страшном, или Аверченко сегодня» и рассказ А.Аверченко «От Ильи Муромца до поручика Пирогова» (1918).

Там же — статья О.Медведковой «Париж открывает Шугала».

Там же — статья Н.Кожевниковой «Роберт Фальк в согласии... с собой».

В №3971 — продолжение «Дней» Б.Зайцева.

Там же — рецензия В.Купченко «На волошинскую полку» на книги: Волошин М. Россия распята. М., 1992.; Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. М., 1991 [1993]; Александр Георгиевич Габричевский: [Каталог]. М., 1992.

В №3970 [3972] — статья А.Иванова «Кривой Джими русской поэзии» о Н.Агнiewiczе.

Там же — под шапкой «Мария Вениаминовна Юдина — музыкант-мыслитель» публикуются эссе Н.Павлович «Бездомный дух музыки» (1971) и заметка А.Шнитке (1978); вступительная статья и публикация А.М.Кузнецова.

Там же — статья В.Леонидова «Уникальная библиотека Российского Фонда культуры» (книжное собрание, включающее в себя, в частности, многочисленные издания русской эмиграции).

Русский вестник:

В №7 — статья Ю.Булычева «Принципы силовой, духовной и политической обороны в русском православии: (К 110-й годовщине со дня рождения И.И.Ильина)».

Санкт-Петербургские ведомости:

В №52/53 — статья Н.Банк «Неискаженный лик души» о жизни и поэзии Н.В.Крандиевской.

В №56 — заметка М.Горской «Возвращение Набоковых» о подготовке к открытию музея в доме Набоковых в Петербурге (Большая Морская, 47).

В №57/58 — статья Л.Карохина «Забывтое имя: Зоя Бухарова», посвященная поэтессе З.Д.Бухаровой (1878 — после 1923).

В №69/70 — под заглавием «Товстоногов ставит Горького» воспоминания Д.М.Шварца о работе Г.А.Товстоногова в БДТ над постановкой пьес М.Горького.

Сегодня:

В №4 — статья П.Крючкова «Часть вторая: Наваждение страха», посвященная опубликованным в «Знамени» дневникам К.Чуковского за 1932-1969 гг.

В №5 — статья А.Немзера «Культура и взрывы», посвященная, в частности, выходу книги Н.Струве «Православие и культура» (М., 1992).

Семья:

В №9 — отрывок из повести С.Эфрона «Детство».

Там же — стихотворение И.Бунина «Матери» (1906-1911).

В №11 — под заглавием «Невыдуманный Борис Пастернак» печатаются воспоминания В.Ливанова (глава из неизданной одноименной книги).

В №13 — рассказы М.Зошенко «Душ-самотек имени академика Ущемихина» (1931) и «Карнизомобиль».

Спасение:

В №10 — отрывок из статьи А.Белого «Линия, круг, спираль — символизм».

Третье сословие:

В №5 — под заглавием «Маршал С.Буденный: Опыт литературной критики» перепечатывается статья С.Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови” о «Конармии»; предисловие Я.Рыбкиной».

Труд:

В №68/69 — под заглавием «Максимушка, я хватаюсь за твои руки...» публикуется фрагмент из готовящейся к печати книги В.Баранова «Горький без грима».

Учительская газета:

В №8 — заметка Л.Чубарова «Что мы не знаем о Макаренко» (о книге Л.Конисевича «Нас воспитал Макаренко», изданной в Челябинске).

Час пик:

В №8 — под заголовком «Чинарь Авто-ритет бессмыслицы: Александр Введенский» публикуется статья Е.Биневиц о жизни и творчестве поэта, а также его стихотворения: «И я в моем теплом теле...» (1920), «Ответ богов» (1929), «Снег лежит...» (1930), ««Сыну»» (1938), «Элегия» (1940).

Экран и сцена:

В №8 — отрывки из недавно вышедшей книги Д.Фридмана о Н.Р.Эрдмане «Крик молчания»; перевод с английского А.Плавинского.

Эмиграция:

В №9 — статья В.Лашкула «Чем прогневил украинцев Владимир Галактионович Короленко?» (в связи с исключением произведений писателя из школьной программы на Украине).

Там же — под заглавием «Франция эта была двуликой» печатается фрагмент из воспоминаний З.Шаховской о Франции 1920-х гг.

Modus vivendi:

В №3 — статья Я.Белицкого «Страсть к книге» о Н.А.Рубакине.

«Вестник гуманитарной науки»

Самарский «Вестник гуманитарной науки» представляет собой информационное издание, обращенное прежде всего к провинциальной гуманитарной интеллигенции. Своим девизом он избрал: «Кто владеет информацией, владеет миром». Как известно, всякий научный работник страдает одновременно от недостатка информации (поиски нужной книги стали постоянным занятием российского гуманитария) и от ее избытка (кого не повергала в отчаяние невозможность уследить за текущей литературой!) Где уж тут «владеть миром»... Разумеется, в провинции эти проблемы ощущаются острее. «Вестник гуманитарной науки» пытается если не разрешить их, то хотя бы помочь их разрешению.

«Вестник» задуман как ежемесячное издание, однако выдержать заявленную периодичность ему, как и многим новым изданиям, не удается. На сегодня вышло всего шесть номеров. Первые два печатались в качестве вкладыша в ежемесячной самарской газете «Информкультура» (в №№2 и 3 за 1992 г.), затем «Вестник» оформился в самостоятельное издание, выходящее раз в два месяца сдвоенными номерами (№№3/4 и 5/6 за 1992 г. и №№1/2 и 3/4 за 1993 г.) Объем — 1 печ. л. (16 стр. in octavo). Тираж двух первых номеров «Вестника» — 10 тыс. экз., на последующих тираж не указан.

Главное содержание «Вестника» — хроника научной жизни. Это прежде всего — программы отечественных и зарубежных конференций по гуманитарным наукам. Сразу отметим явный уклон издания в сторону русской филологии, хотя в нем присутствуют и искусствоведение, музыковедение, история и экономика. Не может не удивить широта охвата: ведь в шести вышедших номерах помещена информация о конференциях, прошедших не только в Москве, Петербурге и Самаре, но и в Астрахани, Брянске, Великом Устюге, Воронеже, Даугавпилсе, Донецке, Иерусалиме, Коломне, Лозанне, Одессе, Перми, Риге, Сергиеве Посаде, Смоленске, Таллинне, Уфе, Ярославле. Зная, что «Вестник» редактируется и составляется фактически одним человеком, можно только удивляться энтузиазму и работоспособности его главного редактора.

Конечно, печатаемые в «Вестнике» программы лишь приблизительно соответствуют реальному ходу конференций и перечисление имен докладчиков и названий докладов может только раздражить аппетит гуманитария. Конечно, правильнее было бы публиковать краткие отчеты. Но и в теперешнем своем виде «Вестник» исключительно полезен.

Где, скажем, вы сможете навести справки о прошедшей конференции и прочитанных на ней докладах спустя уже полгода после завершения ее работы? Поэтому не будет лишним, нам кажется, перечислить программы хотя бы некоторых конференций, которые могли бы заинтересовать читателей «DV». Это «Вторые Пильняковские чтения» (Коломна), «Николай Клюев. Новокостромская литература и русская культура» (Москва), «Русская поэзия: 1918 год» (Даугавпилс), международные конференции по творчеству М.А.Булгакова (Самара, Будапешт), «Розановские чтения» (Москва), международный colloquium по Вяч. Иванову (Женева — Картины), «А.М.Ремизов и мировая культура» (Таллинн), «Ан-

дрей Белый и его время» (Коктебель), «IV Хлебниковские чтения» (Астрахань), «Алексей Ремизов и художественная культура XX века» (С.-Петербург).

Очень важен в «Вестнике» и другой раздел, тесно примыкающий к первому. Он называется «Научные встречи» и призван информировать читателей о предстоящих конференциях (как правило, эти сообщения сопровождаются точной информацией о том, кому нужно направлять заявки на выступление).

Третий по значимости раздел «Вестника» — библиографический. Здесь, кроме объявлений о книжных новинках (и, что ценно, адресов, по которым их можно заказать), оглавления зарубежных изданий по славистике. Таким образом, редакция «Вестника» решает проблему поисков «нужной книги»: читатель получает возможность заказать в редакции ксерокопию интересующих его материалов. Уже напечатаны оглавления сборников «Slavica Hierosolymitana» (№3/4 за 1992 г.), «Slavic Poetics», 1973, «Slavic and East European Journal», 1990, vol. 34, №2 (№5/6 за 1992 г.), а также перечень книг по славистике, изданных известным славистом из Кельна Вольфгангом Казаком (№1/2 за 1993 г.).

Гораздо реже публикуются в «Вестнике» тексты отдельных выступлений или статьи. Из публикаций такого рода можно выделить доклады Х.Гюнтера «Государство как «тотальное произведение искусства»», прочитанный в ноябре 1991 г. в Одессе на конференции «Литература и власть» (№1 за 1992 г.) и И.Есаулова «К генеалогии авангарда» (РГГУ, 1992 — №1/2 за 1993 г.) Х.Гюнтер убедительно, на наш взгляд, анализирует эстетический аспект тоталитарной идеологии, стирающей принципиальную разницу между искусством и не-искусством: «Тоталитарное государство <...> представляет собой своеобразное идеально-реалистическое, монументальное, классическое, народное и героическое произведение искусства...» И.Есаулов видит предшественников авангарда в художниках Ренессанса, Фихте и романтиках. Авангард, по мнению автора, есть предельное возвеличивание человеческого творчества и вызванный этим возвеличиванием бунт против Творца и Его творения.

В «Вестнике» опубликованы также доклад Н.Петровой (Пермь) ««Свобода» и «закон» в творчестве Мандельштама» (№1 за 1992 г.), М.Дмитровской (Калининград) «Экзистенциальные корни чевенгурской утопии» (№3/4 за 1992 г.), фрагмент докторской диссертации М.Нике «Клычков и его время» (№2 за 1992 г.), а также сообщение Г.Подольской «Сонет о сонете в русской поэзии рубежа XIX-XX веков» (№5/6 за 1992 г.) и проект «Бахтинского тезауруса», составленный Н.Д.Тамарченко (№1/2 за 1993 г.).

В №3/4 за 1992 г. опубликованы фрагменты записных книжек Д.Хармса, дополняющие, как извещает публикатор, публикацию в альманахе «Минувшее» (Вып. 11).

В заключение приведем фрагмент из выступления М.М.Гиршмана (№5/6 за 1992 г.), в котором, в частности, говорится: «Литературоведы все меньше и меньше читают и слушают друг друга...» «Вестник гуманитарной науки» стремится изменить это положение вещей.

В.В.Николаенко

Литературные чтения к 100-летию В.В.Маяковского

14-15 мая 1993 г., Коломна

Организаторами этой первой в России конференции, посвященной юбилею поэта, выступили Коломенский педагогический институт и городской Комитет по культуре. Прошедшая конференция не была первой конференцией по Маяковскому в Коломне: в октябре 1987 г. в нашем городе уже прошла Всесоюзная конференция «Маяковский и современность», на которой выступали ученые из разных городов: З.С.Паперный, Л.К.Долгополов, Г.С.Черемин, С.В.Коваленко, М.Ф.Пьяных, Л.А.Спиридонова, Д.Н.Медриша, А.П.Ауэр, А.С.Кацев и др. Нынешняя конференция по-своему продолжила в новых общественных условиях разговор о судьбе поэта.

Первым с докладом «Маяковский вчера, сегодня, завтра» выступил К.Г.Петросов (Коломна). Он напомнил, что с середины 1930-х гг. Маяковский был канонизирован и на протяжении нескольких десятилетий на него наводился «хрестоматийный глянец». Примерно с середины 1980-х гг. Маяковский из «лучшего, талантливейшего» под пером ряда авторов превращается в «антипоэта», «наместника сатаны», носителя «космополитизма, ненавидящего Россию». Одним из путей демифологизации Маяковского, по мысли докладчика, является пристальное изучение глубинных связей, существующих между характером «поэта-неоромантика» и его «экзистенцией» и творчеством.

Об этом же говорил и С.С.Лесневский (Москва) в докладе «Маяковский о гибели царской семьи». Проанализировав реалии, связанные с пребыванием поэта в январе 1928 г. в Свердловске и текст стихотворения «Император», докладчик предположил, что отношение Маяковского к убийству Николая II и его семьи было довольно сложным. В стихотворении «Император», быть может, неожиданно для самого поэта, обнажается то, что не укладывается в «социальный заказ». Связано это, по мнению докладчика, и с «ласковым словом» «дочурки», и с реминисценцией из Лермонтова, но особенно со строками, исключенными поэтом из окончательного текста:

Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден.

Выступивший вслед за С.С.Лесневским А.В.Кулагин (Коломна) сопоставил некоторые стихотворения В.С.Высоцкого 1970-х гг. и стихотворения Маяков-

ского «Военно-морская любовь» и «Разговор на одесском рейде десантных судов...»

В.Н.Терехина (Москва) отметила важность изучения критики русского зарубежья, посвященной Маяковскому. Докладчик выделила три основные направления: «социологическое» (И.Бунин, Вл.Ходасевич, Г.Иванов), «эстетическое» (М.Цветаева, Р.Якобсон, Г.Адамович) и «нравственно-религиозное» (Н.Оцуп, Н.Устрялов, Е.Аничков). Особое значение, по ее словам, имели работы М.Слонима «Два Маяковских», Р.Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов» и М.Цветаевой «Эпос и лирика современной России», оказавшие воздействие на формирование взглядов многих зарубежных маяковедов и подспудно влиявших на отечественное литературоведение.

Доклад М.Д.Бочарова (Таганрог) был посвящен пьесе «Баня», в которой, по утверждению докладчика, традиционные для сатиры Маяковского проблемы — бюрократизм, «комчанство», приспособленчество — предстают не как отклонение от принципов жизни советского общества, а как система государственного устройства, ставшая тормозом на пути преобразования жизни.

Принципы изучения Маяковского в средней школе были освещены в выступлениях Г.Н.Левицкой (Коломна) и Т.И.Кондратовой (Коломна).

Доклад А.П.Ауэра (Коломна) был посвящен истории отношений Б.А.Пильняка и В.В.Маяковского. Использование различных источников позволило по-новому высветить причины их сложных личных взаимоотношений, а также выдвинуть вопрос о некоторой близости в сфере поэтики.

В конференциях, организуемых КПИ, часто принимают участие и студенты. Так было и на сей раз. Цикл стихотворений М.Цветаевой, посвященный Маяковскому, проанализировала Ю.Н.Карпачева. О.В.Викторович, сопоставив статью А.В.Луначарского «Маяковский-новатор» (1931) с высказываниями о Маяковском эмигрантов первой волны, обнаружил как некоторые переклички, так и принципиальные различия в подходе авторов. Н.Л.Тихонская говорила о том, как изменялось на протяжении десятилетий отношение к Маяковскому Б.Л.Пастернака и попыталась раскрыть причины этих перемен в связи с творческой эволюцией поэтов и движением времени. О.Э.Динер проанализировала стихотворение Д.Самойлова ифлийской поры, посвященное Маяковскому.

Отчеты о прошедшей в Коломне конференции появились в местной печати, см.: Кулагин А. Загадка Маяковского // Коломенская правда. 1993. 21 мая; Николаева О. К 100-летию В.Маяковского // Народный учитель. 1993. 25 мая.

«Маяковский на рубеже XXI века»

19-21 мая 1993 г., Москва

Организаторами «международной научной конференции» выступили несколько государственных, научных и общественных организаций: ИМЛИ им. М.Горького РАН, Министерство культуры Российской Федерации, Международное сообщество писательских союзов, Содружество Союзов писателей, Государственный литературный музей и Государственный музей В.В.Маяковского.

Конференция собрала ученых столь разных поколений, школ и направлений, что временами казалось, будто мы присутствуем при каком-то обнажении геологических пород: вслед за выступлением специалиста, долгие десятилетия занимавшегося практически в подполье историей русского авангарда и вынужденного печатать свои работы за границей, на кафедру выходил маяковсковед, получивший научную степень еще в 1950-е гг. и укрепивший свой «авторитет» в годы антибриковской кампании; после методологически безупречной научной работы следовал доклад, живо напоминавший аудитории «шедевры» отечественного маяковсковедения 1940-1950-х гг.

Конференция открылась вступительным словом академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН Е.П.Чельшова, который охарактеризовал кратко состояние современного отечественного маяковсковедения и критически — многочисленные попытки «дискредитации» поэта и его творчества, предпринятые в последние годы в литературоведении и критике. В его выступлении были также намечены пути дальнейшего изучения творчества Маяковского, в частности, говорилось о необходимости подготовки нового академического Полного собрания сочинений и актуальности включения в исследовательский оборот эмигрантских работ о поэте.

После Е.П.Чельшова участников конференции приветствовал руководитель одного из писательских объединений России Тимур Пулатов, продолжив, по-видимому, зарождающуюся на наших глазах традицию научных конференций ИМЛИ (ср. его же приветственное выступление там же на Горьковской конференции).

Научная программа конференции открылась докладом ветерана изучения творчества Маяковского во Франции Клода Фриу. В докладе «О противоречиях утопического разума у Маяковского» он остановился на проблеме соотношения собственно поэтического мира Маяковского и «утопической реальности», в которой ему пришлось жить.

А.М.Ушаков (Москва, «Идея “жизнестроения” в эстетике и творчестве Маяковского») говорил об общих принципах «жизнестроения» поэта на широком культурном фоне. Однако, на наш взгляд, докладу существенно не хватало конкретности в постановке проблемы применительно именно к Маяковскому; опираться на одни только работы Н.Чужака по этому вопросу — сегодня уже явно недостаточно.

Большая часть доклада З.С.Паперного (Москва) «Антимиф Маяковского» представляла собой рефлек-

сию как по поводу своих работ о Маяковском, так и работ ученых своего поколения. Искренний и остроумный доклад, содержащий, впрочем, и ряд небезынересных идей об «антимифостроительстве» у поэта, был тепло встречен аудиторией.

М.Л.Гаспаров (Москва) предложил участникам конференции работу, выполненную совместно с И.Ю.Подгаецкой. В докладе «Маяковский и Пиндар: О “праздничных” стихах В.Маяковского» было четко показано, что кажущиеся наиболее «примитивными» и «барабанными» т.н. «праздничные» стихи Маяковского имеют за собой глубокую культурную традицию и наделены устойчивыми метрическими и строфическими признаками. В докладе содержались также исключительно интересные статистические выкладки по «праздничным» произведениям Маяковского, сопровождавшиеся глубоким и остроумным комментарием.

Б.Янгфельдт (Швеция) обратился к теме «Маяковский и Ницше»; статью, на основе которой был сделан этот доклад, см. в настоящем номере «DV».

Взгляды поэта на революцию и историософские идеи Н.Бердяева были сопоставлены Б.П.Гончаровым (Москва) в докладе «Творчество Маяковского и концепция “русского коммунизма”: (К осмыслению исторического процесса)».

Е.Гуидубальди (Италия) в докладе «Дантовские мотивы в творчестве Маяковского» говорил о двух поэтах исключительно в рамках собственной фило-софской доктрины, предусматривающей «возрождение мира» через «постижение» творчества великих поэтов; в случае с Маяковским существенную роль, по его мнению, должно играть и понимание Лили Брик на фоне Беатриче. В целом этот доклад к филологии имел очень малое отношение; оценка же концепций Е.Гуидубальди не входит в задачу нашего отчета.

К.Г.Петросов (Коломна, «Любовь — это сердце всего...») отметил, что все «любвные сюжеты» в жизни Маяковского имели одну и ту же структуру, остававшуюся неизменной на протяжении всей его жизни; всех заинтересовавшихся этим замечанием мы отсылаем к №3 «Известий ОЛЯ» за этот год, где уже напечатана статья, на основе которой был сделан этот доклад.

Доклад Д.Д.Ивлева (Латвия) был озаглавлен «Маяковский в исследованиях последних лет», однако полемизировал докладчик почти исключительно с работами о Пастернаке 1970-1980-х гг. Л.Флейшмана, посвятив, впрочем, и некоторую часть своего выступления книге Ю.Карачиевского «Воскресение Маяковского» (также вышедшей отнюдь не в «последние годы») и откликом на нее в печати.

Работа второго дня конференции была разделена на две секции: заседания первой проходили в том же здании ИМЛИ (Поварская, 25а), второй — в помещенич Литературного музея (Трубниковский пер., 17).

Заседания первой секции открыл Г.С.Черемнин (Москва) Многие положения его доклада «Маяковский и партийный вождизм: (К вопросу об общественно-политических взглядах поэта)» показались нам знакомыми по его работам 1960-1970-х гг.; исключение, пожалуй, составили лишь некоторые эпитеты («антисталинская» сатира Маяковского и пр.)

Л.С.Руднева (Москва) в докладе, озаглавленном «Маяковский и Мейерхольд», в общих чертах охарактеризовала взаимоотношения поэта и режиссера, особо подчеркнув, что творчество каждого из них носило «трагедийный» характер. Интереснее нам показались ее личные воспоминания о встречах с Мейерхольдом и пересказ устных отзывов режиссера о Маяковском.

В.В.Мусатов (Нижний Новгород, «К проблеме логики поэтического развития Маяковского») рассмотрел значение таких важных для жизни и творчества поэта категорий, как «искусство и жизнестроение», «поэт и будущее». Творчество Маяковского 1920-х гг. докладчик расценил как «неудавшуюся попытку» примирения реальной действительности и нереализовавшихся футуристических мечтаний 1910-х гг. (поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!»); в этом же свете была осмыслена и гибель поэта — ставшая, по выражению докладчика, неизбежным результатом «столкновения утопии и действительности», попытки «преодоления истории».

А.П.Руднев (Коломна/Москва) жанр своего сообщения «Черты экспрессионизма в поэтике раннего Маяковского и Леонида Андреева» обозначил как «дополнение к теме», ранее уже бывшей предметом специального исследования. В выступлении были использованы малоизвестные газетные публикации 1910-х гг.

С.С.Лесневский (Москва) сделал доклад «Блок и Маяковский». Это эссеистическое выступление мы бы резюмировали так: религиозное сознание, от которого Маяковский отрекся еще в юности, оставалось его «духовной родиной»; душа поэта «тосковала по вере» в годы разгула «сатанинского футуробольшевизма» и царства «коммунистического антихриста»; Блок же для «блудного сына гармонии» Маяковского был источником для переосмысления традиционных религиозных образов.

Творчеству Маяковского и поэта, принадлежащего уже к другому поколению, посвятила свое выступление «Владимир Маяковский и Давид Самойлов» Н.В.Кононова (Латвия).

Решительную попытку пересмотреть традиционные для советского маяковедения оценки предпринял Н.Н.Степанов (Украина, «Сатира Маяковского после 1917 года»). Им был сделан подробный обзор по этой теме, напомнивший нам о многих работах последних десятилетий.

Г.М.Печеров (Москва, «Внутренняя форма» в строфике Маяковского») рассматривал указанную проблематику не в категориях, как это можно было понять из названия его доклада, Потемни, а исходя из работ Л.Тимофеева.

Ю.А.Арпишкин (Москва) в докладе «Маяковский и Евреинов», кратко проинформировав о творческих личных контактах поэта и режиссера, рассмотрел ряд

текстов Маяковского 1913 г. о театре и кино в контексте тогдашней полемики о будущем театра (Н.Евреинов, А.Кугель, Ю.Айхенвальд); «отголоски» театроведческих работ Евреинова, по наблюдению докладчика, содержатся и в тексте драмы «Владимир Маяковский».

Особой эмоциональностью отличалось выступление М.Н.Харькова (Украина), вызвавшее — впервые за все время работы первой секции — оживление в зале. Большая часть его доклада, названного не без вызова «Был ли Маяковский поэтом проституток?», содержала остро критические выпады в адрес В.Перцова, А.Метченко, Л.Колоскова, Л.Тимофеева и др.; если бы они прозвучали хотя бы лет семь назад в стенах ИМЛИ, впечатление, конечно, было бы большее. Но аудитория и сегодня не оставила их без внимания. Как и резюмирующий вывод докладчика, который, на основе анализа «непрочитанного», по его выражению, стихотворения «А все-таки...», так ответил на вопрос, поставленный в заглавии доклада: Маяковский не был поэтом проститутки, а его стихотворение обращено «ко всем нам».

Заседания второй секции были, может быть, не столь интересны с историко-научной точки зрения, но привлекли, как нам показалось, гораздо большее число специалистов.

После вступительного слова Евгения Рейна, открывшего заседания второй секции, с сообщением «Маяковский в материалах русских архивов в Финляндии» выступила Н.Башмакова (Финляндия), давшая не только обзор архивных материалов, но и зачитавшая несколько отрывков из них.

Л.Спроче (Латвия) в докладе «Маяковский и Серебряный век» предложила содержательный комментарий к известной эпиграмме Маяковского на Брюсова, поводом к появлению которой стала публикация брюсовского продолжения пушкинских «Египетских ночей». Резкость эпиграммы Маяковского докладчик связала и с тем, что как раз в то время Андреем Белым Брюсов был объявлен «Пушкиным наших дней». Таким образом, эпиграмма Маяковского была включена в общий контекст символистско-футуристической полемики 1910-х гг.

В.В.Катанян (Москва) в сообщении «Из архива Л.Ю.Брик» дал обзор уникальных документов, сохранившихся в его домашнем архиве. По мнению докладчика, публикация даже некоторых из них позволит преодолеть сложившиеся за десятилетия легенды о Лиле Брик и ее отношениях с Маяковским. Докладчик также рассказал о готовящихся публикациях из семейного архива.

И.И.Аброскина (Москва, «Маяковский в неопубликованной переписке современников») зачитала ряд интереснейших цитат из писем как соратников, так и врагов поэта. Некоторые материалы были посвящены обстоятельствам самоубийства и похорон Маяковского, а также событиям последующих за ними лет.

Л.К.Алексеева (Москва, «О подготовке выставки Маяковского в 1940 г.») представила исключительно динамичный и актуальный материал для изучения рецепции творчества поэта после знаменитой сталинской резолюции. История несостоявшейся выставки

дает удивительно объемную картину, с одной стороны, государственного «почитания» Маяковского, а с другой, — наглядно демонстрирует весь арсенал способов уничтожения живого восприятия поэта его современниками. Против канонизации поэта резко протестовал Асеев, отрывки из поразительного по смелости выступления которого на обсуждении плана выставки были зачитаны докладчиком.

Вечернее заседание секции открылось темпераментным выступлением ветерана «Бригады Маяковского» С.С.Гринберга (Израиль), блестяще рассказавшего о том, как он и его товарищи по Бригаде сумели пронести через всю жизнь любовь к Маяковскому, как не устраивал власти их революционный энтузиазм, как выламывался Маяковский из прокрустова ложа тогдашней идеологии.

С докладом «Маяковский и Пастернак» выступил К.М.Поливанов (Москва), продемонстрировавший исключительную творческую близость двух поэтов на раннем этапе их творческого пути и проанализировавший пути «преодоления» Пастернаком Маяковского в последующие годы.

А.Е.Парнис (Москва) дешифровал текст В.Ф.Ходасевича «Зимняя буря», написанный в форме брахиколона и пародирующий Маяковского (сохранился в альбоме В.Познера, Париж). Текст был рассмотрен в контексте полемики Маяковского и Ходасевича, которая продолжалась, по признанию последнего, 18 лет.

Л.Ф.Кацис (Москва) в докладе «Обэриуты и футуризм: А.Введенский и Маяковский» на основе анализа многочисленных цитат и аллюзий на Маяковского в произведении Введенского «Кругом возможно Бог» предпринял попытку доказать, что это сочинение представляет собой мистическое осмысление самоубийства Маяковского (случившегося, на что в свое время было указано Л.Флейшманом, в Страстной понедельник).

М.А.Немирова (Москва) в сообщении «Три автографа из фондов Государственного музея В.В.Маяковского» проанализировала некоторые автографы Е.Гуро. Однако, большая часть оглашенных ею сведений и текстов уже была известна по зарубежным публикациям.

Л.А.Селезнев (Москва, «Маяковский и Левинсон: Посмертный эпилог полемики») рассказал об участии А.Левинсона — критика, известного маякововедам по своему резкому выступлению о «Мистерии-буфф» в 1918 г., — в полемике вокруг имени Маяковского в эмигрантской печати.

Л.Е.Колесникова (Москва, «Японские связи Маяковского») дала подробный комментарий к нескольким фотографиям, запечатлевшим поэта и его японских друзей.

Особо отметим выступление В.А.Тейдер «Новый фонд Маяковского: (Из коллекции В.Д.Дувакина)». Огромный фонд фондо документов, собранный известным маякововедам, хранится ныне в Научной библиотеке МГУ. Коллекция «звуковых мемуаров»

современников поэта интересна не только тем, что включает в себя воспоминания людей, не опубликовавших свои воспоминания, но и тем, что, беседуя с мемуаристом, Дувакин задавал многочисленные уточняющие вопросы, выясняя не известные ранее обстоятельства жизни и творчества поэта. Собрание фондо документов Дувакина не ограничивается материалами о Маяковском; в частности, оно включает в себя и материалы, связанные с деятельностью группы «ничевоков».

Несколько докладов второй секции было посвящено искусствоведческой проблематике. Сообщение Ю.М.Молока (Москва) «Метроном и циркуль» было посвящено экслибрису одного из поэтов-современников Маяковского, отразившему в малой графической форме его литературную полемику с поэтом в начале 1920-х гг.

Г.Г.Поспелов (Москва, «Яшвили и Маяковский в мастерской художника Машкова») предложил свою расшифровку одного из портретов художника, выдвинув гипотезу, что на «Портрете мальчика в расписной рубашке» (1909) изображен юный Маяковский.

А.А.Стригалева (Москва) в докладе «Маяковский и Татлин» изложил историю взаимоотношений поэта и художника, указав, что Маяковский выступал как своеобразный представитель авангарда перед властью.

Х.Баран (США) в своем докладе проанализировал так называемые «календарные» тексты Маяковского, связанные большей частью с Рождеством, Пасхой и т.д. Было убедительно показано, что и в текстах, посвященных Первой мировой войне, и в пореволюционных произведениях (чаще всего — «антирождественских») Маяковский сохранял общую структуру пасхальных и рождественских текстов, восходящую к произведениям из праздничных номеров русских журналов 1880-х — 1910-х гг. (в частности, в докладе были привлечены пародийные рождественские тексты журнала «Сатирикон»); особо интересным нам показалось предположение, что источником образа поэта-самоубийцы, распятого на кресте-колокольне («Про это») была рождественская поэма Диккенса «Колокола».

Научную конференцию завершил «круглый стол», прошедший в помещении Государственного музея В.В.Маяковского (пр. Серова, 3/6) 21 мая. Резкость полемических выступлений его участников живо напомнила присутствующим литературные диспуты 1920-х гг., хотя большая часть из того, что говорилось, не имела отношения к творчеству Маяковского, а касалась оценки его роли и места в сегодняшней жизни. Вполне уместным поэтому нам показалось замечание С.Гринберга, заявившего, что в развернувшихся за «круглым столом» спорах было забыто одно немаловажное обстоятельство: Маяковский «был и остается» прежде всего великим поэтом.

А.Ю.Галушкин,
Л.Ф.Кацис

«Маяковский в историко-литературном контексте XX века»

8-9 июня 1993 г., Москва

Организатором научной конференции выступил филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. В ходе работы конференции были заслушаны 13 докладов и сообщений ученых из России и США.

В.И.Фатюшенко (Москва) в докладе «Творчество Маяковского в контексте русской концепции жизни» рассмотрел отношение поэта к той концепции бытия, которая формировалась в русской литературе, в религиозном опыте и в интеллектуальной сфере на протяжении столетий (в частности, у А.Пушкина, Л.Толстого, Ф.Достоевского), и соотнес ее со взглядами современников поэта (А.Блока, С.Есенина, М.Волошина, А.Ахматовой, Б.Пастернака, А.Платонова, М.Булгакова).

В сообщении Хелены Сегалл (США) «Маяковский и Есенин — полемика в стихах» поэты-современники были представлены как диаметрально противоположные в своих мировоззренческих взглядах. Poleмика была проанализирована на материале стихотворений Маяковского «Юбилейное», «Тамара и Демон» и стихотворений «Пушкину», «На Кавказе» С.Есенина.

«Город в художественной системе Маяковского» — тема доклада А.М.Минаковой (Москва). В докладе рассматривались некоторые аспекты мифопоэтики Маяковского в связи с мифологемой «города» и оппозициями «город — космос», «город — земной шар», «город — улица», «дом — дорога», «дом — бездомье» и др., а также функция этой мифологемы в художественной системе поэта, преемственность и трансформация авторской мифопоэтики по отношению к первобытному мифу.

Н.А.Петрова (Пермь) в докладе «Маяковский и Мандельштам» остановилась на проблеме взаимосвязи двух литературных течений — акмеизма и футуризма — на примере их наиболее ярких представителей. Были освещены различия и сходства в их отношении ко времени, смерти, свбде, особенности литературного поведения.

В докладе С.Л.Стражанова (Иваново, «Поэма "150 000 000" в творческой эволюции Маяковского») поэма была расценена как переходная и ключевая в творческой эволюции поэта. В этом произведении талант Маяковского проявляется с прежней трагической силой и захватывающей новизной, но у Б.Пастернака, по мнению докладчика, были все основания назвать поэму «нетворческой»: из текста явно выпирает конструкция, остов, из раннего Маяковского — Маяковский поздний. Этот тезис был развернут затем в докладе на основе анализа фабульных и стиливых решений, образа «человекобога».

В докладе И.Ю.Иванюшиной (Саратов) «Творчество Маяковского как феномен утопического сознания» концепция времени у поэта рассматривалась в связи с идеями Эйнштейна, Вернадского, Муравьева.

Времяобразующими факторами у Маяковского, с точки зрения докладчика, являются наука, техника, политика, искусство; победа над временем мыслится как результат сознательной человеческой деятельности.

«Библейские мотивы в раннем творчестве Маяковского» были проанализированы в докладе И.Ю.Искржицкой (Москва) в связи с глубоко драматичным движением «левого» искусства, ориентированного на разрыв с культурой и культом во всех их проявлениях. Поэт остро переживал этот «разрыв» в жизни и творчестве, и это нашло выражение в драматических «последних» вопросах, обращенных к самому себе, Богу, бытию, мирозданию.

Г.М.Печоров (Москва) в своем сообщении «Литературный смысл споров о жанрах В.Маяковского» обратил внимание на современные отечественные интерпретации творчества поэта и дал им критическую оценку.

В докладе Г.Н.Малышевой (Москва) «Булгаков и Маяковский» были сопоставлены повесть «Собачье сердце» и пьеса «Клоп». Был проанализирован образ «нового» человека, созданный этими столь различными писателями, рассмотрены вопросы взаимовлияния творчества Булгакова и Маяковского, осознанное и художественно-интуитивное прогнозирование ими будущего.

Сообщение М.В.Радзишевской (Москва) содержало рассказ о новом фонде В.Маяковского в Научной библиотеке МГУ. Составила его коллекция фонозаписей по русской культуре XX века, сбор которой был начат 25 лет назад В.Д.Дувакиным. Материалы ее связаны не только с именем Маяковского, но и с целым пластом советской культуры 1920—1930-х гг.

В докладе В.Е.Головчинер (Томск) «Художественная система Маяковского-драматурга» послеоктябрьская драматургия поэта была рассмотрена в аспекте «карнавального» мироощущения и органического освоения жанра мистерии, трансформированного затем Маяковским в эпическую драму.

Два заключительных доклада были посвящены традициям Маяковского в национальных литературах. А.Гаглойтэ (Цхинвали, «О некоторых аспектах "присутствия" Маяковского в судьбе М.Камбердиева») раскрыла роль творчества Маяковского в формировании классика осетинской поэзии. П.К.Чекалов (Ставрополь) в докладе «Традиции Маяковского в абазинской поэзии», сопоставив стихотворения Маяковского «Юбилейное» и М.Чикатуева «Встреча с Костой Хетагуровым», отметил воздействие русского поэта на поэта абазинского.

И.Ю.Искржицкая

«Маяковский и утопия XX века»

16-19 июня 1993 г., Париж

Международная конференция под этим названием открылась в Центре Помпиду чтением «Левого марша» А.Синявским. Уже одно это чтение, повышенная декламация, контрастирующая с озорным выражением глаз самого чтеца, задавало полемический тон, который заметно чувствовался во многих докладах. Как отметил М.Окутюрье (Париж) во вступительном слове (организатор конференции, вместе с отсутствовавшим по болезни К.Фриу), Маяковский в ряду юбиляров последних лет — Ахматовой, Мандельштама и Пастернака — занимает особое место. Надо ли, как спрашивал А.Дравич (Варшава), в третий раз «хоронить» Маяковского (после второго, сталинского «захоронения» в 1935 г., превратившего поэта в каменную статую)? Этот вопрос, заданный в первый день, открыл дискуссию, в которую так или иначе вступили все участники конференции.

В качестве заглавия своего доклада З.Паперный (Москва) взял фразу, сказанную поэтом в 1915 г.: «Я хочу будущего сегодня». Отталкиваясь от нее, докладчик рассмотрел некоторые черты поэтического мышления Маяковского. Особенности утопического сознания Маяковского были проанализированы и в последовавшем за выступлением З.Паперного докладе «Три лика Маяковского-утописта» З.Матаузера, ветерана изучения творчества Маяковского за рубежом.

Б.Янгфельдт (Стокгольм) в докладе «“Революция духа” как утопия XX века» подробно рассказал об истории организации «Кафе футуристов» и связях Маяковского с анархистскими кругами.

В докладе Б.Пикон-Валлен (Париж) рассматривались роль утопии и образ будущего в художественной структуре пьес Маяковского. Докладчик отметила, в частности, что образ будущего у поэта заметно трансформировался: сначала между первой и второй редакциями «Мистерин-Буфф» а затем — между «Клопом» и «Баней»; в последней пьесе, например, в образе Победоносикова искажаются и высмеиваются конструктивистские идеалы и тейлоризм, положительно окрашенные в предыдущей пьесе. Будущее отдалается и становится «чистой метафорой». В заключение докладчик отметила связь этих пьес с неосуществленными сценариями Эйзенштейна («Glass House»), а также Фэксов.

Л.Трубецкая (Париж), рассматривая образ Маяковского в творчестве Булгакова, показала, как от карикатурного, отрицательного образа Булгаков в конце жизни приходит к мысли о том, что «надо прочитать Маяковского».

Следующий день работы конференции начался выступлением С.Володиной (Москва), внучатой племянницы Маяковского, которая поделилась семейными воспоминаниями и показала ряд неизвестных фотографий.

Затем выступил А.Жолковский (Лос-Анджелес), который рассмотрел вопрос «плохописи» Маяковского на примере «неудачного» стихотворения 1923 г.

«Дачный случай». В очень подробном разборе текста докладчик показал, настолько отмеченные «недостатки» стили «подходят» для выражения главного смысла стихотворения: бессмысленность насилия и произвол в поведении чекистов — героев стихотворения.

В докладе Е.Невзглядовой (Москва) были проанализированы особенности стиха Маяковского и ошибки в интерпретации некоторых вполне классических размеров (ямбов и хореев), рассматривавшихся ранее на основе изучения интонации как акцентные стихи.

Доклад В.Парниевского (Польша), как и доклад Ж.-К.Ланна (Лион), был посвящен особенностям утопического мировоззрения Маяковского. Во втором докладе, главный упор был сделан на особенностях «бюджетлянской» утопии и на различиях между Хлебниковым и Маяковским.

О.Смола (Москва) в докладе «Две утопии Владимира Маяковского» попытался показать как после 1917 г. Маяковский пришел к полному отречению от самого себя.

В докладе А.Кушнера (Москва) интересным образом был поставлен вопрос о влиянии грузинского языка на поэтику молодого Маяковского.

Е.Эткинд (Париж) рассмотрел поэму «Облако в штанах» в контексте истории жанра, различая вокалическую и консонантическую традиции, и проанализировал поэму Маяковского в целом, заметив, что фабулу ее можно свести к пяти строкам («поэма о безумии»).

В последовавших за этим прениях Б.Янгфельдт отметил, что «безумие» у Маяковского прямым образом связано с Ницше, которого поэт прочитал в 1912 г. А.Парнис, возвращаясь к вопросу о влиянии грузинского языка на поэтику Маяковского, поднятому А.Кушнером, подтвердил, что грузинский язык — в качестве модели «заумного» — безусловно повлиял на поэтику футуризма (Лившиц, к примеру, также знал грузинский). Однако, отметил А.Парнис, было бы большим упрощением свести языковые искания молодого Маяковского исключительно к этому факту.

В докладе, посвященном поэме «150 000 000» Р.Айзельвуд (Лондон) разобрал сложные ритмические конструкции на основе гекзаметрической единицы и увидел в них эквивалент тематики умножения, сложения и составного целого, которая доминирует в этом произведении.

М.Окутюрье (Париж) посвятил свой доклад теме лирического героя у Маяковского и, как нам кажется, очень убедительно определил его как своеобразную конструкцию, творческое превращение поэтического «я», как объект поэтического задания. Такая «театрализация» (в смысле Н.Евреинова) лирического начала имеет свои этические и экзистенциальные последствия, в частности, идею жертвенности поэта этой конструкции (которая, кстати, казалась очень заманчивой Пастернаку).

С.Стрижнева, директор Государственного музея В.В.Маяковского в Москве, рассказала о последних поступлениях, которые, как нам показалось, ничего революционного в биографию поэта не внесли. Дневник матери Патриции Томпсон скоро увидит свет, последние материалы по делу о самоубийстве Маяковского, поступившие из президентского архива, представляют несомненный интерес, но освещают скорее состояние умов в кругах близко знавших поэта, нежели вносят существенные дополнения к известным уже фактам.

З.Богуславская (Москва) осветила некоторые подробности взаимоотношений Т.Якоблевой и Л.Брик.

Л.Робель (Париж) посвятил свой доклад связям Маяковского с французскими поэтами и влиянию его поэтики на их творчество.

Р.Платоне (Неаполь) показала на детальном анализе стихов Маяковского невозможность для поэта описать положительную утопию.

А.Парнис (Москва), разбирая одно стихотворение Маяковского, выявил анаграмму Ф.Сологуба, а в другом («Гимн критику») — К.Чуковского, подтвердив таким образом на фонетическом уровне гипотезу об адресате этого сатирического произведения.

В докладе Ж.Нива (Женева) рассматривался образ Маяковского в поэзии Цветаевой и, в частности, говорилось о связях между образами Маяковского и Разина.

В.Лосская (Париж), выступившая сразу вслед за Ж.Нива, также усмотрела сходные моменты в творчестве обоих поэтов — как формальные, так и в поэтическом видении мира, но особо подчеркнула, что Цветаева не принимала самоубийства Маяковского как богоборческого поступка.

И.Смирнов (Констанц) посвятил свой доклад детальному разбору утопических и антиутопических источников в «Докторе Живаго» (Лейбниц, Сен-Симон, Фурье, Руссо, Кампанелла, Хаксли). В этой связи И.Смирнов выдвинул интересную интерпретацию образа Антипова как своего рода вольтеровского Кандида, противоположного утопическим мотивам в творчестве Маяковского.

Несмотря на то, что докладчику не дали дочитать свое сообщение, положения его доклада вызвали интересную дискуссию. М.Окутюрье, в частности, возразил, что Пастернак не полностью отрицал утопические тенденции Маяковского и до 1934-1935 гг. ему импонировал образ поэта-жертвенника. А.Жолковский усмотрел противоречие между методической поэтикой Пастернака, которая несет в себе «хаос», и принципом гармонии, который Пастернак утверждал вслед за Лейбницем.

Л.Долгополов (Санкт-Петербург) в своем докладе, на наш взгляд, не очень убедительно пытался доказать, что одним из главных прототипов Живаго является Маяковский. М.Чудакова в связи с этим докладом в последовавших прениях поставила вообще вопрос о прототипе и об интертекстуальных изысканиях в литературоведении.

Д.Малмстад (Гарвард) посвятил свой доклад истории отношений Маяковского и Ходасевича и

привел ряд интересных фактов, проливающих свет на книгу последнего «Некрополь».

Последний день конференции был посвящен обсуждению проблемы связей творчества Маяковского и других видов искусства. Первой выступила Н.Тун (Берлин), очень подробно рассказавшая о пребывании Маяковского во Франции, о последовавшем за этим разрыве с миром художников и появившемся интересе к кинематографии и театру.

В докладе Ю.Молока (Москва) предполагалось подчеркнуть роль графического искусства в творчестве Маяковского, однако, по причине технических неисправностей докладчику не удалось продемонстрировать изобразительные материалы, на анализ которых он хотел опереться в своем докладе.

К.Депретто (Тулуза) очень интересно осветила историю отношений между Маяковским и формалистами. Присутствие Маяковского на собраниях Московского лингвистического кружка и Опояза в 1919-1920 гг., по ее мнению, следует рассматривать в русле поисков поэтом теоретического базиса для своего творчества. Если начало 1920-х гг. можно охарактеризовать как период взаимного притяжения и интереса, то начиная с середины 1920-х гг. интерес формалистов к творчеству Маяковского падает; докладчик связала это со сложными взаимоотношениями между формальной школой и ЛЕФом. После своего разрыва с ЛЕФом в 1928 г. В.Шкловский призывает к необходимости создания коллективного опоязовского сборника, который в какой-то мере был осуществлен в виде статей, написанных формалистами в связи со смертью Маяковского.

Р.Гейро (Клермон-Ферран) в докладе, посвященном взглядам «заумников» из группы «41°» на Маяковского, осветил некоторые факты из истории их взаимоотношений. В частности, он раскрыл двойственность отношения членов группы к Маяковскому: с одной стороны, Маяковский является объектом постоянных насмешек, с другой — продолжает служить эталоном и ориентиром в их поэтике. Вторая часть доклада была посвящена организации тифлисского «Фантастического кабачка», параллельного московскому «Кафе поэтов», связь между которыми, по мнению докладчика, осуществлял В.Каменский (в 1917-1919 гг. он дважды ездил в Грузию).

А.Синявский (Париж) проследил в поэме Маяковского «Человек» отголоски поэтики символизма и, в частности, реминисценции из «Петербурга» Белого.

Подчеркивая связь между утопией и насилием в творчестве Маяковского, Л.Геллер (Лозанна) привел примеры из малоизвестных литературных утопий и антиутопий как советских, так и эмигрантских, в ряду которых утопия Маяковского не выглядит единичным явлением.

М.Розанова (Париж) попыталась «развенчать» Маяковского, используя его же апологетические тексты, и доказать, что настоящей любовью поэта была вовсе не Л.Брик или революция, а Ленин.

М.Чудакова (Москва) предложила интересную периодизацию восприятия образа Маяковского в советском обществе. Выделив в качестве основных вех гибель поэта и канонизацию его Сталиным, она

рассказала о создавшемся амбивалентном представлении о Маяковском как «положительном герое» и «певце революции», с одной стороны, и об отрицательной оценке факта его самоубийства, с другой.

С.Чупринин (Москва) поделился опытом общения с молодыми русскими поэтами, которые, по его утверждению, не читают Маяковского и отвергают его поэтический опыт.

В докладе В.Новикова (Москва) рассматривалось творчество Высоцкого как последователя Маяковского.

После чтения докладов последовали бурные прения под председательством М.Розановой, разделившие (в основном, российских) участников конференции на поклонников творчества поэта и его противников, призывавших сбросить Маяковского «с парохода современности». Если научный уровень прений оставался (иногда) желать лучшего, темперамент, с которым проходила дискуссия, свидетельствовал об актуальности самой темы.

V.P.

«Владимир Маяковский — знакомый и незнакомый. Проблемы современного восприятия и интерпретации»

20-21 июля 1993 г., Москва

Происходящий в последние годы пересмотр созданного советским маяковедением и поиск новых, перспективных путей исследования удачно совпали с традиционно «итожащей» датой — столетием со дня рождения поэта. Российско-американский симпозиум, который состоялся в ИМЛИ РАН, не был обычным юбилейным мероприятием. Прежде всего отметим, что инициатива его проведения принадлежала американской стороне. В Лемановском колледже Городского университета (Нью-Йорк) 30 апреля — 1 мая 1993 г. прошел фестиваль Маяковского, в программе которого была выставка фотопортретов А.Родченко, спектакль по пьесе «Клоп», поэтические чтения, научный симпозиум и представление книги «Маяковский на Манхэттене», подготовленной Патрицией Томпсон на основе воспоминаний своей матери, Елизаветы Зиберт (Элли Джонс). Помимо неизвестных ранее фактов, касающихся пребывания Маяковского в США и творческой истории ряда произведений, книга включает его письма, рисунки, сохраненные в семейном архиве. С целью познакомить российских исследователей с этими материалами, а также с работами американских коллег и была предпринята встреча в Москве.

Симпозиум открыла П.Томпсон, выступившая с речью «Что значит быть дочерью Маяковского». Она призвала к более детальному изучению биографии поэта, которую так долго искажали авторы его официальных, санкционированных свыше жизнеописаний.

Научная программа симпозиума строилась как диалог по нескольким узловым проблемам: особенности раннего творчества Маяковского, Маяковский и Есенин, Маяковский в Мексике, Маяковский в последний год своей жизни.

К участникам симпозиума обратился с приветственной речью директор ИМЯИ Ф.Ф.Кузнецов.

К.Лати (США) сообщила о связях драмы «Владимир Маяковский» с дифирамбической драмой античности и последующими ее интерпретациями в работах Ницше, Вяч. Иванова и английской исследовательницы Д.Харрисон.

А.П.Зименков (Москва) в докладе «Общественный идеал Маяковского и традиции русской духовности» остановился на национальных истоках творчества поэта. Не узко идеологические (в частности, большевистские), а народные, по мысли докладчика, представления о коллективизме и соборности, свободе личности и будущем земном рае лежали в основе гуманистического идеала и эстетики поэта.

Любопытные наблюдения содержались в докладе Ф.Скотта (США) «Атомарная проза» В.В.Розанова — «пощечина общественному вкусу», в котором Розанов был рассмотрен как ближайший предшественник Бахтина.

Проблеме межлитературных взаимодействий посвятил свое выступление «Уитмен в творческом самоопределении раннего Маяковского» Л.Ф.Кацис (Москва).

Конкретный анализ поэтических текстов содержали доклады Х.Сегалл (США) и К.Троя (США). В первом рассматривалась полемика Маяковского и Есенина в стихах, обращенных к Пушкину; второй был посвящен есенинским реминисценциям в творчестве Маяковского (в особенности, его последних набросках).

Эта тема была продолжена в докладе А.А.Козловского (Москва) «Спор о Христе: В.Маяковский, С.Есенин, А.Блок, А.Белый — в 1918 году». На основании рукописных источников и редких публикаций докладчик сделал несколько уточнений к творческой истории поэм Блока и Есенина.

О.П.Смола (Москва) в докладе «Две утопии Маяковского» говорил о связи творчества раннего и позднего Маяковского; футуристическая молодость поэта закономерно привела его к саморазрушению и отказу от творчества ради утилитарного «социального заказа».

Второй день работы симпозиума открылся сообщением М.Моблей (США) «Черная Америка глазами Маяковского». Эта почти неизученная тема, касающаяся разнообразных личных контактов поэта и творческой интерпретации этих впечатлений, была дополнена сведениями из российских архивов, собранными В.Н.Терехиной (Москва). Близок к этому

выступлению был и доклад М.Готлиб (США) «Влияние Маяковского на испанскую литературу», в котором речь шла преимущественно о литературе латиноамериканской.

О необходимости нового взгляда на последний год жизни поэта и пьесу «Баня» говорил А.А.Михайлов (Москва), предложивший свою интерпретацию третьего действия пьесы как «разоблачительной пародии» на административную систему и тоталитарное государство.

Последним был заслушан доклад А.Тодда (США) «Синдром внезапной смерти героя: Случай В.Маяковского», содержащий наблюдения над психологическим состоянием поэта, суждения о возможных мотивах самоубийства.

В общей дискуссии, завершившей работу симпозиума, приняли участие А.М.Ушаков, С.С.Лесневский, Г.С.Черемнин, С.А.Коваленко, Л.С.Руднева и др.

В.Н.Терехина

К «Архивографии» 6-го номера

В замечательно интересной публикации К.М.Поливанова есть два момента, на которые хотелось бы обратить внимание. Первый относится к не объяснимому никакими рациональными причинами (и к тому же высказанному не первый раз) предположению, что сборник «Чет и нечет» не был включен Н.П.Рогожиным в соответствующий том указателя литературных альманахов и сборников, — на самом деле книга занимает в указателе положенное ей место. Впрочем, появление его там настолько неожиданно, что действительно производит странное впечатление. Между прочим, стоит отметить, что ленинградские издания до 1927 года пользовались гораздо большей свободой, чем московские, где Главлит, очевидно, свирепствовал гораздо сильнее.

Но гораздо важнее, что в 1925 году готовился второй выпуск альманаха. В архиве поэта, члена довольно известного общества «Марсельских матросов» М.М.Бамдаса (1896-1959) сохранились два письма Ф.М.Вермеля, которые хотелось бы здесь привести, принеся при этом самую искреннюю благодарность дочери М.М.Бамдаса Т.М.Корзинкиной.

26/X <19>25

Многоуважаемый Моисей Маркович!

Не знаю, читали ли Вы альманах поэзии и критики «Чет и нечет», который вышел весной этого года. В настоящее время готовится к печати II вып. этого альманаха. Если Вы ничего не имеете против участия в нем, не откажите прислать Ваши стихи по моему адресу: Сретенский > бульвар, д. 6, кв. 130.

Альманах издается на товарищеских началах — без гонораров.

Ф.Вермель.

30.XII. <19>25

Многоуважаемый Моисей Маркович!

Простите, что так долго не сообщал Вам, как обстоит дело с альманахом — все ждал, пока судьба его окончательно не выяснится.

К сожалению, целый ряд обстоятельств — материальных и других — препятствует сейчас выпуску «Чет и нечет»'а.

Позвольте, хотя бы с опозданием, поблагодарить Вас за Ваши стихи, которые мне очень понравились.

Искренно к Вам расположенный

Ф.Вермель.

Эти два письма вносят важные подробности в историю рукописных и машинописных изданий двадцатых годов, заполняя лагуну, образовавшуюся между вырвавшимся в типографскую форму «Четом и нечетом» и «Гипербореем». Одновременно они дают возможность более точно определить противопоставление «печатное — рукописное» в реальности двадцатых. И, наконец, список людей, близких к небезразличному для истории русской поэтической и филологической культуры кружку, пополняется еще одной фамилией, заставляющей вспомнить и о капитане того пироскафа, на борту которого находились «марсельские матросы», и о трагически погибшем Юрии Дегене, и о том, что к «марсельским матросам» был близок В.М.Жирмунский (которому столь исправно посылался машинописный журнал «Гермес»), и о многом другом.

Н.А.Богомолов

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др. информировать о планирующихся и прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

Редакция просит сотрудников изданий, в сферу интересов которых входит русская литература 1890-1930-х гг., присылать эти издания для наших обзоров.

Редакция будет признательна за любые дополнения к нашим книжным, журнальным и газетным обзорам.

Адрес редакции: Москва, 117437, ул. Островитянова, 19-139.

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомолов. Окультизм в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничего: материалы к истории и библиографии
- Тематическая текущая библиография за июль-август 1992 г.
- Хроника научной жизни

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галущкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского
- Тематическая текущая библиография за сентябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№2 за 1993 год:

- Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы
- Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому
- Инна Андреева. К истории отношений В.Ф.Ходасевича и Муни (С.В.Киссина)
- А.Л.Соболев. «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
- О.С.Фигурнова. Игорь Северянин в Эстонии: материалы к библиографии
- Тематическая текущая библиография за октябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№3 за 1993 год:

- Александр Ширяевец. Из переписки 1912-1917 гг. с Н.А.Клюевым, С.М.Городецким, В.Ф.Ходасевичем, М.Горьким и др.
- М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка
- Ю.М.Каган. О еврейской теме и библейских мотивах у Марины Цветаевой
- В.Г.Сукач. Материалы к библиографии В.В.Розанова
- Тематическая текущая библиография за ноябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№4 за 1993 год:

- В.Я.Брюсов. Стихотворения 1918-1921 гг.
- Борис Садовской. Кровавая звезда
- Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху
- М.П.Арцыбашев. Письма Борису Савинкову
- К.М.Поливанов. Заметки и материалы к «политической» биографии Бориса Пастернака
- А.Ю.Галушкин. В защиту свободы печати
- Тематическая текущая библиография за декабрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

№5 за 1993 год:

- М.Ф.Ликиардопуло. Письма М.А.Кузмину
- Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона
- М.А.Волошин. Письма С.Ф.Платонову
- М.Л.Гаспаров. Стих и смысл
- В.В.Попов, Б.Я.Фрезинский. Материалы к библиографии И.Г.Эренбурга
- Тематическая текущая библиография за январь 1993 г.
- Хроника научной жизни

№6 за 1993 год:

- В.И.Лурье. Воспоминания о Гумилеве
- К.К.Вагинов. Поэма. Рецензии
- Неизвестное стихотворение М.А.Кузмина
- Леонид Липавский. Сны
- Л.Ф.Кацис. Словарь «Стихов о неизвестном солдате»
- С.Н.Доценко. Об одном примере анаграмматического построения текста: Вяч. Иванов.
- К.М.Поливанов. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»
- Тематическая текущая библиография за февраль 1993 г.
- Хроника научной жизни

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

Tatiana Tchernova,
P.O. BOX 1641, New-York, NY 10159-1641 USA

В 1993 г. "De Visu"

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения Ф.Коган, В.Соловьева, С.Укше; переписку В.Соловьева и С.Трубецкого; дневники, письма и статьи Эллиса; письма А.Кондратьева Б.Садовскому; письма Б.Божиева, М.Волошина, Г.Газданова, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, Е.Замятина, В.Комаровского, Ю.Никольского, С.Парнок, И.Сельвинского, Ю.Тынянова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, В.Шкловского, И.Шмелева, И.Эренбурга, Б.Эйхенбаума, В.Яновского; воспоминания О.Дымова, А.Кондратьева, Е.Полонской; дневники Б.Поплавского, М.Пришвина; статьи и выступления И.Анненского, В.Брюсова, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Якобсона; стенограммы заседаний «Вольфилы».

Статьи о творчестве В.Андреева, И.Аксенова, А.Ахматовой, М.Булгакова, К.Вагинова, А.Волынского, Л.Добычина, Г.Иванова, Н.Клюева, Д.Кнута, А.Крученых, О.Мандельштама, В.Маяковского, Д.Мережковского, В.Набокова, Ю.Олеша, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Розанова, Ф.Сологуба, Д.Хармса, В.Хлебникова, В.Ходасевича, М.Цветаевой, К.Чуковского, Г.Шенгели.

Материалы к биографии Б.Пильняка.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама; материалы к библиографии М.Арцыбашева, Г.Газданова, С.Городецкого, Е.Замятина, Л.Лунца, В.Розанова, И.Северянина, А.Тинякова; указатели содержания журналов и однодневных газет 1920-х гг.; «Свободный стих в критике 1900-1930-х гг.»; «Русские поэты XX века: Дополнения к библиографии А.Тарасенкова».

Материалы к истории и библиографии литературных групп «Серрапионовы братья», «акоитисты», «люминисты», «презантисты».

Материалы к истории советской цензуры и раннего «самиздата».

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Будапеште, Варшаве, Владимире, Вытегре, Коктебеле, Москве, Перми, Петрозаводске, Таллинне, Тарту и др.)

В декабре 1993 г. предполагается выпустить №13(14), в который войдут: указатель содержания вышедших номеров, именной указатель, библиографические справки об авторах «DV».